

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

3. 2023

*Награждение победителей литературного конкурса
«Как слово наше отзовется». Нальчик, ГКЗ, 04.05.23 г.*

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

3. 2023 МАЙ–ИЮНЬ

ДИАЛОГ С ПОЭТОМ

К 80-летию Х. К. Бештокова

Х. К. Бештоков

Хабас Бештоков – именинник. Красивая круглая дата. Для кого-то целая жизнь, для кого-то зрелость, в зависимости от того, кто сколько успел сделать важного и большого. У нас на радио состоялось интервью с Хабасом Карнеевичем, и я не удержалась от традиционного вопроса: как он относится к юбилеям?

– В общем, спокойно, если не прохладно. Я сказал бы, мало веселья. В принципе, человек не может знать, когда он может подводить итог, потому что он всегда надеется, что еще рано. Так он может думать и в 50, и в 60, а некоторые и в 80. Но, хочешь – не хочешь, если до сих пор ничего не сделано, пусть даже и в 50, особенно в жанре поэзии, вообще во всех жанрах искусства, то маловероятно, что потом будет сделано.

– Вы представляете, как сложна моя задача. Сколько лет, сколько передач на радио мы с вами делали, сколько подборок озвучили в поэтических тетрадах, – и все время я могу обращаться только к одному сборнику на русском языке, «Красный всадник», изданному в 1977 году. У вас нет переводчиков.

– Вы прекрасно знаете, что в идеале поэзия непереводаема. Если вы, человек с тонким вкусом, со специальным литературным образованием, спрашиваете меня, почему у меня нет переводов, встречный вопрос: а что я должен сказать?

– Согласна, существует проблема хороших переводов, есть даже теория непереводаемости...

– Прежде всего, существует проблема плохих переводов. Надо сначала общетеоретически ставить вопрос. Давайте начнем с такой строчки из «Медного всадника», когда Евгений с потрясенным сознанием убегает от монумента Петру I:

Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

Меня всегда поражала эта строчка, где и поступь, и звон копыт, и какой-то треск в сознании, и трагедия, и страх. Я не думаю, что эту строчку можно переводить. А в подлинной поэзии, будь то у Пушкина, Тютчева, Лорки, много таких примеров. Я совершенно не претендую на то, что у меня есть подобные строчки, и поэтому меня трудно переводить. Я говорю о том, что настоящая поэзия в идеале вряд ли переводаема. Это первое. Второе. Скажут: «Переводят же». Я скажу, да, но как? И кого? Если поэзия – это некое нравственное, пластическое,

звуковое совершенство, то большая часть этого совершенства в звуках того языка, на котором она написана. Можно делать нечто адекватное, но другими звуками другого языка. Но чтобы каждый значащий, смыслоносущий звук оригинала имел адекватное в переводе – это абсурд. Наверное, надо переводить, чтобы знать, где чем занимаются. Но если подходить к вопросу профессионально, надо знать, что стихи Байрона на русском языке звучат слабо. Есть 15-16 вариантов перевода «Пьяного корабля» Артюра Рембо. Это тоже доказательство того, что идеально-го варианта перевода быть не может. Приблизиться к желаемому можно стараться, наверное. Но торопиться и издавать такое количество стихотворных сборников, лежащих на полках магазинов, не только наших, но и всей великой бывшей империи, вряд ли имеет смысл. Я расцениваю это, во-первых, как недостаточно серьезное отношение к судьбе национальной литературы. Во-вторых, это раньше делалось как часть идеологии, дружба народов, ура. В-третьих, это деньги и неэффективное использование бумаги. Я не переводил ни одной своей строчки с 1977 года. Не хочу я печатать посредственные стихи на русском языке. Но если вдруг обнаружится, что какой-то переводчик способен перевести меня пусть не очень хорошо, но, по крайней мере, хорошо, почему бы нет. Кстати, – это не завешание, нет, – меня всегда пугает мысль, что когда-нибудь без моего ведома, ну скажем так прямо, после определенного финала, начнут делать халтурные переводы моих стихов. Может, это звучит слишком высокопарно, но я только так умею – или говорю, или не говорю.

Отталкиваясь от проблемы перевода как метода и средства познания других литератур, мне хотелось бы сказать: если наши молодые кабардинские и балкарские писатели и поэты хотят серьезно заниматься литературным творчеством, они обязаны знать мировую классику. Беда литературной ситуации в республике заключается в том, что люди приходят в литературу, не зная о том, что создано до нас в странах великой цивилизации, мало читают. Некоторые просто поражают инфантильностью. Я не советчик и не судья, но хочется бросить упрек в адрес КБГУ. Кому поручается подготовка трех, четырех, пяти литературных поколений на русско-кабардинском отделении? Есть ли система аттестации? Есть ли конкурсная система? Потом, вы прекрасно знаете, Запад приглашал русских писателей читать лекции по литературе в университетах. Это время ушло. Но почему нельзя эту практику применить у нас? Чтобы семинары были, чтобы писателей приглашали. Дело не в том, что не приглашают, дело в том, что не так поставлено дело. Когда-то давно у меня была одна встреча в КБГУ – Адам Шогенцуков, Лиуан Губжоков и я. Мы сидели за столом перед аудиторией. Я был просто потрясен, видя, что им литература не нужна. Я не говорю, что там совсем не читают. Я говорю о доминанте, об акценте.

Теперь вернемся к нашей любимой теме перевода. Нас приучили, что если есть какой-то народный поэт, то все, что им написано, сразу же должно прозвучать на русском языке. Я не претендую ни на что. Но если я на кабардинском языке что-то сделал, то должен ли я в угоду среднестатистическому русскоязычному читателю подписаться под всем, что мне предложат?

– Нет, речи об этом нет, Хабас. Речь о самом смысле, например, моей работы на радио в русскоязычной редакции. Я должна... я хочу, в конце концов, чтобы о моем герое узнали больше людей. Как могу я донести до моих слушателей, например, вот эту зримую картину:

*ЗетхэыцIыр дыгъэм, тхъуэплъыц жыгыщхьэр,
Къури джабэр гъурици, дзажэр бжы.
Къоушыр псыхъуэри мэхуцхъэ,
Мэщыц бгъуэныцагъыр, къоскIэ шыр.
Нэхуцыр гуимэу хузэцIащIэ
Мо дыгъэ дахэм, гъуэгур кIыхьыц.
И гъуэгум лъыхъуэу шыр мэпациэ,
Псыр хъуами тхъэху, бгъуэныцагъыр кIыфIуц.
Мэпациэ псыр. Мо дыгъэр шхэрэ
Псы емыфэжмэ емыкIу Iейыц.
Бгъуэныцагъыр хопэщыкIыр хуэму,
Бгъуэныцагъыр жэщ ефэну хуейыц.
И гъусэм нэплъэу шыр мэщыцыр,
Жыгыщхьэр мэхъур нэхъ сырыху.
Утыку зимыщIу блокI нэхуцыр.
Къури куэцIыр махуэм и утыкуыц.*

Как вы мне прикажете передать эту картину наступления рассвета, настолько зримую и осязаемую?

– Так вы... ладно, давай уже на «ты», в конце концов, мы друзья, – ты ответила на этот вопрос. Даже если не поддается подстрочнику, то как я могу смело предлагать на перевод?

– Моему переводу, допустим, это недоступно. Но ведь ты не пробуешь, и не пробовал, и не искал других переводчиков. Насколько я помню, об этом вообще речи не было.

– Я не знаю молодых кабардинцев, которые взялись бы за это дело. Ты знаешь?

– Я – нет. Раз ты уже сказал про мое литературное образование, то я признаюсь сразу: я не возьмусь переводить твои стихи. У меня уже был опыт в молодые годы, ты помнишь, я была твоим несостоявшимся переводчиком. В крайнем случае, могу сделать тебе подстрочники.

– Раз эта тема все время возникает, давай я буду откровенным с

тобой. Я очень надеюсь, что после меня мои стихи не будут печататься в плохих, посредственных и даже в хороших переводах. И если они будут печататься, то только в отличных. А кто их отлично переведет – я не знаю.

– Но кто-то же перевел вот это, и тебя это устроило:

*И если б, как в колодец, чаще
Ты мне заглядывала в душу,
Увидела бы лик дрожащий
И песнь воды узнала б лучше.
Тебя оплакивая, льется
Та песня тихими слезами.
И песня, и вода в колодце
Моими рождены глазами.*

Извини, что вырвала это стихотворение из цикла, просто мне это очень близко. Признаюсь, что я больше люблю твою лирику, хотя считаю тебя поэтом-философом.

– Есть такой термин в литературоведении, как медитативная лирика. Это означает размышляющая лирика. Если в стихах нет тепла, температуры сердца, это все-таки не лирика. А если есть тепло и еще мысль – это медитативная лирика. Думающая лирика. Я затрудняюсь давать оценку тому, что я пишу и делаю, но все-таки считаю, что я прежде всего лирик. Во всяком случае, в «Каменном веке», я считаю, лирика идет как атмосфера, как воздух. Теоретикам виднее.

*– В душе своей таскаю глыбу туфа,
Коричневый и угловатый камень.
Я положить его хочу в основу
И возвести на нем дворец стеклянный.
Чтоб во дворце всегда царила радость,
Чтобы ее не притесняло горе,
Чтоб люди во дворце вовек не лгали,
Чтобы людей вовек не убивали,
Чтобы любовь, как свет, везде струилась.
В душе своей таскаю тяжкий камень,
А в сердце у меня осколки стекол.*

Одно из моих любимых твоих стихотворений. Вселенская душевная боль за всех и за все. Откуда она?

– Пожалуй, я этого никогда и нигде не говорил. Ощущение боли, переходящее в боязнь по поводу непрочности не только наших жизненных устоев, непрочности, быть может, самого мироздания, – надо сказать, что это достаточно тяжелый груз. Не скажу, что я его когда-то любил или полюбил сейчас, но мне запомнилась одна фраза Ленина

из «Философских тетрадей»: «Мысль о бесконечности Вселенной – в сущности, больная мысль». Бесконечность ли тут, непрочность ли тут... такие вещи бывают в детском сознании. Но это не значит, что во взрослом сознании она не имеет места. Но если она находит выход в таких формах, как поэзия или нечто другое, – пожалуй, это и неплохо.

– Мы знакомы с тобой сто лет, и я немного знаю, что ты за человек. Кто-то может назвать тебя... извини за некорректность...

– Все нормально, я знаю, о чем ты скажешь сейчас.

– ...человеком неприятным. Я знаю, ты бываешь чересчур прямолинеен и колоч. Все бы ничего, но это переходит порой и в стихи. В эти, например, непереведенные:

*Лъагъуныгъэшхуэу цыхум яхудиэм
И цыхъэт тхылъм куэдрэ Iэ щыдодз.
Десащи апхуэдизкIэ, IэпхъуамбэшхуэмкIи,
Десащи апхуэдизкIэ, IэпхъуамбащэмкIи,
Десащи, пфIэфIэмэ, Iэпхъуамбэ делэмкIи,
Десащи, щыдодзыф Iэпхъуамбэ жьакIэмкIи.
ЗэкIуэцIыплъхъэжмэ – зы IэштIымыжьыфIц.*

Мысль вполне прозрачная: готовы расписываться в любви к людям каждым пальцем, а сложишь их воедино – получается один здоровенный кулак.

– А разве не так мы живем? И раньше, и теперь. Я не хочу уходить в политические сферы, но так было всегда. А что касается разного рода толкований моей сущности, моего характера, то... я все-таки, наверное, прежде всего человек приятный. Это первое. Второе, почему вот это все пошло. Я в молодые годы начинал вот здесь на радио работать. В этой жизни непросто вступать во взрослую жизнь, уже став индивидуальностью. Я буду откровенен, раз ты предложила эту тему, я не могу вокруг да около. Я всегда чувствовал сопротивление жизненного материала. Активное сопротивление. И может, будь я послабее, меня сломали бы. Получилось так, что сопротивление не уменьшалось, но оно меня закаляло. И вот постольку, поскольку я выдержал сопротивление, только за то, что не был похож на абсолютное большинство, я имею честь сегодня делиться с тобой этими мыслями. У Горького где-то есть такая мысль: по сути дела цена человека определяется его способностью сопротивляться. Если человек хочет сохраниться как неповторимая личность, при этом является контрабандистом или рецидивистом, вряд ли он заслуживал бы твоего внимания. Но если он волею судеб оказался поэтом или живописцем – почему бы не рассказать о нем другим людям? Человек, приходящий в мир искусства, литературы, поэзии, должен знать, что есть неофициальная плата за талант.

Чтобы ты был талантлив и тебя беспрекословно пропускали через все пропускные ворота, да еще что-то дали и благодарили, – этого ждать не надо. Вряд ли я изменился сущностно за последние полстолетия.

*– Заплачу – и меня не упрекут,
Столь тягостна тоска по вдохновенью.
Глаза тоскуют, рифмы где-то тут.
Но ритм капризный гаснет в отдаленье.
Когда ж прорежется прозренья вещей глас
И звездный свет почувствуют ресницы,
Душа уляжется, растратив сил запас,
И мне стихотворение приснится.
Оно, как облако расплывчатого облика,
Готово улететь от оклика.
Мне будет больно, если улетит,
Пока не оживил я мертвый шрифт,
Пока я не вдохнул в разрозненные звуки
Своей любви и муки.*

Я знаю, ты не любишь поздравительных речей, и разговор у нас получился обыденный. И все же позволь поздравить тебя с юбилеем и признаться в любви – по крайней мере, к твоим стихам.

С юбиляром беседовала Лариса Маремкулова

***

Бештоков Хабас Карнеевич (5.06. 1943, сел. Исламей Баксанского р-на КБР) – кабардинский поэт. После окончания средней школы поступил в КБГУ на филологическое отделение. Вскоре перевелся на факультет журналистики МГУ, который окончил с отличием в 1968 г. Проработав некоторое время, поступил в аспирантуру в Москве. После завершения учебы работал в Нальчикском издательстве, в центральной библиотеке, краеведческом музее КБР.

Стихи начал писать в юности. Основная тематика творчества Бештокова традиционна: судьба родины и национальной культуры, взаимоотношения человека с обществом, миром и космосом.

Первый его сборник стихов «Ракетодромы» выходит в 1969 г. Высокую оценку ему дал Зубер Тхагазитов, который признал творчество Бештокова новым важным явлением в кабардинской поэзии. Бештоков довольно быстро сложился как зрелый профессиональный поэт, один из тех, кто определяет облик современной кабардинской литературы. Он заявил о себе как автор, который, оставаясь самобытно-адыгским, выходит из узконациональных рамок и вписывается в контекст общемировой культуры. Для поэзии Бештокова характерен высокий интеллектуализм в сочетании с оригинальными лирическими медитациями. Он часто обращается к глубинным народным истокам, к древним мифологическим национальным пластам, удачно синтезируя сакральную мифологическую образность с реалиями современной мировой культуры.

Творческая палитра Бештокова разнообразна. Он поэт-драматург, работающий преимущественно в жанре фольклорно-историческом; много работает и в жанре художественного перевода, ему принадлежат переводы детских стихотворений, песен, сказок и сказаний с языков народов мира.

Усвоив лучшие поэтические традиции кабардинского стихосложения, Хабас Бештоков является блестящим мастером слова, творчество которого определяет новый высокий уровень национальной поэзии.

*Биобиблиографический словарь
«Писатели Кабардино-Балкарии»*

***

Бесценен каждый миг земной.
Не счесть не виденного мной,
Не счесть не слышанного мной,
Не сделанного мной – не счесть,
И сто надежд у сердца есть...

Как волны, годы взметены,
Наполнен делом каждый час,
И день изматывает нас,
И отдыха не дарят сны.

Как жаль,
Что досыта любить,
В любимом деле первым быть,
Все перечесть и не забыть –
Нет времени!
А дни летят...

Все кажется, в потоке лет
Я буду вновь рожден на свет,
Лишь хлынет звездопад...

***

Вновь лебеди летят спокойным клином,
Роняя перья, озаряя ночь.
Раздета полночь светом лебединым,
И звездам замерзающим невмочь.

Клин лебединый душу окликает,
Душа взлетает, обретя язык,
И мрак, мечтою озаренный, тает,
Поскольку к свету мысли не привык.

Скажи, земля, чего ты захотела?
Вот этим телом завладеть? Спеши.
С землей соединится через тело
Восторг моей ликующей души.

ПОРА РОЗ

Грудь черной пахоты расстегивает пар.
По длинным проводам несутся телеграммы.
Мечтают получить от солнца почки в дар
Столетние стволы, корявы и упрямы.

Воскресла прошлогодняя трава,
Столбы вдоль поля наострили уши,
И дали сбрасывают мрака покрыва,
К бутону солнца тянутся их души.

***

Снег, шедший в каменном веке,
На землю вернулся снова.
Он обнял стволы и ветви,
Коснулся лица земного.
И шепчет мне снег беспечно:
Разлука с землей не вечна...

Он падает свеж и светел.
Но что он о людях знает?!
Меня, идущего, встретив,
О чем снегопад вспоминает?

О чем снегопад хлопочет,
Засыпавши все, что было,
Следы заметая? Он хочет,
Чтоб время не уходило!

Снег дышит, снег оседает –
Вновь таянья ожидает,
Покрыв пространство земное.
Глядится в небо родное.

Он снова облаком станет
И снова на землю ляжет.
Кого на земле не станет –
О тех в небесах расскажет.

***

Лет пролетел табун... Полола мама лук
И хмурилась, и тихо напевала.

Меж губ как будто задыхался звук,
И слов никто не знал. Слова лишь мама знала.

Деревья кланялись, и кланялась трава,
Кому-то низко кланялись прощально.
И пела мама долгие слова,
Полола мама лук и хмурилась печально

Лежал я на траве, дурак из дураков,
Травинку грыз и в жизни смыслил мало.
Сквозь кожуру слоистых облаков.
Как луковица, солнце вылезало.

***

Вокзал набит битком. Как сети
С уловом – кассовые залы
Зачем я еду? На билете
Не сказано, и не сказала

Кассирша. Я и сам не знаю.
Я еду просто по привычке.
Ну и денек! Я проклинаю
Дорогу. Душно в электричке.

Из города спешат колеса.
Скрежещут ржавые рессоры,
И лишь березы вдоль откоса,
Красуясь, насыщают взоры.

Инстинкт влечет меня за город,
Зовет меня в объятия леса,
И, расстегнув мой тесный ворот,
Меня целует лес белесый.

И наполняет грудь озоном,
Глазам сиянье возвращает,
И драгоценным, и зеленым,
И влажным душу насыщает...

***

Разнузданный колеблет ветер
Деревьев самоутверждение.

Кто мысль мою так грубо встретил
При выходе из сновиденья?

Мчит электричка. От испуга
Кричит, в лесу лучей шалея,
И пассажиры друг на друга
Поглядывают, холодея.

И перья ветра полетели –
Залеplено окно в вагоне.
Летят, подобные метели,
Лучи за перьями в погоне.

Мысль, бывшая в оцепененье
В окно души, очнувшись, глянет...
Как только луч коснется тени,
Свернется тень – и больно станет.

***

В груди моей – водоворот тоски.
Поднимется еще немного к горлу –
Я захлебнусь.
Как рыхлы берега моей любви!
Из омута на миг твои глаза
Поднимутся –
И вновь на дно уходят.
Река бурлит, и гладь ее темна.
Всплывает лоб твой с прядкою волос.

Глаза твои целует солнце. Лоб,
Твой светлый лоб мои глаза целуют.
В моей груди – тоски водоворот:
Тону в воспоминаньях!

***

Заплачу –
И меня не упрекнут:
Столь тягостна тоска по вдохновенью!
Глаза тоскуют.
Рифмы где-то тут,
Но ритм капризный гаснет в отдаленье.

Когда ж прорежется прозренья вещей глаз
И звездный свет почувствуют ресницы,
Душа уляжется, растратив сил запас,
И мне стихотворение приснится.

Оно, как облако – расплывчатого облика,
Готово улететь от оклика.

Мне будет больно,
Если улетит,
Пока не оживил я
Мертвый шрифт,
Пока я не вдохнул в разрозненные звуки
Своей любви и муки...

***

Хотел бы я изобразить
Нарзан словами на бумаге.
Но многословье – враг сей влаги,
И пустозвоном стыдно быть.

Хоть и поднес стакан к глазам –
Не закипает вдохновенье,
Ни клокотанья, ни шипенья, –
Не образуется нарзан!

Хотел бы я изобразить
Стихом кипение нарзана.
Не щиплет в горле? Значит – рано.
Не сможешь жажды утолить.

ИЗ ЦИКЛА
«ЗАСОХШАЯ ВЕТКА»

I

На пальце поводок, на шапку солнце село,
Копыта слушал затаенный лес.
Я пеших обгонял, я мчался в гору смело:
Надеялся добраться до небес.

Мой белый конь плясал и все взлететь пытался,
Волнистой гривы шелк держал я в пятерне.

Накатанным путем мне небосвод казался,
Земля, казалось мне, тоскует обо мне.

Ослабил я узду?
Или скакун споткнулся?
Упал в колючки я, не смог достичь небес.
С тревогою в душе я на земле очнулся,
И не могу понять:
Куда мой конь исчез?

II

С сердцебиением, испытывая муку,
Что вспыхнет, словно солнце, вся земля,
Я медленно к тебе протягиваю руку,
И длится жаркий миг, слова испепеля.

И, окуная то, что губы онемели,
Пылая, расширяются зрачки.
Но как в пожаре глаз мы оба не сгорели?
Тем легче их гасить, чем реже мы близки.

Нам видеться нельзя –
Не то опять мгновенно
От искры вспыхнет в них погашенный пожар.
На свете лишь одно воистину нетленно:
Сердец влюбленных жар.

III

И если б, как в колодец, чаще
Ты мне заглядывала в душу –
Увидела бы лик дрожащий
И песнь воды узнала б лучше.

Тебя оплакивая, льется
Та песня тихими слезами...
И песня, и вода в колодце
Моими рождены глазами.

ТЕПЕРЬ НОЧЬ...

Миг близости между сердцами
Купил бы я ценой души...

Скрывая счастье, мерцали
Твои глаза в ночной тиши.
Дрожанье век,
И взор незрячий.
Мир в окаймлении ресниц...
Не разглядеть души горячей
В туманной глубине глазниц.

И слово розой расцветает
В гортани высохшей моей,
И в сердце тяжесть проникает,
И груз его все тяжелей.
Опять глаза передо мною
Мерцают, тайною маня,
Полны ночью тишиною,
И не уходят от меня...

РОДИНА

3. Налоеву

...Твои ущелья спят в лучах луны,
О прошлом шепчет горная река мне.
Душа – как зеркало,
И в ней отражены
Все твои камни.
Прошедшее живет в глухих лесах,
Тревожа ночь,
Ворочается, дышит.
В корнях деревьев – черепа и прах,
Листву и ветви боль веков колышет.

II

Когда летел табун твоих коней –
От топота копыт земля дрожала.
Когда тянулся враг к груди твоей –
Ты громом нечестивца поражала.
Израненная пулей и штыком,
Седая, ты была надеждой горца,
Делилась материнским молоком
И каждый день вынянчивала солнце.

III

Нет, не сбылись мечтания врага!
Ты сквозь века как всадник проскакала.
Вслед за тобой летящая река
Роняет пену белую на скалы.

Стреножен белоногий вороной,
И бурка брошена горе на плечи...
Твой зоркоглазый сын на шар земной
Взирает с думой общечеловечьей.

IV

Не вспарывали живота морей
Твоих судов стремительные кили.
В моем краю отцы своих детей
Заморскою добычей не кормили.

А вспарывали брюхо у земли
Твои сыны сохой, и до покоса,
Как бы зеницу ока, берегли,
Усталости не зная, всходы проса.

А время бушевало. И моря
Огня текли. Вся пламенем объята,
Невелика была страна моя,
Но стойкостью и мужеством богата.

Я вспоминаю давние дела
С глубокой болью, как пристало сыну.
Какою силой духа ты взошла
На кряж времен, стоящий, как скала,
На эту, взор слепящую, вершину?

V

В тот день, когда я в этот мир явился,
Из темного небытия шагнул
На свет, который вширь и вдаль стремился,
Мой слабый голос влился в общий гул.

Была в нем капля жизни материнской
(Она со мной до гробовой доски),

И солнца луч, и речи кабардинской
Предчувствие, и залежи тоски.
Нашествий гуннских эхо в нем звенело,
Проклятья женщин, отголоски мук.
В груди стрела татарская засела –
Еще дрожал ее пославший лук.

Та боль, какую чувствуют деревья,
Горя в огне. Частица тех невзгод,
Какие на плечах своих издревле
Ты выносил без жалоб, мой народ.

Но не был он лишь отголоском муки.
Звенел металлом в голосе моем,
Звук, заглушивший все другие звуки,
Вонзившийся во вражий щит копьём.

И радость мщенья в голосе сверкала,
Как солнца луч, пронизывающий мрак,
Когда злодея постигает кара
И умирает ненавистный враг.

Но главное: он полон был звучаньем
Кипящего, как лава, языка,
Оплаченного кровью и страданьем,
Дошедшего до нас через века.

VI

Число дождей, прошедших над тобой,
Известно злкам на полях зеленых.
Число снегов – измерено водой
Стекающих в долины рек студеных.

Твоя дорога – вверх, вокруг скалы,
Пыля, петляет в тучах прихотливо.
И пришивают небо кропотливо
К вершинам остроклювые орлы.

Споткнулась пашня – в пропасть сорвалась.
Курганы-стражи недоступны шуму.
Как будто слышат будущего глас
И о тебе со мною делят думу.

VII

Ночь истекала кровью, клопоча.
Котлом твоя история кипела.
А солнце, наподобие врача,
Израненное врачевало тело.

Вставали дыбом травы. Родники
Нарзанные слезами закипали.
К твоей живой душе рвались враги,
Заре рассветной зубы выбивали.

О, сколько дней и судеб за века
Дотла сгорело в пламени военном!
Но на гостей незваных свысока
Плевал седой Эльбрус потоком пенным.

VIII

Из каменной груди скалы цветок,
Застенчивый и нежный, вырастает.
На плечи твои брошенный поток,
Как шаль, переливается, блистает.

Блестят на солнце и спят глаза
Твои тысячелетние седины.
На склоне гор, подперших небеса.
Вскипают, словно молоко, лавины.

О, Родина моя! Хранит мечты
О будущем твое высокогорье.
Желаю, чтоб узнала в жизни ты
Не меньше счастья, чем узнала горя.

Светлана МОТТАЕВА,
народный писатель КБР

ПЕСНЯ, МЕЧТА И ЛЮБОВЬ
К 75-летию Хайшат Кунижевой

10 мая встретила юбилейную дату кабардинский поэт Хайшат Мурадиновна Кунижева. Она родилась в 1948 году в с. Шалушка Чегемского района, где проживает и поныне.

С родными пенатами, тогда, в 1969 году, Хайшат рассталась только раз, поступив в Литературный институт им. М. Горького на отделение «Поэзия». После окончания вуза она получила диплом по специальности «Литературная работа», что и предопределило дальнейшую трудовую (творческую) деятельность юной горянки.

В те годы Хайшат работает в Москве по специальности редактора. В Нальчике служила в радиокомитете по той же специальности – пропаганда лучших достижений культуры в целом, видных литераторов. Работала увлечённо в разных жарах – от статей, очерков до интервью.

Каждый поэт – «кулик своего болота». Надеемся, эта фраза не режет ухо, ибо это как ритуал, начинать свой путь стихотворца с песни о родном уголке земли, где ты родился. Так и Хайшат, вкусившая культурную атмосферу студенческих лет в Москве, она утвердилась как поэт своего народа – адыгов. Недаром же в её поэзии сильна аналогия пасторали, с высоким журавлиным небом, в котором отражается до боли знакомая картина родных полей, лесов и гор. А у Хайшат знаменитых не только в республике, но и за её пределами, шалушкинских яблоневых садов, прекрасных в весеннем цветенье, в роскоши осенней поры, зимней сказке убора.

Любовь к природе, как щедрой чаше жизни, отразилась в её первом же сборнике (1975) «Первый снег». Это стало подтверждением её таланта, давно знакомого читателям и критике по её газетным публикациям в «Ленин гуэгу» и выступлениях на радио. Хотя внимание к одарённой землячке было разбужено и по сборникам (коллективным) «Песня, мечта и любовь» и в серийном издании «Поэтессы «Советского Союза» (1972) и в альманахе «Истоки» (М., 1972). Вровень со сборником Фоусат Балкаровой «Радуй меня» (1972), первые строки которой были опубликованы в 1958 году. На фоне славы первой поэтессы, как

Х. М. Кунижева

её называют историки кабардинской литературы, имя Х. Кунижевой, казалось бы, должно было прозвучать невнятно. Но молодой, свежий женский голос оказался вполне узнаваемым, критика, хоть и не столь громогласно, но проявила должное внимание к Х. Кунижевой и её поэтической заявке. Правда, до статей в прессе не доходило, хотя уже слышался голос одобрения (общественного признания).

Поэтесса медленно набирала между тем высоту, и её новый сборник «Журавлиный путь» (1987), придавший новый импульс её творчеству, позволил увидеть в Х. Кунижевой неординарного члена поэтического цеха кабардинской поэзии.

«Картина жизни» (1991), «Горсть соли» (1993) и, наконец, по мысли критиков «Талантливая книга для детей «Удод» (1996) – сборники, поставившие поэта в один ряд современных классиков кабардинской литературы 70-х годов прошлого столетия.

Поэзия Хайшат наполнена чувственно, эмоционально, по словам литературоведа, доктора филологических наук С. Алхасовой, поэтесса «говорит с читателем, словно доверяя близкому другу...».

В стихах Кунижевой зримо присутствует Время. Оно отражено в её исповедах о Великой Отечественной войне, с её героикой и славой сынов – защитников Отечества.

Та же Алхасова впечатлила меня следующим пассажем: «К. (Кунижева. – С. М.) относится к числу тех авторов, в ком давно нуждалась кабардинская поэзия, и кто сумел привнести в неё новое слово. На примере К. (Кунижевой. – С. М.) очевидно, что истинный талант не измеряется количеством изданных поэтических сборников, как и состояние литературы количеством писателей и поэтов». Примеров в той же мировой литературе немало. Навскидку – имя Бараташвили, вошедшего в классику одной подборки стихов.

Мы не ставим знак равенства здесь между нашей поэтессой и другими именами. Но должны признать, что Хайшат Кунижева внесла свою лепту в развитие кабардинской литературы. Между прочим, на одной из встреч писателей, один из знатоков поэзии сказал, что стихи Х. Кунижевой отдают лаконизмом японской поэзии, где по-чеховски мало слов, но много смысла.

Недаром же к оценке её творчества в статьях обращались Зубер Тхагазитов и известный критик Пётр Шевлоков.

Редакция «ЛКБ» поздравляет Хайшат Мурадиновну с красивым юбилеем, желает ей вдохновенного продолжения жизненного пути!

МОИ СЛОВА

Что песни мои? Не из камня они.
Из слов, что стремительным птицам сродни.
Я знаю: душа без полета пуста,
А песням, как птицам, нужна высота.

А рядом растут, наливаясь, в тепле,
Зеленые травы – на черной земле.
Из мрака на волю пробился ручей,
Не требуя песен моих и речей.

Прислушаюсь к птице, к траве и к ручью,
Примерю к их мудрости – душу свою.
И что же? – душа моя стала мудрей,
И песни правдивей, и мысли светлей.

ЕСЛИ СВЯЗАНЫ С ЗЕМЛЕЙ...

Строка, как струна и как дерева ветвь:
Тут горечь и сладость, и темень, и свет.
Землей рождены – устремляемся ввысь,
На ней золотые плоды налились.

Но если потеряны связи с землей –
Строка сиротеет, как ветка зимой.
Ни щебета птичьего нет, ни цветов,
На месте пустом не бывает плодов.

***

Родилась – и сразу полюбила
Землю всю – от края и до края.
Родилась – и сразу полюбила
Маму, о другой любви не зная.

Эти горы с шелковой вязью,
Эти песни, что душе явились, –
Тайною невидимую связью
В сердце навсегда соединились.

Без любви без этой – я немая,
Без любви без этой – я глухая.
Друг мне – чужд, Отчизна мне – чужбина.
А на что я родине – такая?

***

Потрясена величием гор, стою,
Стою, соизмеря жизнь свою
С громадой их, бессмертной и могучей,
Я – зернышко в горсти? Дождинка в туче?

А если со звездой мне сравниться?
Но нет, сравнение это не годится.
К нам свет звезды сквозь толщу лет пролет.
Что жизнь моя пред нею? – фитилек...

Вот однодневка-бабочка летает,
Она себя несчастной не считает.
Сопоставима ль с нею жизнь моя?
О боже! Как могущественна я!

В СВОЁ ВРЕМЯ

Орлу необходима высота,
Чтобы на крыльях солнце заиграло.
Молю, о жизнь, чтобы сбылась мечта –
Успеть содейть то, что обещала.

Орлам – летать, а травам – зеленеть
Даруешь право ты. Так отчего же
Для добрых дел – не отодвинешь смерть
Хотя б на день, что будет честно прожит?

***

Дать слезам свободу? – Не хочу!
Голову руками обхвачу.
От морских соблазнов отрешусь,
Думами от всех отгорожусь.

На земле, где столько зла и лжи,
Как остаться искренним, скажи?

Как не сбиться – и найти дорогу
Правильную, праведную – к богу?

Детские ошибки и обиды
Временем сокрыты – и забыты.
Но зато, как ноша за спиной, –
Все ошибки взрослые – со мной.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Норовистый конь замрет –
Плетью молния сверкнет.
Дрогнут тучи грозовые,
И на землю дождь польет.

Всех порадует водой
Дождь весенний, молодой.
Засияют в небе синем
Краски радуги крутой.

Чудеса – ни дать, ни взять!
Как об этом рассказать?
Я могу про это чудо
Только песню написать.

***

Будто легкою алою шалью
Принакрыла заря небосклон.
И легко растается с печалью
Тот, кто светом ее озарен.

Это – весть, это знак удивленья,
Людям посланный с самых высот.
Тот достоин, увы, сожаленья,
Кто не чувствует этих красот.

***

Как хмель в вине, так совесть и смущенье
Растворены в крови, чтоб знала я.
Как избежать ненужных искушений

На страшных перекрестках бытия.
В лицо природы пристально взглядеться,
Глубинное почувствовать родство...
Когда я вижу спящего младенца,
Готова я молиться за него.

ГОРЦЫ

Горцы – люди гор. Но только горы
Весь свой век молчание хранят.
Горы не вступают в разговоры,
Разве только эхом прогремят.

Горцы же, напротив, ценят слово.
Если вдруг придет ко мне беда –
Знаю я, что горцы мне готовы
Добрый словом подсобить всегда.

А когда мне счастье улыбнется,
Я гостей на праздник приглашу,
Самого старейшего из горцев
На почетном месте посажу.

Песни их, что мною так любимы,
Мудрые и полные добра,
Поступаясь своими молодыми,
Буду слушать чуть не до утра.

Горы велики – да молчаливы.
Слово горцев – остро, как стрела.
И от гор я стала терпеливой,
А от горцев – речь приобрела.

ТВОИ КУРГАНЫ СО МНОЙ ГОВОРЯТ

Родина моя! Твои сыны –
Где они, ушедшие так рано?

В жизни я не видела войны.
Но зато я видела курганы.

Четче гор их всхолмия видны,
И не обойти их стороною.
Родина моя, твои сыны
Там лежат – и говорят со мною.

Разговор их слышу по ночам,
Слышу о былом воспоминанья...
В снах моих присутствует печаль
И тревоги странное дыханье.

Знаю я: чтоб нам достойно жить,
Чтоб курганов не было забытых,
Столько песен нужно сочинить,
Сколько там солдат лежит убитых...

***

Огромен и прекрасен мир земной,
Хоть жизнь моя – лишь вечности частица.
Но навсегда любовь к земле родной
Смогла в мятежном сердце поселиться.

Покуда это чувство есть во мне,
С любой бедою справиться смогу я.
И долго будет свет гореть в окне,
Любовь земную вечности даруя...

МОЯ РОДИНА

Если б я живописцем была,
Я бы только тебя рисовала,
Чтоб краса твоя вечно жила,
На веселых полотнах играла.

Ну, а если б умела я петь,
Я б воспела красоты родные,
Я бы песней могла одолеть
Без труда – расстоянья любые.

Я воспела бы старый Эльбрус
С юным солнцем на гордой вершине.
Потому за тебя я молюсь,
Я – поэт, и сие разреши мне...

***

Прут ивовый у речки посажу,
– Стань деревом раскидистым, – скажу.
И вырастет, как только срок придет,
И семя даст, и семя – прорастет!

Теплом земли никто не обделен,
Всему живому – срок определен:
Расти, цвести, и зреть, и увядать,
Чтоб снова жить – и силу обретать.

О, песнь моя, рожденная в пути,
Росткам печали не давай взойти.
Пой радость жизни, красок не жалей –
Земля ответит щедростью своей.

Адильгерий Хажимуссаевич Соттаев (1910 г. – 1977 г.) – яркий представитель творческой интеллигенции балкарского народа. За свою выдающуюся жизнь он проявил себя как образованнейший человек, ученый, педагог, успешный спортсмен, офицер, писатель, поэт-лирик, общественный деятель. Пережил депортацию, активно участвовал в процессе реабилитации балкарского народа и возвращения из ссылки на Родину. Благодаря его научным трудам развивалось карачаево-балкарское языкознание, а его педагогическое мастерство стало основой преподавания балкарского языка в школе.

ПРИДАНОЕ

Рассказ

Слово «приданое» Жансурат впервые услышала на свадьбе двоюродной сестры по линии мамы. Наутро после окончания свадебного торжества Жансурат спросонья, широко открыв глаза, следила за тем, как машина, груженная добром, еле помещавшимся во дворе, уезжает в дом новоиспеченного мужа сестры. И всё же, чуть больше о приданом она узнала, когда мама купила новый самовар.

Мать поставила самовар в буфет, а после, пригласив соседей, хвасталась:

– Это для Жансурат, и самовар, и буфет отдам ей после замужества.

Соседки в один голос поздравили её с этим приобретением:

– Пусть Аллах одарит её счастьем!

– Пусть будет куплено во благо!

– Пусть дом ваш будет полон богатством!

Не найдясь, что сказать, Жансурат промолчала. Получив через неделю стипендию, она купила красивый чайник, двенадцать фарфоровых чашек с блюдечками к нему, и поставила всё это в буфет к самовару.

Так началось собирание приданого Жансурат. В скором времени были куплены стол со стульями, шкаф, кровати и также сложены в той же комнате. Когда купленное перестало помещаться в одной комнате, пришлось складывать в другую, и даже ключи Жансурат начала носить с собой. Настолько она была поглощена идеей приданого, что по окончании учебы даже забыла об устройстве на работу. Целыми днями пропадает перед зеркалом в своих комнатах.

Вот еще что нужно бы отметить. Перед покупкой вещей для приданого между отцом и матерью каждый раз происходили ссоры. Даже если отец не хотел давать денег, мать всяческими путями умудрялась их добывать.

Каждый раз, когда увеличивалось приданое, отцовское сердце тоже смягчалось. Хотя и жена уже была близка к достижению заданной цели, успокоить дочь в этом её рвении стало невозможно.

Когда, не выдержав, при очередной ссоре отец высказал это матери, она ответила:

– Да что ты возмущаешься, мы уже купили всё, что было необходимо.

А дочь с хитрой ухмылкой спросила:

– А люстры-лампочки тоже уже купили?

Отец, как подстреленный, выскочил из комнаты, а мать сказала не-насытной дочери:

– Доченька, а что это за «мустра» тебе нужна теперь? Ты же светишь ярче всех лампочек на свете, зачем тебе еще?

Но Жансурат так легко не обманешь, она ударилась в слёзы:

– Я что, хуже Халимат? Или её отец круче моего отца? Вы что, хотите, чтобы я с лампадками жила?

Мать, тяжело вздохнув, отступила. Экономя на еде, складывая копейку к копейке, она всё же смогла купить то, что хотела дочь. Когда соседка вышла замуж, ей в приданое добавили пианино.

Опять Жансурат начала своё нытьё:

– Её родители лучше моих? Почему у неё есть пианино, а у меня нет?

Отец не на шутку разозлился:

– Да чтобы на твоём ухе бешеный слон потоптался! Какое пианино?! Ты хоть играть на нём умеешь?!

Дочь не сдавалась:

– Пусть это вас не волнует! Научусь!

Опять мать попыталась ласково урезонить дочь:

– Красивая доченька моя, у тебя же есть проигрыватель для пластинок, знаменитый на весь мир, зачем тебе пианино? Послушай отца, прекрати плакать.

– А если моему суженому не понравится этот проигрыватель? – заревела в истерике дочь.

Мать с отцом остановились в оцепенении. Настолько они были потрясены, что даже не спросили, о каком избраннике идёт речь. Еще во времена учебы в институте один из однокурсников признался Жансурат в своих чувствах, которые оказались взаимны.

На одной из встреч парень сказал Жансурат:

– Знаешь, курочка моя золотая, красота моя неземная, я решил отправлять сватов к вам домой!

На что Жансурат ответила:

– Погоди, не спеши, нам еще нужно докупить пианино, и еще кое-чего, после отправишь.

Парень удивился:

– Пианино? А зачем нам пианино?

– В смысле, зачем нам пианино? В моем приданом разве не должно быть пианино?

– Нет, нет никакой необходимости в нем. Мне не приданое нужно, а ты. Кроме тебя, мне ничего и никого не нужно. Передай отцу, чтобы вскоре ждал сватов.

– Не бывать этому! Если я сказала нет, значит – нет! Без пианино я замуж не выйду!

Парень остановился в растерянности, выпучив глаза, спросил:

– Это шутка такая? Или ты всё же серьёзно это говоришь?

– Какие шутки, когда дело касается приданого? За кого ты меня принимаешь?

Некоторое время парень в недоумении смотрел на нее, осознавая происходящее, затем тихо произнёс:

– Ладно, тогда прощай!

Девушка смутилась, но, быстро взяв себя в руки, рассмеялась ему вслед:

– Скатертью дорожка! Оказывается, в мире еще полным-полно дураков!

Это была их последняя встреча.

В то время как мы рассказывали вам о разговоре, состоявшемся между молодыми, злосчастное пианино путем истерик и ссор всё же достигло комнаты с приданым и заняло свое место среди остальных вещей.

Но еще большая беда только ждала родителей Жансурат. Одна из знакомых девушек уехала в дом жениха на собственной машине.

– Даже если убьёте меня, разорвете на кусочки и бросите собакам, без машины я замуж не выйду! Она лучше меня? У нее есть машина, а у меня нет? Я не хуже ее!

Хоть от избранника не было никаких вестей, она упёрлась, как осёл, и продолжала настаивать на своём.

Через год купили машину. Хоть дочь просила «Волгу», во двор всё же заехал «Москвич».

А между тем от сватов ни слуху, ни духу. В один из дней глава семейства заявил жене и дочери:

– Если в этом доме хоть раз еще прозвучит слово «приданое» – пеняйте на себя. Хватит! Сколько раз можно сдирать с меня кожу? Я уже весь в седилах, а гол как сокол! От этого приданого в доме не пройти. А про дочь никто даже не спрашивает. Куда, в чей дом пойдёт всё это добро?

Наступил тот великий день, когда порог дома переступили сваты.

Жених и невеста не любили, да и не знали друг друга, да и в глаза

не видели, чего уж греха таить. Да и неважно это всё было. Парень, отправивший сватов, был шофёром, стоило предположить, что его больше интересовала машина из приданого. А девушка о любви не думала вовсе, все её мысли крутились вокруг собственного приданого.

Не имущество принадлежало девушке, а она сама стала рабой всего этого добра.

В первую очередь родители спросили у сватов:

– А где живёт парень?

– В доме с родителями.

– У него нет своего дома?

– Нет, да и зачем?

– А куда девать всё это добро?

– В дом!.. Мы и место для машины уже подготовили.

– А что делать с пианино, шифоньером, буфетом, столом, стульями, зеркалом, проигрывателем, всевозможным текстилем, посудой, самоваром, чайником?

– Дом парня тоже полон всеми этими вещами, но не переживайте, разместят всё.

– Нет, вы дом отца не считайте за дом парня. Это пустые разговоры. Такому не бывать. Пока у него не будет дома как минимум с тремя-четырьмя комнатами, из нашего дома даже иголку никуда не вынесут. Мы не можем всё своё имущество выкинуть на улицу. Не тратьте слов напрасну.

Дорогие читатели, вы думаете, что эти сваты были хоть чем-то похожи на предыдущего жениха, который утверждал, что ему нужна только любимая девушка, а не приданое? Нет! Они были очень далеки от таких добрых намерений. Их глаза были устремлены только на новенькую машину, что стояла во дворе, словно ангел.

Жансурат посидела перед зеркалом в своей заставленной комнате, а потом юркнула под драгоценное одеяло на кровати. Она долго думала о деньгах, потраченных отцом на это приданое, думала о том, насколько ей было жаль отдавать что-то из всего этого добра, и сердце её мучилось от всех этих мыслей, так она и уснула. А во сне она видела того самого парня, который хотел жениться на ней, несмотря ни на какое приданое и даже без него. А когда проснулась, вокруг было только приданое, ничего и никого больше... Тут-то она и поняла, что любовь прошла мимо неё...

Уж тридцать лет минуло Жансурат. Не думайте, что от сватов продоху не было. Состарились отец с матерью. Приданое со временем только уменьшалось, ничего не прибавлялось. Да и машину продали. А Жансурат всё приговаривала:

– У меня еще приданое не готово, а так многие просят моей руки.

И сватов нет, и просителей нет. Что меня удивляет больше всего – неужели среди огромного количества неженатых людей не нашлось ни одного, кому приглянулась бы Жансураг либо её приданое?

ЛЕВША

Сколько же в мире удивительных людей! К примеру, наш новый директор. Стоило ему переступить порог нового места работы, как это исчадие ада начало доставать меня, ни на минуту не оставляя в покое.

В один из дней позвал к себе:

– Почему ваши дела в таком беспорядке?

– А мне почему знать? Это вы предыдущему директору скажите.

– Что бы там ни было, вы – начальник отдела кадров, вы отвечаете за трудоустройство рабочих на завод, – ухмыльнулся директор.

Я еще больше удивился:

– Отдел под моим руководством не занимается подсчетом выполнения плана.

– Даже если это так, вы заполнили завод людьми, которые не выполняют план, вы приняли людей, даже не узнав их.

– Не узнав? Товарищ директор, о чем вы говорите? Я знаю этих людей, как свои пять пальцев!..

Как думаете, что он мне на это ответил?

– Если вы правы, загибайте пальцы и перечисляйте их имена.

Разве можно так обращаться с людьми? Разве можно сравнивать людей с пальцами? И всё же перед начальством приходится держать лицо. Растопырив пальцы, я начал считать:

– Это большой палец. А это... – будто осёл пнул меня в голову, никак не смог вспомнить названия ни второго, ни третьего, ни четвертого пальцев, – а это мизинец.

– Вот так вы знаете и людей, которых берёте на работу, в связи с чем мы с вами не можем больше работать вместе.

Вызвав секретаря, он дал указание:

– Подготовьте приказ об увольнении этого товарища.

Как только вышел секретарь, я подошел к его столу:

– Дорогой директор, как понимать происходящее? Я же ваша правая рука!

И что, вы думаете, он мне ответил?

– Я левша. Поэтому вы мне совершенно не нужны.

Мы даже не окончили разговор, как секретарь пришла с уже готовым приказом на увольнение. И вправду, директор расписался на нем левой рукой.

Вы такое видели когда-нибудь? Почему из-за ущербности одних людей должны страдать другие?

Вот и я всю ночь до утра строчил жалобу на него. Лево́й руко́й...

ЖЕНЩИН НЕ ОБМАНЕШЬ

– Где ты ходил?

– Ты должна знать.

– Да что же с тобой делать, скажешь, что опять на собрании был.

– Где же мне еще быть-то?..

– Ой, бедолага! Может, в парке или в кино был? А может, спутник твой был из чернобровых? Которые прохожу тебе не дают...

– Прошу тебя, не морочь мне голову! Лучше дай поесть чего-нибудь.

– С кем гулял, пусть тот и накормит тебя...

– Говори тише, дети же услышат!

– Они давно уснули. Если так любишь детей, приходи домой пораньше...

Там, где он работал, без собраний не проходила и неделя. После собрания он еще три часа работал дополнительно. И в то же время, когда приходил домой голодным и уставшим, приходилось ещё и перед женой оправдываться.

Как-то раз его терпение лопнуло, и он высказался супруге:

– Если не веришь мне, позвони на работу!

– Ага, только этого мне и не хватало. Еще подумают, что я жить без тебя не могу.

С одной стороны – собрания, с другой – ругань дома, это доводило его до сумасшествия.

В один прекрасный день, вместо собрания, взяв с собой черноокую коллегу, он пошел в кино. Сходил нехотя. Та женщина взяла второй билет для подруги, а та не смогла пойти.

В тот день он пришел домой на час раньше. Решил рассказать жене всё, как есть.

Когда жена, как обычно, спросила, где он был, спокойным голосом ответил:

– В кино.

Он очень удивился спокойной речи жены. Она же, не рассердившись, ласково продолжала спрашивать:

– С кем?

– С одной черноокой...

– Ты, наверное, устал, да и проголодался, скорее всего...

– Нет, я перекусил кое-где...

– Дорогой, давай не городи ерунду! – расплылась в лучезарной

улыбке супруга. – Дети услышат, стыдно будет перед ними. Не лги. Меня не обманешь. Я звонила тебе на работу, сказали, что у вас собрание. Иди, мой руки и садись кушать...

ХРАБРЕЦ

– Товарищ бухгалтер, что с тобой? Почему твоё лицо так сильно изменилось?

– Что? О чем ты?..

– Да просто так!

– Да что случилось, рассказывай уже?

– Да с начальством сцепились.

– Ты? Из-за чего это?

– Из-за чего, из-за чего... Да что ты пристал с этим допросом? Недавно позвал к себе, говорит: «Жена уезжает на отдых, нужно сообщить немного денег». Я весь в смятении, пожимая плечами, спрашиваю: «А как сообразить-то?» – «Крутись, как хочешь, там урежь, тут урви. Что хочешь, делай, но найди мне деньги. С бумагами разберемся потом, печать у тебя на руках», – говорит.

Я, всем видом демонстрируя недовольство, продолжаю: «Товарищ Карабашев, это как получается, деньги ведь государственные... Ты начальник, я бухгалтер. Если не мы с вами будем беречь деньги государства, то кто их сохранит? Да, и еще, ты и сам знаешь, у меня дети. Если наша афера вскрыется, что будет с ними? Подумай об этом». А он, погрозив кулаком, говорит: «Хватит болтать! Не справишься, пеняй на себя!» Услышав это, я уже вышел из себя. Не выдержав, тоже разозлился: «Товарищ Карабашев, если мои дела будут в порядке, ничего не сделаешь со мной! Я чист, как стекло. И совесть моя чиста, я не хуже тебя!» Тут взял и пересчитал все его тёмные делишки...

– Ты, что ли, глядя ему в глаза, прям перечислил?

– Не глупи, совсем, что ли... В смысле, в глаза... про себя сказал...

– Ой, дай бог тебе здоровья, всем смельчакам смельчак!..

А ТЕПЕРЬ ТЫ ГДЕ?

У балкарцев родство сохраняется до седьмого колена. Есть у меня один родственник в пятом поколении. Встречались периодически в городе. При каждой встрече он рассказывал о новом месте работы. Вместо стандартных «Салам алейкум» – «Алейкум салам» мы обменивались фразами типа:

– А теперь ты где?

– Теперь я...

Удивительнее количества сменяющихся мест работы и его должностей ничего не было в моей жизни!

Как-то раз он вышел мне навстречу с огромной кипой бумаг в руках. Еще издалека, не удержавшись, я спросил:

– А сейчас ты где?

– В школе, – расплылся в улыбке родственник.

В другой раз встретил его за рулем машины, груженной всякой всячиной.

– А теперь где ты?

– В артели.

Также застал его в грузовой машине, доверху загруженной всякими ящиками.

Размахивая руками, опять спросил я:

– Ну что, а сейчас ты где?

– На заводе.

С каждой встречей – новое место.

– На фабрике!

– Во дворце культуры!

– В больнице!

При этом где бы он ни был, он устраивался именно в то место, где можно было бы пожить чем-то, и не иначе.

– ?

– В столовой!

– ?

– На хлебобулочном заводе!

– ?

– В гостинице!..

Иногда он попадал в совершенно неожиданные места – детский сад, родильный дом.

Вы, наверное, думаете, что мой дальний родственник на все руки мастер, что он очень талантливый, но нет, это не так. Он не работал учителем в школе, инженером на заводе, врачом в больнице, мастером в артели, артистом в театре, поваром в столовой. Где бы он ни работал, у него была лишь одна цель – много зарабатывать. По правде говоря, в этом ему равных не было. Поэтому я перестал удивляться, что настолько здоровый, крупный человек работал в детском саду и родильном доме.

После случившегося как-то раз события, я напрочь забыл о предыдущих. Мой родственник, остановившись перед складом, грузил машину мешками и тяжелыми ящиками. Увидел меня, и его рот растянулся, как складские ворота, в широкой улыбке.

– Теперь ты здесь? И что это за место?

– Зоопарк!

Я подумал, что мне послышалось.

– Ты что, опять сменил профессию?

Мой родственник покачал головой.

– Упаси Бог! Разве человек с головой сменит такую профессию?

– Тогда что ты делаешь в зоопарке? Разве тут есть работа для тебя?

– Оказывается, ты ничего не смыслишь в этой жизни! – сказал он, с сожалением глядя мне в глаза. – Ты хоть раз видел место, где мне бы не нашлось применения? По твоему мнению, животные, которые тут находятся – львы, тигры, кто тут еще есть... волки, лисы, белки, орлы... – должны же они чем-то питаться? Может, всё же что-то употребляют? Или ты думаешь, что они воздухом могут насытиться? Нет. Дорогой мой родственничек, дело обстоит не совсем так. Им нужны тонны еды, целые трупы других животных. А вот таким беднякам, как мы, тоже что-то перепадет после них, что-то типа костей и прочего. Вот поэтому я сейчас здесь.

Когда он говорил «я здесь», это надо было понимать как «оставайтесь с добром».

Довольно продолжительное время я его не видел. Господи, если моего близкого не съели львы или тигры, где же он, переживал я. Как-то раз я встретил на улице его брата. Они настолько похожи между собой, что я по обычаю, вместо приветствия, спросил у него:

– А сейчас ты где?.. Ой, не ты, обознался, извини, а твой брат...

– В тюрьме.

– Да ну, не шути так!

– Да я серьезно! И там он неплохо устроился. Всегда при деле. Такие, как он, и в таком месте могут найти себе занятие по душе.

КАК В ЗЕРКАЛЕ

Кое-кто, согнувшись под тяжестью двухметровых досок, которые нёс на собственной спине, не спеша, шёл своей дорогой. На него никто не обращал внимания. Возможно, и я бы не обратил, если бы не подслушал разговор школьников, шедших позади меня:

– Когда бы Абдулла ни шёл с работы, он всегда что-то несёт с собой, – говорил один.

– Хозяйственный человек, умеет жить, – сказал другой.

– Хозя-я-йственный, как же, – поддразнил его товарищ.

– Моя мать всегда про него так говорит, – снова сказал первый.

– Ма-а-ать! Ты хоть знаешь, откуда он несёт эти доски?

– Откуда?

– С работы. Понял?..

Споря, они обошли меня.

Если присмотреться внимательнее, такие моменты можно увидеть

повсюду. Человек, возвращающийся с работы, всегда несёт с собой доски, рейки, обрубки дерева. На это никто не обращает особого внимания, его никто не останавливает. Для нас это не воровство. Несёт, значит, ему понадобилось.

Мы также можем утверждать, что в этом нет особого вреда ни обществу, ни государству. И всё же, по моему мнению, у этих дел есть и обратная сторона.

Такие люди напрочь забывают о том, что вокруг них есть дети, которые всё видят. То, на что мы порой не обращаем внимания, они замечают и истолковывают по-своему. Даже если вы не потребуете от меня клятвенных доказательств, всё, что мы, взрослые, делаем, к сожалению, находит отражение в них, как в зеркале.

Когда ребенок берёт у другого ребенка карандаш или ручку, мы удивляемся, откуда в нём это, кто его мог этому научить. Но если подумать, при рождении дети ничего из этого не ведают. Дети получают эти примеры от нас, а плохое запоминается в первую очередь.

Человек, хорошенько выпивший, несмотря на присутствие вокруг него детей, ругается благим матом. Потом, услышав те же слова из уст ребенка, порицает его: «Ох уж эта нынешняя молодёжь!»

Вот вам еще пример. На автобусной остановке столпилось большое количество людей. Автобус подъехал. Двое хорошо одетых мужчин, растолкав женщин и детей, первыми поднялись в салон. Последовав их примеру, школьник с красным галстуком на шее тоже решил протиснуться.

– Этому вас в школе учат?! – прикрикнула на него одна женщина.

– У современных детей нет никакого воспитания! – вторила ей соседка. – А ещё «пионер» называется!

Ученик засмутился и сел только после того, как все разместились. Не могу сказать, что пионер поступил правильно. Конечно, правильно было, что ему объяснили его неправоту, и всё же не надо было кричать, можно было объяснить мягко, ласковым материнским языком. Слова «школа», «пионер» обладают большим влиянием на школьников, приучая их к порядку, перевоспитывая даже самых хулиганистых учеников. Школа приучает к порядку, дисциплине, правильному поведению, уважительному отношению к старшим, но беззаботно ругающиеся, позволяющие себе разные вольности взрослые, сводят на нет всё то, чему учит школа.

Вот одно из самых сложных обстоятельств в деле воспитания детей и подрастающего поколения.

ГАЗМАЙ ПОБЕДИЛ

Со вчерашней ночи на дне бутылки оставалось двести грамм водки. По правде говоря, сказать «осталось» будет неправильно. Чтобы он

не прикончил полуштоф в одно лицо, жена, закупорив бутылку, спрятала её куда подальше.

Утром, накладывая еды к завтраку, она уже прекрасно понимала, что сейчас начнутся поиски бутылки, и поэтому начала сама:

– Газмайчик, не обессудь, хочу сказать тебе кое-что.

– Если хочешь, можешь даже еще что-то сказать.

– Сегодня я бы хотела испытать твоё терпение.

Шея Газмая вывернулась. Подняв голову, он спросил у жены:

– Голубка моя сизокрылая, ты хочешь залезть в мои карманы?

– Да не карманы я твои хочу проверить, а человечность твою! – улыbnулась жена.

– Как ты собралась её испытывать?

Жена, глядя рябую голову Газмая, проговорила:

– Если у тебя есть силы и выносливость, то ты не выпьешь то, что осталось со вчерашнего вечера.

– Ладно, если говоришь, чтобы не пил, то не буду пить.

– Поклянись моим здоровьем, – обрадовалась жена.

– Клянусь твоим драгоценным здоровьем.

– Поклянись нашим сыном.

– Клянусь здоровьем нашего сына.

– Поклянись своим здоровьем.

– Если солгу – пусть лучше я помру. Клянусь своим здоровьем! Я не мужчина, если выпью.

Радуюсь тому, как всё обернулось, она достала бутылку и торжественно поставила её на стол перед Газмаем. Он искоса взглянул на неё, но руку не протянул.

– Так как ты поклялся не пить, выкинь бутылку в окно, – сказала радостная жена.

Даже не раздумывая, он схватил бутылку и выбросил её в огород за окном.

– Ну что, тебе понравилось испытание?

– Не обижайся. Перед тем как принести бутылку, я вылила всю водку и налила в неё воды, – рассмеялась жена.

– Да не переживай, женушка. Если хочешь знать правду, то я ещё вчера выпил из неё оставшуюся водку и налил воды. Вот теперь решай, кто победил в этом испытании.

ВЗЯТКОДАВАТЕЛЬ

Все вы знаете, кого называют взяточниками. А знаете ли вы, как называются те, кто даёт взятки?

Это одни из самых интересных людей. Над ними можно было бы

и смеяться, но всё же больше они достойны жалости. Есть у меня один такой знакомый. Знаю его с детства. Сколько лет прошло с тех времен, настолько большая разница между нами сейчас. Тогда мы жили на одной улице, ходили в одну школу, но друзьями никогда с ним не были. В принципе, он ни с кем и не дружил. И в школу, и домой всегда ходил в полном одиночестве, в классе сидел на задней парте. Если же пропускал урок, на следующий день шептался в углу со старостой.

Я плохо помню, в классе пятом или шестом это было, но как-то раз тот мальчик не пришёл в школу. После он так и не появился. Иногда мы встречались на улице, но он отчего-то отворачивал от меня лицо и проходил мимо. Время шло, мы прекратили даже обмениваться приветствиями, да и я напрочь про него забыл.

И очень сильно удивился, когда спустя двадцать лет он всё же вспомнил про меня.

Однажды ночью кто-то постучал в мою дверь. Младший сын побежал открывать и спустя пару секунд прибежал обратно.

– Отец, Алий хочет тебя видеть.

– Кто такой Алий?

Вместо сына ответила супруга:

– Сын Мухаммата.

– Да кто бы там ни был, приглашайте в дом, – сказал я и стал вспоминать Алия.

Невысокий, худощавый, неопрятно одетый мужчина, которому явно за пятьдесят, вошёл в дом. Съёжившись, смущенно поздоровавшись, он присел на стул около двери. Будто притаившись в ожидании добычи, он стал разглядывать всё вокруг. По его позе и ищущему взгляду я и вспомнил, кто он такой. «Господи, с чего вдруг он вспомнил про меня?» – подумал удивлённо.

Посидели, повспоминали прошлое, наконец он приступил к сути дела, приведшего его ко мне:

– Судя по тому, что я слышал, – начал он, – директор мясного комбината – твой близкий друг. Поэтому я хотел тебя попросить позвонить ему и сделать так, чтобы он взял меня на работу.

– Ты сам с ним разговаривал? Он отказал тебе?

– Нет-нет, я не говорил с ним. Ты же умный человек, понимаешь, что в этом деле нет ничего плохого.

– Скажи, чем ты хочешь заниматься на этом комбинате?

– Сторожем быть.

– А там есть такая вакансия?

– Да, есть, я узнавал.

– Тогда зачем мне у него просить за тебя?

– В этом нет ничего предосудительного. Нет ничего плохого. К тому же, стоит сказать ему, что я не останусь у него в долгу.

Мне не хотелось спорить дальше по такому пустяковому поводу, поэтому я обещал позвонить.

– Завтра приду за ответом, – сказал он и, попрощавшись, ушёл.

На следующий день я позвонил своему другу.

Тот рассмеялся в трубку:

– Слушай, что за смешные вещи ты мне сейчас рассказал! Пусть приходит, нам очень нужны такие люди. Зачем просить о таких вещах.

Ночью мой старый друг опять пришёл к нам домой. Услышав хорошие новости, он очень обрадовался, засияв, как солнце.

На следующую ночь мой сын вернулся со свертком в руках.

– Это передал Алий, – сказал он.

Я, ничего не понимая, развернул. От удивления застыл с открытым ртом. Там был новенький костюм для моего сына. Хорошенько отругав своего отпрыска, я отправил его за соседом. Он зашел, улыбаясь во весь рот:

– Хажибекир, что у тебя за дело ко мне?

Не показывая, что сильно разозлился на него, я спокойно положил руку на «подарок» и спросил:

– Что это?

На его лице не было даже тени смущения.

– Ой, да это мелочь, пустяк. Маленький подарок ребёнку.

– Подарок? За что?

– Да так, просто... Ты же побеспокоился обо мне, звонил, устроил меня на работу. Поэтому я подумал, что не хотел бы оставаться должным тебе. Нельзя забывать о сделанном тебе добре.

– Глупости! Откуда в твоей голове появились подобные мысли? То, что люди помогают друг другу – это не есть что-то из ряда вон выходящее. Я не сделал это, ожидая от тебя похвалы или благодарности, и уж тем более не ожидал никаких подарков. В конце концов, мой сын не нуждается ни в каких обновках. Как здравомыслящий человек, забери свой костюм обратно и больше никогда не делай подобных вещей. Никогда, нигде и никому так не делай! Ты меня понял? – сказав всё это, я сунул ему узелок в руки и проводил. Он сильно замаялся.

Наутро мне позвонил мой друг-директор. Тон его мне совсем не понравился.

– Слушай, Хажибекир, где ты нашел этого чудака?

– Какого чудака?

– Да этого сторожа.

– Что он натворил?

– Что он натворил? Да он пытался дать мне взятку! Зашёл в кабинет, протянул конверт. Говорю: «Что за письмо? И почему принес не секретарь, а ты?» А он отвечает: «Здесь традиции, уважение!» Открываю конверт, а в нём деньги...

– И что же ты сделал?

– А что я мог сделать? Вернул ему и конверт, и деньги, выгнал из кабинета. Хотел в суд на него подать, да пожалел бедолагу, простил. Потом позвал и объяснил: «Я директор, а ты сторож, охраняющий вход на комбинат, и зарплата моя больше, чем твоя. Зачем ты даёшь мне взятку? Если есть лишние деньги, потрать на свою семью. И вообще, кто тебе сказал, чтобы ты дал взятку. Комбинат принадлежит государству, если есть свободная вакансия, устраивайся и работай, кто тебе мешает?»

– А он что ответил?

– А он, поигрывая плечами, как цыганка в танце, ответил: «Никто не просил меня давать взятку», – говорит. «Тогда зачем ты это сделал?» – спросил я. «Да я так приучен, не могу остановиться», – говорит.

Директор комбината, смеясь, добавил:

– Знаешь, Хажобекир, где он научился давать взятки? Он покупает дорогие вещи по сходной цене, договариваясь с продавцами, и продаёт их в два, а то и три раза дороже. Да и раньше он нигде не работал, а сюда к нам устроился только для статуса «где-то работает». Как ты видишь дружбу с такими людьми?

Эти последние слова очень разозлили меня.

– О чём ты говоришь? Какая такая дружба? Когда-то учились в одном классе, живёт где-то по соседству. Да что уж говорить, я даже имя его не очень-то и помню.

– Я очень хорошо знаю, как его зовут. Его зовут Взяткодаватель.

Закончив на этом, мой друг положил трубку.

Не знаю, каким образом это слово проникло в народ, но с тех пор все звали моего знакомого «Взяткодаватель».

ШАШЛЫК

Настало время сбора кукурузы. Выросшие, словно стройные девушки, высокие кукурузные стебли наполняли радость сердца колхозников. Если посмотреть на снопы, которые они собрали, вспоминаются кавказские горы с их нетающими снегами.

На закате на дороге, ведущей в село, показалась чья-то тень. По мере приближения тени все узнавали в нём сына председателя. Еле переводя дыхание, он произнёс:

– У нас гость... Тебя спрашивает...

– Гость? Во время работы? – удивился отец и, разозлившись на сына, спросил: – А ты почему не в школе?

– Так меня вызвали из школы и отправили к тебе.

– Кто?

– Гость.

– Да что это за гость, откуда он?

– Я его вижу в первый раз. Он невысокий, упитанный, с желтыми усами, но вот бровей и ресниц у него нет. На голове – шляпа, в руках портфель типа чемодана... Приехал на райисполкомовской машине.

Председатель перевёл дух:

– Ага, значит он приехал из города? Ну, что поделатъ, пусть гостит во благо. Спасибо нашим городским друзьям, они никогда нам не отказывают ни в чем... И всё же, почему он не приехал прямо сюда?

Вместо мальчика ответил колхозник:

– Возможно, он устал в дороге, иди домой, займись своим гостем.

По прибытии в село председатель направился в правление – к своему гостю, а его супруга домой – готовить угощение.

Прибывшего гостя первой увидела супруга председателя. Расположившись под раскидистым ореховым деревом, повесив и портфель, и шляпу, и свой пиджак на него, сняв обувь, он разбивал свежие орехи каблучком туфли.

И это человек, который приехал помочь колхозникам в период страды. И что удивительнее всего, он сам вызвался на это. Многие отказываются ехать в такое время, придумывая кучу оправданий. Кто-то говорил, что заболел, а кто-то говорил, что дома есть больной. А этот своим коллегам заявил:

– Да вы все дураки. Почему вы отказываетесь от возможности отдохнуть и поесть на славу? Не понимаю! Оттого что ты поедешь туда, ты же не будешь жать пшеницу, копать картофель и собирать урожай? Важно, чтобы они видели вас рядом, а принимать решения может и ваша тень.

А этот товарищ, чья тень должна была принимать решения для всего колхоза, сидел в тенёчке и колол орехи.

Через некоторое время пришёл и председатель. Услышав стук под ореховым деревом, он направился в ту сторону. Он был настолько удивлён, что еле произнес «добро пожаловать» гостю.

Уполномоченный хоть и опешил немного, и всё же не растерялся, переложив туфлю из правой руки в левую, протянул руку председателю:

– Аксакал, куда вы делись, оставив село, как сиротливого ребенка?

– Я был на колхозных полях, сейчас в селе нет никаких дел. Все люди сейчас заняты на полях.

– Как обстоят дела с кукурузой и пшеницей? Орехи у вас отменные. Если и кукуруза с пшеницей такие же, значит, план будет выполнен. Как дела с кормами для скота? Силос заготовлен? Как я заметил, к новому учебному году вы еще не совсем готовы. Звонок в школе тоже мне не понравился. Его не очень хорошо было слышно.

Ты знаешь, каким должен быть звонок? Он должен быть настолько звонким, что его звон должен долго отзвучивать в ушах школьников. Помните об этом! А как дела со скотоводством? А с куриными фермами? – пытаюсь показать свою осведомленность в сельском укладе, бросил скорлупу от орехов курам, бегающим по двору. – Как я вижу, двор твой в порядке тоже. Но вот этот красный петух какой-то беспокойный, кажется, он не выдерживает своей полноты. Такое надо пресекать на корню!

Смотря на его поведение, слушая его слова, председатель уже понял, что за человек стоит перед ним и насколько он разбирается в сельской жизни. Он рассмеялся про себя. Председателю хоть и было за пятьдесят, он резко схватил красного петуха и, вынув перочинный нож из кармана, одним движением отрезал ему голову...

Гость, отпив из рюмки, закусил мясом петуха и начал свою речь:

– Ваш колхоз теперь под моим руководством, глава, так что ты должен подготовить мне отдельный кабинет для работы. Там обязательно должен быть телефон. Без него мои дела не продвигнутся. А без приёмника так вообще останемся без вестей о мире. Свою «Волгу» тоже отдайте мне. Вы же всё понимаете. Пока я здесь, пусть мальчишка будет рядом со мной, мало ли куда мне надо будет его отправить. Доктор тоже пусть будет на чеку, упаси Бог конечно, но мало ли что может приключиться. Если что случится, виноваты будете сами. Что ещё... мне нужен будет секретарь. Чтобы записывал и передавал тебе мои указания. Так, что же я забываю? Наверное, этого достаточно. Как только всё это будет исполнено, можете спать спокойно, зная, что план будет выполнен на сто пятьдесят процентов...

Обеденная трапеза так и закончилась на этом. Но всё же гость в своей речи не забыл указать, к чему расположено его сердце на завтра:

– Не понимаю, почему, но в сёлах совершенно не знают, что делать с внутренностями животных. Все, как один, готовят шашлыки, колбасы... Как думаешь, что из этого лучше?

Но так как мысли председателя были целиком заняты работой, он даже не расслышал последние слова гостя.

Весь следующий день приезжий занимался собой. Ужиная, он сказал, что хочет, чтобы все жители утром собрались перед работой.

– Зачем? – удивился председатель. – Перед таким большим делом мы и так собрали всех и обсудили, что и как мы будем делать. Зачем нам еще одно собрание?

– Нет, нет! Собрание необходимо! Вы не вмешивайтесь в мои решения. Я точно знаю, как пойдут дела после собрания.

Наутро всех работников собрали в клубе. Но сколько бы ни стучал председатель в дверь к уполномоченному, так и не смог его разбудить. После часового ожидания отпустил всех на работу. Сколько полезного

они могли сделать за этот час! Когда он думал об этом, ему хотелось выгнать приезжего за дверь! Как бы там ни было, ему пришлось сесть за один стол с гостем. Было бы грехом сказать, что у того совсем не было аппетита. Хорошенько наевшись, он сказал:

– Так, значит, вместо того, чтобы прийти на собрание, колхозники решили пойти на работу? Как только работники начнут отлынивать от работы, соберите их в клубе. Я сделаю так, чтобы они бегом побежали на поля.

Глава колхоза, радостно улыбаясь, сказал:

– Сегодня хозяйка приготовит плов.

– Это очень хорошо. Невозможно всё съесть за один день, пусть жаркое останется на завтра. – Затем, изменив свой тон, продолжил: – Скажите бухгалтеру, пусть пришлет мне данные по собранному урожаю. Мне нужно будет составить отчет о проделанной в эти дни работе и отправить в министерство. Я скажу ему, как нужно будет написать.

– Ты не хочешь сегодня прийти на поле? Во время обеденного перерыва мы бы могли поговорить с рабочими.

– О каком собрании идёт речь? – икнул гость перепуганно, и добавил: – Отправь сына в аптеку, пусть принесёт мне лекарство, что-то мне нехорошо...

На пятый день, жена председателя, не выдержав, сказала мужу:

– Ты как хочешь, а я уже не могу быть привязанной к этому городскому бездельнику. С меня хватит! Завтра выхожу на работу в поле!

Муж не сразу всё понял:

– А кто будет готовить ему трехразовое питание?

– Да что это такое? Утром попьёт чай, вечером покормлю ужином, а в обед, если хочет, пусть приходит на поле, поест там. Оттого что он взглянет на поля хоть одним глазком, он ослепнет, что ли? В наш колхоз приезжали многие, но таких я не видела ни разу! Пусть и он поработает, пусть поживет, как они!

Права была супруга председателя. Рано утром, под храп гостя, оставив завтрак на столе и велев сыну сообщить в записке, чтобы гость приходил обедать на поле, ушли на работу.

Гость, отоспавшись всласть, никого не застал дома. Умяв всё, что было на столе, он включил приёмник и вновь завалился на кровать. После позвонил супруге в город. Рассказал о том, как много у него работы, что он даже поесть не успевает, не то что отдохнуть. Что приходит с полей среди ночи, а с рассветом уходит на работу. Спросил, что у них на ужин. Та ответила, что готовит шашлык. «Какие вы счастливые, а я тут уже и забыл о вкусе еды!» – сказал он. Положив телефонную трубку, заметил записку на столе. Прочитал ее и почему-то решил, что его зовут на шашлыки. Он настолько обрадовался, что ему даже почувдился запах жареного мяса. Радостно потирая руки в предвкушении

вкуснятины, он подпрыгивал от удовольствия. Настало время обеда, но никого не было видно. Слоняясь по дому, он никого не встретил. К вечеру вернулись хозяева. Жена председателя пошла готовить на кухню.

– Доброй ночи, дорогой гость. Не сиди в это время во дворе, заходи в дом, – пригласил председатель.

Гость, услышав его голос, подпрыгнул, словно ужаленный.

– А где же мне сидеть тогда?

– А мы ждали тебя на работе.

– Как бы я пришел туда такой голодный.

– А мы ждали тебя на обеденную трапезу.

– Что за трапеза?

– Мы всю пищу отнесли с собой на поля.

– А почему тогда в записке было написано про шашлыки?

– Что-что было написано?

– Вот, читайте. Шашлыки.

Глава удивился, а прочитав записку, заулыбался.

– Тут нет ни слова про шашлыки, дорогой мой гость. Очень плохо, что тебя не было на поле. У нас были жирные сливки и сырная каша. Отменная была еда. Жаль, что тебя не было...

Гость, выхватив записку из рук председателя, снова прочитал.

– Таких неграмотных ещё поискать надо. Кто это написал? Чья это записка?

– Моего сына.

– Вина учителей. Это они должны были научить их красиво писать. То, что в этой школе не всё так гладко, я понял еще по звонку. У вас тут всё так запутано. Завтра же устрою тёмную этим вашим глупым учителям!

Но ему не пришлось возиться с учителями. Той же ночью его вызвали обратно в город. «С тех пор, как ты туда поехал, процент собранного урожая не повысился», – сказали ему.

Он уехал домой ночью. А в колхозе с тех пор надолго закрепились шуточка про «шашлыки».

Перевод с балкарского Жамили Додуевой

КРЕДО

Чтоб мир не шел ко дну,
уже не грезя раем, –
бумаги белизну
чернилами мараем.

И вдруг осознаем:
светлы чернила наши!
Стоим мы на своём,
чтоб сделать мир наш краше.

Страшны повадки тьмы.
Она глядит нам в очи...
Но – белым пишем мы
на черных крыльях ночи!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Встаю с рассветом, окна – настезь,
и тотчас в музыке тону.
Ее мотив ты с детства знаешь,
ее разливов глубину.

Облокочусь о подоконник,
чтоб снова в чуткий слух проник
звон струй молочных о подойник
и воробьев веселый крик.

Щебечут ласточки, как дети,
цыплята бегают, пища,
мычат коровы... На рассвете
творится песня сообща.

Я в сад бегу. Уже проснулись
деревья, травка поднялась –
все подпевают звукам с улиц,
чтоб музыка не прервалась.

От солнца день еще чудесней,
весь напоен весельем мир...
Сравнится ль что-либо с той песней?
Она прекрасней звука лир!

Я И ДОЖДЬ

Я заключаю дождь в объятия,
его ловлю я поцелуи –
и нитки нет сухой у платья,
так разошлись шальные струи.

А ветер, прямо в уши вея,
мне шепчет ласковое что-то –
прекрасней не было мгновенья!
В нем – страсть, в нем – грация полета!

Недаром тяжелели тучи,
с полудня над землею висли...
Ах, молний сполохи! Летучи,
они мои читают мысли.

Дождь припустил – прохладный, чистый, –
а я, совсем забыв о доме,
под звонких песен ливень истый
свои подставила ладони.

Те песни – о любви, о чести,
о дружбы преданной граните...
Мы радость раздаем с ним вместе –
друзья, ладони протяните!

***

Да, не из камня я! Не из железа!
И мысли мои путаются часто...
Я вздрагиваю, словно от пореза,
когда с недобрым в дверь мою стучатся.

Взрываюсь, увидав несправедливость,
обидных слов наговорить готова –
а как иначе? Долго время длилось,
когда не смели молвить даже слово!

Я – человек, я – человек, и только...
Хочу лишь одного – достойной жизни,
чтоб не было так больно и так горько
в растерзанной, распроданной отчизне!

Казалось бы, немного мне надо,
ан нет – судьба подбросила задачу...
Я снова дню грядущему не рада,
и – не смеюсь, а лишь тихонько плачу.

Но, впрочем, я, к лишениям готова,
богатств несметных в жизни не искала.
Ищу лишь счастья – доброго, земного –
и начинаю всякий раз сначала...

ЖИЗНЬ ОПЯТЬ ЖЕЛАННА

В окно стучится новый день.
Как радостно с зарей проснуться
и осознать: исчезла лень,
что душу мучила искусно!

Глаза распахнуты. Весь мир
с твоей душой согласен ныне...
А в небе – буйных красок пир:
оазис встретился в пустыне!

Как много хочется успеть,
пробравшись к свету из тумана...
Довольно слез! Мне впору петь!
Сегодня жизнь опять желанна!

Спешу возвысить я добро,
спешу любовь возвысить словом.
Не надо морщиться: «Старо...» –
Живу отнюдь не на готовом.

Пишу от сердца: я сама
сполна все это испытала –
сама сходила я с ума,
сама воскресла, как мечтала.

Не день, а чудо! Из двора
цветочный запах в дом струится,
весельем плещет детвора,
пера ждет белая страница...

И внуки, окружив меня,
мне душу полнят чистотою.
Жизнь новая, к себе маня,
сравнится разве что с мечтою.

Какое счастье: на заре
проснуться в собственной отчизне
и написать в календаре:
«Что может быть желанней жизни?»»

ТРУДНАЯ НОЧЬ

Как этой ночью тяжело было!
Тебя искала я во сне,
а где-то волчья стая выла,
терзая страхом душу мне.

Боясь, что ты столкнешься с ними,
большой костер я разожгла
и, выкликая твое имя,
босая, в темный лес вошла.

Твой голос слышался порою:
срываясь, он просил помочь.
Обломков грохот под горою
испугом полнил эту ночь.

Колючки мне вонзались в ноги,
но к боли этой, как к чужой,
была глуха я. Без дороги
все шла, ища тебя душой.

Проснувшись, в страхе леденею,
Тебя беспомощно зову...
Отсутствуешь ты лишь неделю,
а мнится – дольше, чем живу!

ИСХОД

Не говори. Слова сейчас излишни,
им сердца моего не укрепить.
Увы, все наши замыслы не вышли,
Разорвалась истершаяся нить.

Известно, что на все свои причины,
но мне причин не видно из-за слез.
Рассыпался наш дом из паутины,
фундамент из соломы – ветер снес.

И, оглашая сумрак горьким стоном,
любовь мне шепчет: «Я сейчас умру...»
Осталось мое сердце оголенным
на хлещущем безжалостном ветру...

ПРОСТОЙ ЗАКОН

Кого любить нам назначает Бог.
Я, жажда своей заветной доли,
пройти готова тысячи дорог, –
не утрашусь ни голода, ни боли.

Как по-другому? Если Бог судил,
назначенного не переиначим.
Мы, не жалея времени и сил,
должны искать того, кто нам назначен.

Простой закон от века учрежден:
двум душам повстречаться в мире этом.
Как тяжек душ не встретившихся стон!
Им никогда не озариться светом...

РУБАШКА, КОТОРОЙ НЕТ СНОСУ

Хоть в буйном этом мире превратностей немало,
напрасно не печалься и сердце не томи:
причудами своими судьба тебя не смяла,
живешь не на чужбине, а с близкими людьми.

Случаются невзгоды, и, как ты понимаешь,
не можем мы при жизни быть словно бы в раю,
но счастье – под рукою, пока ты пеленаешь
дитя в своей отчизне, а не в чужом краю.

В тяжелые мгновенья не уступай кручине:
пусть в этом буйном мире порою гаснет свет –
и все-таки, и все же живем не на чужбине,
а это – та рубашка, которой сносу нет.

БРОНЯ

Слова твои, что вдребезги разбились,
терзают душу, в клочья рвут одежды...
Но и теперь я улыбнуться силюсь –
не потеряла я своей надежды.

Вмиг, молнией мелькнув, исчезло счастье,
отныне все не так, как было прежде,
и сердце разрывается на части,
но все же я верна своей надежде.

Все, что блестит, не стоит мыслить златом...
Стихи мои, хоть вы меня утешьте!
Но рвется ритм в надрыве хрипловатом,
и остается верить лишь надежде.

Направо – скалы чуть ли не до неба,
крутой обрыв – налево... Маюсь между.
Не надо мне ни зрелищ и ни хлеба –
мне б только сохранить свою надежду!

Я выберусь, я выдержу, я сдюжу –
упряма, не смежу до срока вежды,
души стальную прочность обнаружу...
Броня моя отлита из надежды!

Перевел с кабардинского Ярослав Полонский

ОЖИДАНИЕ

Я с полными ведрами на коромысле
Иду от реки мимо ваших ворот.
Кружат мою голову тайные мысли,
Томление сладкое сердце берет.

Но душу свою от людей запираю,
Печали моей укрываю исток.
Увижу случайно тебя – запылаю,
По самые брови надвинув платок.

А жизнь между тем потихоньку проходит,
И солнце грустит, наблюдая за мной.
Все раньше темнеет, всю непогодит,
И хочется радости, тихой, земной.

Сентябрь, и от свадеб в селе уже тесно,
Я рано ложусь и боюсь темноты,
И что ни поем – все безвкусно и пресно...
Но что там за стук? Неужели – сваты?!.

ДВОЙНОЙ УДАР

Дыхание листвы колышет ветви сада,
Полдневный сон сморил отары и стада,
Чуть слышно шелестят косички водопада –
В них блики вплетены – стоцветная слюда.

Дыханье снежных гор окутает вершины
Венками облаков – небесных хризантем –
И упадет росой на склоны и в лощины...
Недвижима стою, люблюсь – и затем

Я устремляюсь ввысь, как может только нота,
Которую нашел и окрылил восторг.
Свободно и легко дыхание полета.
А там, внизу, уже и запад, и восток,

И полюса, и сеть тугих меридианов
Сливаются в один голубоватый шар, –
Игрушка для забав? Атлантов ли, титанов?..
И сердце вдруг зашлось и сдвоило удар.

ЛЮБОВЬ БЫЛА

Случилось заболеть мне, и серьезно.
Казалось, смерть витает надо мной.
Я не боялась, не молила слезно,
Лишь мысли ужасалась я одной:

Что мне не подышать в весеннем поле,
Где самый нежный, мартовский пригрев;
В твои глаза, любимые до боли –
Вот так вот и умру, не посмотрев.

Хоть жизнь мы провели с тобой в разлуке,
Я попросила: «Смерть опереди.
Явись ко мне, возьми меня за руки
И рядом – только молча – посиди...

Нет, не молчи, скажи всего два слова –
Я слишком долго этого ждала,
И я не знаю, встретимся ли снова...
Утешь меня, скажи: «Любовь была!»

Перевел с кабардинского Ладомир Местич

ГРИБЫ

Рассказ

Вспоминая Бориса Чипчикова

...На земле, на асфальте мигом вспухли пузыри, потеки лужи. Пошел дождь, долгожданный, оттого и яростный. Люди бежали домой, кто жил рядом, другие спешили укрыться, где можно. Вскоре стало безлюдно, даже машины, и те проезжали редко... Стоя под навесом остановки, обдаваемой со всех сторон дождем и ветром, я думала, что только дети могут радоваться и купаться в потоках такого дождя, шуметь в какой-то понятной только им пляске... так было в детстве у меня, у многих...

Сквозь пелену дождя шел человек, не спеша шел, два черных пакета в руках...

– Вот чудак-человек, – заметил пожилой прохожий, что среди других оказался под навесом, – ведь надо же, и шага не прибавит...

А он, действительно, шел не спеша, чему-то улыбаясь, довольный, под прицелом любопытных глаз продавцов, парикмахеров, их клиентов, теснившихся в окнах соседнего дома.

Наконец, этот странный человек поравнялся с остановкой, и я узнала его.

– Боря, давай сюда, – позвала его. Мокрый и счастливый, он стал рядом, поставив пакеты на лавку. Опережая вопрос, сказал:

– В лесу был, вот грибов набрал, их в этом году много... Давай сумку.

Отговорки были бесполезны... Вскоре моя сумка доверху была заполнена грибами.

– И с вами могу поделиться, – сказал Боря мужчине, наблюдавшему за нами, достал пакет, начал отсыпать...

Мужчина взял белый упругий гриб и, поднеся его к лицу, громко вздохнул:

– Господи, а как пахнет... – Потом засуетился: – Я ведь должен вам, сколько?..

Мокрый Боря смотрел и улыбался.

– Они из лесу... я же не сажал, не сеял, это божий дар нам с вами... какие деньги...

– Не поверите, моя супруга совсем недавно вспоминала о грибах, когда-то заядлой грибницей была... а что есть еще такие грибы – не поверит! Побалую ее... Вот спасибо вам, мил человек, – не унимался пожилой мужчина...

Я тоже поделилась грибами с соседями, и вскоре в нашем подъезде стоял стойкий аромат Бориных грибов...

ПЫЛЬ

При встречах с Борей была только одна тема для разговора – Азия. – Читать-то начала твои вещи, потому что там много родной мне Азии, – честно признавалась я автору.

Разговор об Азии могли начать да хоть с воды в арыке, в котором детвора, спасаясь от жары, могла барахтаться целый день. Вода всегда была теплой, ласковой, а к вечеру, когда взрослые отсылали помыть ноги, – холодной, жгучей.

Долго могли говорить и про тополиный пух, по которому сучали, и которого было в Азии так много, что мы, дети, собирали его, сбивали в комки и кидались ими, как снежками. Вот только редко получалось добросить их до «адресата» – пух разлетался...

И про тополя пирамидальные, серебристые, про то, что «тополь в городе и тополь у дороги – разные деревья», и что каждый из нас оставил там свое дерево – тоже речь вели.

Признавались, что впервые увиденный здесь, в Балкарии, на Кавказе, туман был загадкой и чудом для нас, тех, кто родился в Азии. Признавались, что был страх, а вдруг назавтра его, тумана, не будет.

Рассказывая про свой Кавказ, я призналась, как меня удивил, даже поразил кизил, своим желтым цветением, а его плоды («чум» по-балкарски) полюбились навсегда. (И мне стало понятно, что такое «чум-бетли», или цвет кизила, о котором старшие говорили как о самой красивой расцветке.)

Когда-то в детстве я никак не могла понять, что это за мушмула, о которой с такой ностальгией рассказывали старшие, за которой они сучали и вспоминали свое детство.

Непонятно мне, «азиату», и как это в здешних горах не растут пучки (разновидность ревеня), и как это не собирают серу, ели-то растут и здесь в горах?! – думала я. По всем таким вопросам-разъяснениям и обращалась к нему, «азиатскому» кавказцу.

Вспоминали мы и азиатскую пыль... заодно и оранжевость солнца, снова и снова возвращались к теплой, мягкой пыли, в которой по щиколотку утопали ноги, отчего бывали «цыпочки» на ногах...

Как-то он сказал: если будешь в Азии, привези кусочек Азии, пыли привези, и долго, с перерывами, от души смеялся от своей же просьбы.

Азия нашего детства – теперь другая Азия. Потом я рассказы-

вала ему: «Оранжевое солнце, как в детстве, осталось прежним, оно заливало все вокруг... и родники, так же пузырясь, выбивали струйки холодной воды... вот только пыль не лежала на проселочных дорогах, и босоногих детей больше не было, не видела...»

Собрать кулек пыли мне удалось. Спроси, как это я сделала? Озираясь по сторонам, боясь быть непонятой людьми со стороны.

Правда, кто видел, как собираю в ладонь пыль, сжимаю ее, как бы прессуя, потом, разжимая кулак, отправляю в кулек – дружелюбно улыбались мне.

Потом был досмотр багажа. Содержимое ручной клади: упаковка курта, бутылка шоро, другая с максымой и кулек пыли в прозрачном пакете. Приятный молодой человек в форме объясняет, что напитки надо либо выпить, либо оставить – проносить на борт не положено.

Соглашаюсь на последнее, не положено, так не положено.

– Что в пакете?

– Пыль.

– Как пыль, какая пыль? – недоумение на лице молодого человека.

– Привезти пыль обещала одному человеку, который родился здесь и скучает... – объясняю путано и сбивчиво, ещё и оттого, что ощущаю на себе взгляды и напряженную тишину в очереди на досмотр.

Кулек осторожно достается из прозрачного пакета, так же осторожно раскрывается, подносится к носу, рту, берется шепотка, протирается пальцами... и раздаётся громкий хохот.

– Кум экен, кум, – выносит вердикт, улыбаясь, человек в форме.

Очередь оживилась улыбками и усмешками.

– Эмне клабыс? (Что будем делать?) спросил молодой человек коллегу по досмотру.

– Бер (Отдай).

Смущаясь, принимаю располовиненный кулек обратно.

В салоне самолета я была уже знакома всем, все знали про мой кулек и улыбались. Только когда лайнер набрал высоту, пожилой сосед в характерном для тех мест головном уборе спросил:

– Скажи, а тот, кто просил пыль привезти, родом из Азии?

– Нет, он балкарец из Чегема, только родился в Азии...

ВОДИТЬ СОБАК НА ВОДОПОЙ

Бабушка Маржан понимала, что плохо говорила по-русски, но это не смущало ее, на помощь ей всегда приходил родной балкарский язык.

Сын соседей, Виктор, каждое лето приезжал к родителям в гости. И каждый день, ни свет ни заря, уходил на рыбалку вместе с дворняжками Памиром и Айхоном.

Возвращался обычно к полудню, когда с уловом, когда без, как повезет, но всегда одинаково просветленный и несколько подуставший.

Управившись с делами, к обеду бабушка Маржан садилась на лавочку у дома и отдыхала. Почти всегда встречала Виктора и спрашивала:

– Битя, есть сегодня рыба?

Когда он говорил, что улов никакой, она сокрушалась и не понимала, как можно столько сил потратить и вернуться ни с чем.

– Аллах, Аллах, алай кыйнап бутугъу-санынгы, не табаса жарлы, – сокрушалась она. – Зачем тяжело делать рукам-ногам, отдыхай, – переводила она следом свои же слова Виктору.

– Рыбалка – это же удовольствие и отдых, баба Маша (так называли соседи Маржан), – отвечал Битя, он же Витя.

Неделя прошла, другая, а Виктор все чаще и чаще возвращался без улова, но всегда довольный и счастливый, чем сильно смущал соседку.

Как-то в очередной раз он возвращается с рыбалки, впереди Памир и Айхон, пустой рюкзак за плечами, в руках удочки...

– Битя, знаешь, у нас говорят: «Иши болмагъан итлени сууугъа сюреди», вот ты так делаешь.

– Баба Маша, это что значит?

– Когда дела нету, работы нету – с собаками на озера ходишь, – перевела бабушка.

То ли ему понравился перевод, то ли соседская забота так понравилась Виктору, что он, задыхаясь от смеха, просил еще и еще раз повторить про работу и про собак.

Бабушку же что-то насторожило, либо раскатистый смех самого Виктора, либо громкий, вторящий ему лай собак – Памира и Айхона. Она громко позвала меня:

– Э, кыз, агъылат бу адамгъа мен айтханы. – И снова повторила: – Иши болмагъан...

Я сходу выдала:

– Когда нет работы, надо водить собак на водопой...

Виктор теперь так смеялся, что едва усидел на лавочке.

– Памир, Айхон, с завтрашнего дня вожу вас на водопой, как баба Маша велела! – веселился Виктор.

Вот каким переводчиком я была.

P.S.

Боря долго смеялся над моим рассказом, повторяя:

– Шикарная старуха!.. Памир, Айхон... точно надо «водить собаку на водопой».

ЧАШКА С БЛЮДЦЕМ

Хочешь повстречать Борю – смело можешь идти на ярмарку.

– Точно восточный ты человек, это там базар – место встреч, новостей...

– Без разговора, это так, – соглашался он.

Как-то раз на ярмарке встречаю Борю, в руках чашка с блюдцем. Поймав мой вопросительный взгляд по поводу чайного набора в его руках, он признался:

– Да просто хотел настроение поднять старушке, вот и купил. Возьми чашку, ей-богу, буду рад, если ты возьмешь.

Я отговаривалась, что шла с конкретной целью, и не донесу в целости-сохранности.

Сколько раз потом я видела Борю в рядах, среди бабулек, продающих что-то подержанное.

«Опять что-нибудь купит, чтобы поддержать настроение торгующей старушке. Неожиданно порадовать кого-то другого...» – подумала я, увидев его в торговых рядах. Уютно как-то на душе от таких людей.

ХОККУ (ХАЙКУ)

***

Куда стремишься,
куст перекасти-поле?
Нигде нет счастья...

***

Что ты каркаешь,
ворон, тут на заборе?
И мне не сладко...

***

Ну, подари хоть
ольховые серёжки,
скажу «спасибо»...

***

Адамо в душе
не смолкает полвека –
всё падает снег...

***

Скворушка запел
ранним утром у окна,
вплетаясь в дрему.

***

Нет ей и шести,
а женская суть выше –
в маминых туфлях...

***

Щедрится кедрач –
снятся мне Осинники –
щелкаю шишки...

***

В стихах ни гу-гу –
грудь колесом, на сцене
гарцует индюк...

***

Грезится комфорт –
разгулялся вольготно
ветер в голове...

***

Орлята кружат
вокруг березки русой –
в классе новичок...

***

Зажала ротик
школьница – по ватсапу
узрела чудо...

***

В зооклетке лис –
хитрости хваленой швах –
от стыда потух...

***

Мама и папа
сидят – ещё живые –
желтое фото...

***

В траве у дома
воробьев едва видать –
нынче занемог...

***

Высоко в небе
ветер гуляет, вижу,
коршуны реют...

***

Ливень в поле льёт –
не умолкает трактор –
вешняя вспашка...

***

Лепестки сливы
на коровьей лепешке –
прямо-таки торт!

***

Луна, как плотва,
в акации резвится –
гуляет ветер.

***

Луна на крыше
отдыхает, как леди –
глаз не оторвать...

***

Ворона в луже
увидела свой облик –
заважничала.

***

В мареве зноя
пляшут верблюды вдали –
маки поникли...

***

У-ти, боже мой,
слежу за игрой котят,
на минуточку...

***

Нет, не забыть мне
твой взгляд на «Остановке»,
пронзивший сердце...

***

Светятся тайной
в несбыточных надеждах
блаженства в душе...

***

Щемящая грусть –
утонченная нежность –
поздняя любовь...

***

Сплошь девятый вал
в океане бытия –
надо же! – плыву...

***

Как это дико!
Всюду преследует смерть –
и настигнет же...

***

Вот так, наверно,
с удочкой в руках умру –
стою в забытьи...

***

Дроны – не тучи...
Дождь свинцовый струится
над куполами...

***

С грохотом боя
притихла кукушка – ждет
предсказать живым...

ТАНКА

***

Какая прелесть!
До рассвета далеко,
а уже в саду
слышу пеньё скворушки –
проснулся и радуюсь.

***

Поёт на столбе –
выражает свой протест?
Опрыскивают
плодоносные сады –
на био-ядо-химию
не садится скворушка...

***

Куст гибискуса
расцвёл цветками мальвы –
дома оберег –
бархатные лепестки
любо-нежно трогаю...

***

Там, где родничок,
в лесу у подножья гор,
я точно знаю,
сейчас зацвел шиповник,
где мы гуляли с тобой...

***

В майских пионах
расселились всякие
жучки-паучки –
уживаются – право,
красные коммуналки...

***

Аллея парка –
шагаю осторожно –
всюду бегают
красные солдатики –
не загубить бы душу...

***

Вешняя метель
лепестков белоснежных
вишни намела
под соседскую грушу,
что в этот раз не цвела...

***

Зовёт и зовёт
магнолии цветущей
хмельной аромат –
даже волны морские
не в силах зов заглушить.

***

Спускаюсь к морю –
всюду благоухает
магнолии цвет –
быстро идти не могу,
пью на ходу аромат.

***

Какая прелесть –
с открытыми глазами
в лазурной воде,
любуюсь царством морским,
плаваю, словно рыба...

Мысли о любимой

Вешние вишни
в своем белом наряде
зимой и летом
пленают сердце мое,
в душе запечатлевшись...

***

Из веток ивы
в детстве мастерил свирель,
и вот услышал
те прелестные нотки,
сидя под ивой с тобой.

***

Закат золотит
мои стежки-дорожки –
иду медленно –
с упоением слушаю
лесную симфонию.

***

Далеко в небе,
где-то у пика горы
висит облако –
а капли дождя, нет-нет,
да и находят меня...

***

Дороговато
просит пришлый торговец
за один гранат –
я его понимаю,
это бизнес, но всё же...

***

Белоснежные
хризантемы в лазури –
душа светлеет...
О, как хочется так же
людей доброту и свет...

***

Затишье в парке –
благоухает липа –
и вдруг ветерка
порыв разбудил листья...
О, сколько бабочек тут!..

Арысь. Босоногое детство

Ноги в колючках –
ну, больно до слёз, ору! –
мама с иголкой
подшучивает: «Терпи,
черкес, владыкой будешь!..»

***

Несу свою грусть
вдоль берега озера –
лютая тоска –
с любопытным взглядом
следят за мной лягушки...

***

И в этом году
опять проворонил я –
бросила свои
широченные листья
в огороде черемша...

***

Свежо и влажно
дышит ночь в мое окно –
сквозь сон я слышу
томный шелест черешни,
и песнь раннего скворца.

***

В хрустальной вазе,
не уронив лепестка,
засохла роза, –
без души, но прельщает,
как «ночная бабочка».

***

Под ивой сижу
и слушаю её сказ,
смахивая с плеч
её горькие слёзы –
будто сетую я сам...

***

Милая моя
букашечка-козявка,
божья коровка,
даже ты заставляешь
думать о жизни и смерти...

***

Снова и снова,
о, ландыш белоснежный,
маленький звонарь,
ты освежил всю рощу,
душу мою озарил!

Эльбрус

На склоне горы
белизну созерцаю –
пью чистый воздух,
как горного родника
бодрящую дух струю...

***

Косят газоны –
резкий аромат травы
сильно бьет в ноздри,
словно цистерну спирта
опрокинули в траву...

***

Горная речка
лазорево струится,
белые камни
мощено лежат на дне –
вдруг... форель золотая...

Созерцаю легенду

В закатных лучах
в пруду сияет лотос –

сама чистота –
возрос он из грязи, но
совершенен, как Будда...

***

«Маленький цветок»
Фаусто Папетти – да! –
сколько печали,
столько же и нежности
в душе моей наводит...

Бабочка-дама

Как же прекрасна
цветастая бабочка –
поймал – люблюсь...
Но что такое – сходит
глянец, сыпется пудра?..

***

Листик лотоса –
бирюзовое сердце –
блестит на солнце,
а на нём грациозно
танцуют две стрекозы...

Косовица

Какая прелесть!
Пахнет скошенной травой...
Чуть устав, прилёт –
ноздри щекочет мята,
а всё тело – букашки...

***

Вот и крапива
выросла в моем саду –
пока свежая,
нарежу для салата
листьев – жгучих язычков...

***

В щелях забора
и под забором вокруг
лагерь раскинут
клопиков-солдатиков –
отряд красных партизан...

***

От аромата
цветов и травы в поле
слегка захмелев,
струящуюся свежесть
пью ненасытной душой...

***

Прозрачным утром
ветер тронул тополя,
как струны арфы,
и с листьев заструилась
серебряная муза...

Пасека

Золотит заря
опушку леса, ульи,
мёда аромат
в утро чище хрустала
струится, опьяняя...

***

Тропинка в поле
чёрной мятой разрослась –
терпкий аромат
дурманит – иду, словно
мятную жвачку жую...

***

Трели скворушек,
напевы хрустальные,
струятся в саду,

верный слушатель листва
трепещет от восторга...

Перед утренней зарёй

Зеленеет пруд –
агатовая роса
блестит на листьях
кувшинок – ещё миг и
всё превратится в рубин...

Король ринга от природы

Мухаммед Али...
«Он порхал, как бабочка,
жалил, как пчела», –
так говорили о нём,
хоть он выглядел как бык...

***

На горе Чегет
рододендроны цветут,
радуя душу –
поднимусь-ка я наверх
и полюбуюсь вдоволь...

***

В поле под вечер,
после дождя, цикады
заверещали –
вдруг блеснуло солнышко,
заходя за горный пик...

Нальчикские ели

Озаренные
лунным серебром ели
в городском парке
скрасили свет фонарей
нежною голубизной...

Жертва любви

Ах ты, ландыш мой,
белоснежный, маленький,
ну, прости меня,
сорвал тебя в подарок
милой и нежной, как ты...

***

В хрустальной вазе
в одиночестве стоит
лысая роза,
лепестки лежат вокруг –
хозяйюшка в отъезде...

***

Соловьиные
чарующие трели
всю ночь напролет
разве дадут мне уснуть,
когда все мысли о ней...

Пава

Как же так можно?
Она снилась до утра –
была так нежна –
а теперь ходит мимо,
как ни в чём не бывало!..

***

Расцвела сирень –
лилово струясь, нежно
свисают грозди –
веет ароматом двора,
озаряя душу мне...

***

Желто-глазастых
незабудок-голубят

издали видать, –
иду к ним вспоминать тех,
кого чуть-чуть подзабыл...

***

Голубеет пруд
возле плакучей ивы –
мимо лениво плывет
белых амуров косяк,
с голубыми глазами...

***

Веет и веет
от полыни и мяты
хмельной аромат –
дурман гудит в голове –
бегу окунуться в пруд...

***

Клонится к ногам
полная золота рожь,
веет ветерок,
под песни куропаток
хороводят васильки...

***

Мой восторг поймёт
тот, кто в поле ночевал
во время косьбы –
лунная ночь, фиалки,
костер, легенды отца...

Косовица.

Лежу у костра – дивлюсь...

При ясной луне
отец жарит шашлычок –
над головой нимб...
«Я всегда знал – он святой...» –
промелькнуло в голове...

Золотые купола Эльбруса

Здесь, куда ни глянь,
струится блеск слепящий,
душе на милость –
и несравненный восторг
от золотых куполов!..

Думы о своем народе

Сосны на скалах,
вопреки шальным ветрам,
держатся крепко –
вьелись корнями в щели,
души с гранитом сроднив.

***

Лапами машет
под вечер бор сосновый,
как всегда, зовёт...
Но, нет, сегодня занят –
спешу к ночным фиалкам.

***

Липа расцвела –
по всей аллее парка
благовоние –
несказанный аромат
пронизывает душу.

***

Время скоростей
голову сносит, душу
пложет суета –
осыпалась черешня,
а я и не заметил...

***

Хочется хоть раз,
так, ради интереса,

прожить один день
в подленькой душе твари –
узнать, что там творится...

***

Ширь зелёная
мне периной стелется –
как не поваляться! –
Я иду, бегу, лечу,
и, как в море, падаю...

Готовая натура

В тоненьком платье
под дождь попала дева –
прекрасная ню...
И где же вы, рембранты,
фотографы шальные?

***

Закончился дождь –
птица, слетев с дерева,
где я спасался,
пролила последние
капли дождя на меня...

***

В цветах душистых
бабочки так порхают,
словно нет забот –
так я всю жизнь пытаюсь
изобразить счастливица...

***

Вот и раскрылся
нежно-розовый пион –
как жаль, он тоже
скоро поникнет главой –
печальный образ в вазе...

***

Из глаз коровы
текут крупные слёзы –
неужто чувствует,
что затеял хозяин,
на скотобойню пригнав?

Гроза

Всю ночь напролёт
всадники с саблями в руке
носились в небе...
Ох, как много собралось
в одном месте черных душ!..

БУСОКУ-СЕКИТАЕ

На смерть друга юности Залимхана Кунижева

В брэнной юдоли
так печально распелась
ночью кукушка,
что и трели соловья
не смогли успокоить
мою скорбную душу...

***

Медленно иду
по висячему мосту –
долго смотрю вниз –
манит бурная река,
так и хочется прыгнуть –
до чего же тошно жить...

На городской площади

Одноногую
голубку дети кормят
крошками хлеба,

заразительно смеясь –
прыгает, как воробей...
Радость и жалость в груди.

***

Повсюду вокруг,
куда ни кину свой взор,
цветут деревья –
вишни, сливы, яблони –
чувствую, душа моя
тоже начала светлеть...

Стою у открытого окна

Перламутровый
лепесток белой сливы
залетел ко мне
и упал в чашку чая –
слегка касаясь губой,
пью его аромат...

У Суфьяна на даче

С другом сидим, пьём,
вспоминая, говорим
о чём-то светлом,
в камине горит огонь,
медленно затухая,
и вдруг за окном – заря...

***

Ветерок в степи –
порхают, как бабочки,
красные маки,
а если долго смотреть,
увидишь танец огня –
страстную кумпарситу...

***

Хмельной аромат
акации цветущей

не даёт пройти –
колдовские чары грёз
действуют пленительно,
лишь миг – и я в нирване...

***

С гусеницей лист
шелковыми нитями
замотал паук,
видно, смекнул про запас,
не в пример однодневке –
стою и корю себя.

***

Блеснув за горой,
зарница золотая
оповещает –
где-то там, в других краях,
грянет гром... и дождь...
А здесь душа иссохла.

***

Пью почечный чай,
не нравится, но надо –
доктор прописал...
В саду звенит малина,
но сию – в боку болит,
а душа витает там...

Пик славы

В траве медвяной
нескошенной поляны
роса сияет,
но грусти полна душа –
дрожит, она ведь знает,
чем кончится торжество...

После косовицы

С неба падают
мгла и, заметно, роса,
сидим у костра,

от нас так и валит пар,
словно вышли из бани
да прямо сели в сугроб...

***

Мяска поела
и молочка попила,
глазки щурятся,
лежит, мурлычет себе
да хвостиком виляет –
не скажи: чтоб я так жил...

***

Поднялся на холм –
внизу синей ленточкой
бурная Малка,
извиваясь, держит взгляд –
вот сейчас вдохну воздух,
вскину руки – полечу...

Оркестр Поля Мориа

«Жизнь прекрасна» – да! –
божественные звуки –
бальзам на душу,
больную, уставшую...
И вдруг следом Эль Бимбо! –
взрыв мозга – улёт в космос...

РЭНГА

Не пришить дождю
суровыми нитями
меня к этому клёну,
зря старается,
я уже давно прилип
к нему сердцем и душой...

***

Роса на розе
сверкает алым цветом,
как слезинка на заре

на лице твоём,
когда с тобой прощались...
Стою – слышу стук сердца...

Казахская степь

К вечеру маки
головками поникли –
утомились от жары,
иссякли силы –
но я-то знаю точно:
с утра вновь будут плясать...

СИНТАЙСИ

***

Чёрного дрозда
увидел в огороде –
пока не поёт,
поди, горло бережёт,
все-таки февраль, мороз,
но в душе уже точно
назревает программа
обязательных песен, –
не пропустить бы концерт
в суматошных заботах...

***

День-деньской в роще
неумолчные трели
так разливают
рано прилетевшие
скворцы и черные дрозды,
словно хотят доказать,
что не хуже соловьев...

На 99-летие поэта

Еду в Дагестан –
в голове крутится лишь
Расул Гамзатов

и «Белые журавли»,
и вдруг виноградники...
«Пётр Великий» и «Кизляр»,
«Дагестан» и «Лезгинка» –
повеселела душа...

Шикапшина

Как скорбно звучит
эта стародавняя
диковинная
адыгская скрипочка,
словно осенний ветер
в печали, один в степи,
позабытый Аллахом...

***

Засушенная
и слегка поблеклая
ветка душицы
выручила не очень
качественный черный чай –
вместе заварил и пью,
вспоминая летний луг,
где мы с тобой гуляли...

***

Спелый физалис,
освободив от листьев,
вместе с розами
сотворил икебану,
несказанную прелесть –
красные фонарики
над царицами цветов!

САД УНАТ, ИЛИ ЧАЩА НАШЕГО ДЕТСТВА

Рассказ

Вспоминая свое детство, я вижу перед собой большой сад бабушки Унат, которую соседи называли ласково Унана. Никогда не слышала, чтобы мама и мои тети, дяди называли ее мамой, а внуки – наной, она для всех нас была Нат. Помню, зимними вечерами я дожидалась родителей, лежа под теплым одеялом возле жарко натопленной печи, а в руках у Нат быстро крутилось веретено с овечьей шерстью... Это ощущение уюта было чудным.

Спустя тридцать лет, сидя у печи в нашем семейном дачном домике, я вновь ощутила нечто подобное. И неожиданно поняла, как же оно далеко от меня, мое детство, прошедшее у бабушки Нат. Далеко, но всегда перед глазами. Сложно сказать, чем это детство было особенным – всем: духом советского времени, какой-то надежностью, веявшей от людей, постоянным ожиданием чуда и неопишуемым восторгом даже от сорванной ранним утром в саду горсти малины.

Это было поистине волшебное время для нас. Сейчас такое детство не навяжешь моим детям, а если и получится – они воспримут такое времяпровождение сущим наказанием. Их чуть не хватил удар, когда наш крохотный черный крольчонок на днях перегрыз интернет-провод. Без гаджетов и тому подобных новинок современности жизнь в наше время останавливается. Лето без интернета... Я расплакалась, услышав как-то песню с таким названием (Боже мой! Меня, взрослую тетеньку заставил плакать Мумий Троль!). А ведь оно может быть счастливым, такое лето...

Да простит мне современность, но эсэсэровская точка зрения по вопросу воспитания детей была такова, что детская передача «В гостях у сказки», собиравшая у телевизионных экранов десятки тысяч детей, «уходила» на летние каникулы, и дети неохотно прощались с ней на все лето. Не потому ли, что у детей в летние каникулы должны быть забавы другого характера, нежели просиживание перед телевизором? Походы на речку, активные дворовые игры, интересные поездки... Телевизор же был предметом сугубо стационарным.

А у нас была Нат с ее большим и чудным садом. Мы прово-

дили у нее каникулы: я, Мадина и Мурид. Это было взаимовыгодное пребывание: Нат слышала наши шумные игры и чувствовала, что она не одна. Мы же, в свою очередь, были под ее неусыпным контролем, поэтому наши работающие родители могли быть спокойны за своих пристроенных на лето чад.

Мы часто и надолго пропадали в глубине сада, и тогда Нат шла за нами, опираясь на палочку, возмущенная тем, что мы не играем во дворе. «Я совсем одна во дворе, – говорила она, – вдруг забредет какой-нибудь хулиган и пьяница». – «Мы же дети, Нат! Чем мы сможем помочь тебе, даже если и так!» – бойко отвечала я ей. Она на минутку терялась и потом поясняла: «Ну, вдруг меня будут убивать... а вы побегаеете здесь, шум хоть поднимете...» Моя бедная Нат, да я не отходила бы сейчас от тебя, впитывала бы в себя каждое твое слово, жадно внимала всем твоим историям...

Но тогда у нас не было понятий времени, возраста, а «нужность» взвешивалась с известной долей детского эгоизма. Мы целыми днями слонялись по саду, и дел у нас было предостаточно и без Нат, впрочем, как и у нее самой. Слева от ее дома рос гигантский орех, площадь вокруг которого начисто вручную расчищалась бабушкой от травы. Благодаря ее стараниям там уже практически не росла трава, а земля была так утоптана, что своей гладкостью могла поспорить с полом.

«Так нужно, чтобы орехи не приходилось искать в траве», – объясняла бабушка. Она садилась на маленький стульчик и руками выпальывала всю траву, двигаясь со своим стульчиком сантиметр за сантиметром. А еще у нее было очень важное дело: каждые два часа она не забывала перемещать шланг от дерева к дереву, поливая свой дивный сад. Мелькали спицы и веретена, выпальывались сорняки с завидным упорством, но когда стрелка часов перемещалась на нужное время, Нат все оставляла и шла к своим яблоням и грушам – это было важно. Многие деревья были высажены ее сыном Али, преподавателем филологического факультета, который в свободное время увлекался садоводством.

Все эти семеренки, делишесы, джонатаны, белые наливки шли длинными стройными рядами. Одно из деревьев на закате солнца выглядело как апельсиновое, сплошь усеянное спелыми оранжевыми плодами. Это был Медовый шафран... Я давно не встречаю этот сорт яблочек, он прочно сидит в моей памяти как бабушкин.

А еще были две летние яблоньки слева от дома Нат, почти во дворе. Уж очень они были удобны для лазанья, мы с Муридом часто проводили на них свое время, бросаясь яблочными огрызками. Я так и не запомнила названия их сортов, но в памяти осталось только то, что одни были полосатенькие с кислинкой, их любил есть, макая в соль, мой старший брат Арсен, а другие – сладкие, сиреневого цвета, по-

крытые пылью (яблочки нужно было хорошенько протереть, и они становились аж глянцево-фиолетовые).

Живописно смотрелись кизил с ярко-красными ягодами, летняя груша с очень сочными и прозрачными плодами. Пьянящий аромат и локти, липкие от сока, стекающего при надкусывании...

Правая сторона бабушкиного сада была очень солнечная, вдоль забора тянулись кусты малины. Левая часть сада была усажена деревьями плотнее, поэтому была тенью. Но и там росла малина, причем более крупная – то ли сорт другой, то ли ей шел на пользу ручеек, протекавший совсем рядом. В сезон малины мы развлекались тем, что соревновались: кто поутру раньше попадет в сад и наберет больше. Казалось бы, она обрывалась за день вся, но каждое утро мы находили все новые кусты с созревшими за ночь ягодами. Помню свою навязчивую идею остаться на ночь в саду и посмотреть, как краснеет малина...

Как-то раз, собирая малину, мы неожиданно наткнулись в кустах на маленькое птичье гнездышко с пятью голубенькими в крапинку яичками. Это было так неожиданно, что мы задержали дыхание и пятились назад. Над нами тревожно чирикала птичка, и мы ни на секунду не сомневались, что это хозяйка гнездышка. В те годы была популярна песня о малиновке, и теперь мы были уверены, что это она и есть. Ведь она свила гнездо в кустах малины. Весь день мы думали о своей находке. Отвлекались на что-то другое – и вновь возвращались к разговору о гнезде малиновки. Детское любопытство безмерно, и на следующее утро мы вновь потихоньку двинулись к кустам малины – на этот раз даже не за ягодами. Отодвинули заветный куст, а в гнезде... уже шевелятся пятеро голых птенчиков с раскрытыми клювами!

Это было нечто удивительное. Мы стояли ошеломленные, уставившись на это чудо природы. Каждый из нас в тот день был впечатлен тем, что приобщился к великому таинству природы, очень хрупкому и невесомому, почти неуловимому и потому невероятно значимому.

На днях, разговаривая с Мадиной, обнаружила, что и она помнит тот момент до мельчайших подробностей. Так малиновка и ее птенчики стали предметом наших школьных сочинений о том, как мы провели лето. Каждый из нас постарался передать то неопишное ощущение восторга, которое тогда испытал.

Из бабушкиного сада маленькая дощатая калитка вела к ее сестрам Тейбат и Куне. Они всегда мне радовались, угощали мамалыгой, а потом я присаживалась на кровать Куны, проваливаясь в ее перину, и потихоньку подползала к подоконнику, на котором стояли флакончик духов и круглая картонная коробочка с рассыпчатой пудрой, аромат которой кружил мне голову. Я, как и любая другая девочка на моем месте, всегда ждала этого момента, когда можно было засунуть свой любо-

пытный носик во все эти дамские радости, и Куна, прослеживая мой алчный взгляд, грозила мне пальчиком, но все же доставала пудреницу и давала мне ее понюхать... Когда Тейбат не стало, а Куна переехала, я еще много раз втайне от Нат «проникала» к ним во дворик, заглядывала в окошко и представляла себе, что кто-то из них неожиданно появится и пристыдит меня, что я ворвалась, нежданная, на чужую территорию в отсутствие хозяев. Помню свое оцепенение, когда мне показалось, что кто-то следит за мной из окошка... Но дворик бабушкиных сестер всегда притягивал меня.

С Муридом развлекались так: притаивались под забором с наполненной водой пластиковой бутылкой из-под шампуня (в СССР он был довольно объемный), в крышке которой была проделана дырка, и выжидали, пока не появится кто-то из прохожих. В определенный момент двойная струя воды дугой выливалась на несчастного прохожего, а мы, трясясь от беззвучного смеха, сидели под забором на корточках и вслушивались в громкую брань за воротами.

Мне не дает покоя дивный сад Унат. Он и сейчас передо мной – сад, в котором прошло наше детство. Ряды яблонь и груш заканчивались, и начиналось царство чащи, где росли только громадные раскидистые орехи. Конечно, они были не настолько мощны, как тот орех, но все они (а их было не менее восьми) были такие же высокие и ветвистые. Можно было забраться довольно высоко на толстый дугообразный сук и сидеть на нем, свесив ноги и болтая. А когда мы с Муридом вырезали из очень плотной бумаги подобие парашюта и вдели в него веревки, каждый из нас по одному разу спустился на нем с высокой ветки. Удивительно, что не переломали рук и ног при этом, ведь приземление было довольно-таки болезненным. Однако были страшно горды, как-никак – парашютисты!

Земля в ореховой чаще (чащей ее стала называть Мадина) так же была аккуратно утоптана и очищена Унат от травы. Мелкий летний дождик почти не проникал в чашу, и мы много времени проводили в ней, качаясь в гамаке, натянутом между двумя мощными стволами.

С Мадиной мы очень любили лепить из пластилина фигурки принцесс и соревноваться, у чьей принцессы красивее платье. Помню свое изумление, когда, перемешав два оставшихся кусочка желтого и синего пластилина и изрядно помяв их, неожиданно получила красивый фиолетовый оттенок. Вообще все казалось необычным и таинственным. В самом конце чащи стоял небольшой сухой пенек то ли от дерева, то ли от кустарника. Он был какой-то неровный с выбоинами по всей поверхности. Мы воображали, что это дворец с балкончиками, и сажали туда своих пластилиновых принцесс.

Утром оказывалось, что некоторые фигурки исчезли, и нам казалось, что их унесли какие-то сказочные существа в свое царство.

Вновь лепили и высаживали на пенек: чья фигурка за ночь исчезнет, тот более удачливый...

А еще любили рисовать и рассказывать друг другу сказки по своим же рисункам. Рисовали мы тоже одних принцесс, разодетых в пышные платья... Мы с ней ровесницы, но все же разные: она любила спокойные занятия вроде лепки, рисования, чтения, карт, на которых мы гадали и придумывали кучу всякой ерунды. Мурид же, хоть и был на пару лет младше, больше соответствовал моим интересам. Вдвоем мы носились по саду, издевались над прохожими и затем прятались от них за забором, катались по очереди на велосипеде, ходили по всему двору на деревянных ходулях собственноручного изготовления. Синяки и ссадины не сходили с наших ног и рук. Мадина смотрела на нас, белая, холеная, и неодобрительно качала головой.

Я очень комплексовала из-за своей худобы, мечтала поправиться, а она говорила мне: «Ты носишься постоянно и мало ешь. Тебе надо спокойненько сидеть на скамейке, кушать булочку». Конечно, булочки я охотно поглощала, но просто просиживать «спокойненько» на скамейке – это точно было не мое, и мы продолжали носиться с Муридом.

Однажды мой старший брат Арсен уснул во времянке, а поутру оказалось, что прямо в его кровати окотилась кошка. Арсен с детства обожает кошек, и они это всегда чувствуют, прямо льнут к нему. Когда стали рассматривать котят, каждый выбрал себе по котенку. Мне достался самый последний, который никому не понравился, а мне было страшно жалко его, и я говорила, что самый хорошенький для меня именно он. Мадина и сейчас любит повторять, что я всегда выбирала котят, щенят по остаточному принципу: кто остался, тот самый «бедненький и несчастный», и его надо пожалеть и взять над ним шефство.

Животных мы все очень любили и жалели... Как-то незадолго до мусульманского праздника Курман кто-то привез Нат овцу. Мы застали ее привязанной к колышку в саду и пришли в восторг. Каждый стремился нарвать ей самой сочной травы, а она доверчиво тянулась мордой и мягкими губами брала ее с наших ладоней. Мы с Модиной почему-то прозвали ее Ларисой. Овечку увезли куда-то на следующий день, и мне было страшно думать о том, что это жертвенное животное.

Как бы глупо это ни звучало, я не ем с той поры баранину, ссылаясь на то, что она жирная или имеет какой-то специфический запах и вкус. У меня и сейчас есть какой-то комплекс на эту тему, я усиленно его скрываю от людей и в принципе не ем мяса...

Однажды в бабушкин двор зашел старик-азиат. Присел под навесом. Попросил водички. Нат как раз приготовила обед и вынесла ему поесть, милосердие, мол. Старик сидел недолго, много благодарил, а затем достал из кармана колечко и протянул его мне со словами «оно

золотое, носи на здоровье». Когда он ушел, Нат пыталась забрать у меня колечко, чтобы я его не потеряла. Маме вечером покажем, говорила она, потом делай с ним, что хочешь... Я была возмущена ее недоверием ко мне и не отдала кольца, а спрятала его в кармашек своего летнего платьица и побежала в сад. К вечеру кольца я, как и предполагалось, не нашла в кармане: скорее всего, оно выпало в саду, и его было уже не найти в густой траве. Мама моя, услышав эту историю, только устало махнула рукой, мол, не удивлена моей безалаберности. А Нат была страшно разочарована.

Милая, дорогая Нат! Я обращаюсь к тебе, будучи совсем уже тенькой, я и сама уже вполне способна иметь внуков. Я очень хорошо помню тебя спустя столько лет, детские воспоминания и впрямь очень крепки. Добрую часть своего детства я провела в твоём доме, дворе, саду. Я помню каждый уголок этого чудесного сада... каждое дерево и даже ветки деревьев, на которых можно было очень удобно сидеть, свесив ноги, огромную цистерну с водой, в которую мы по очереди погружались, воображая себе, что это бассейн. Я хорошо помню, где и какие цветочки росли, с какого дерева можно было сорвать самое красивое и сочное яблоко, какой из орехов в чаще даёт плоды размером чуть ли не с детский кулачок, а какой – удлинённые, я помню, где висел гамак... Я помню каждое из твоих веретён, деревянный стульчик, на котором ты сидела, золотистый циферблат на красивых зелёных часах, стоящих на столе... Ты часто бросала на них взгляд, высчитывая время полива деревьев, время прихода детей и внуков.

Помню комнату с диваном, покрытым ярко-розовым плюшевым покрывалом, фарфоровые чашечки-статуэтки в шкафу в виде рыбешек с разинутыми ртами, окно в твой дивный райский сад, в который ты вложила не просто все силы, а свою чистую и добрую душу.

Старый дом твой давно снесен, рядом отстроен большой двухэтажный... Двор от того места, где был сад, нынче отделен забором, и сам двор утопает в чудных цветах и кустарниках. Мадине очень нравится украшать двор интересными растениями. Когда я бываю у нее, ноги ведут меня к калитке, за которой когда-то начинался сад. Мадина недоумевает, ведь все самое интересное сейчас именно во дворе. Мы обе это понимаем, но она живет там и поэтому перестала замечать то, к чему я всегда тороплюсь прикоснуться, к безмерно дорогому мне воспоминанию. Я распахиваю калитку, и передо мной вновь возникает сад Унат, две тропы, ведущие в чащу моего детства, девочка в зеленом сарафане...

ДВА МОЛЕЛЬНЫХ КОВРИКА

Два коврика молельных на стене
Из козых шкур висят давным-давно,
И сон былые дни приносит мне,
Которым повториться не дано.

Родители творили свой намаз,
И с неба опускалась благодать,
Но пробил час, когда в последний раз
Отец просил на землю мир послать...

Как мне поверить в то, что он ушел?
Не раскололись горы пополам...
Арбу, как прежде, тянет старый вол,
И жеребенок скачет по полям.

Должно быть, он уехал по дрова,
Домой вернется на исходе дня,
И тихо скажет добрые слова,
Поглаживая верного коня.

Как мне поверить в то, что мамы нет?
Ведь небо не разбилось на куски...
Луна садится, близится рассвет,
Доносится журчание реки.

У мамы во дворе дела с утра,
Она придёт и разожжет огонь,
Шепнув на ухо, что вставать пора
Положит мне на голову ладонь...

За окнами не гаснет яркий свет,
А в тишине тоскуют два ковра.
На них, вздымая руки, много лет
Отец и мать желали нам добра.

ЯЗЫК, НА КОТОРОМ ГОВОРИЛ ЭЛЬБРУС

Ты – матери счастливой молоко,
Ты – песня колыбельная в ночи,
И в трудный час, когда звенят мечи,
Нам жить легко, и умирать легко.

Родную землю, имя и кинжал
Мне дал отец, язык дала мне мать,
И ничего дороже не сыскать,
Покуда ты звучать не перестал.

В грозу рожденный ты силен и смел,
Сильней травинки в скалах ледяных.
Ты столько знал поветрий моровых!
При стольких палачах ты уцелел!

В тебе журчит родник, и сеет страх
Над бездною ревущий водопад.
Ты появился сотни лет назад,
Когда вставала радуга в горах.

Звезды и камня дружная семья
Тебя в наш мир однажды привела,
Вложив и клекот горного орла,
И трепетное пенье соловья.

Ты – как скала, стоял наперекор
Ветрам веков, и силе роковой,
Порой – острее сабли боевой,
Порой – добрей, чем осень южных гор.

И плещется край моря голубой,
Хоть перед штормом тучи тяжелы.
Родной язык – в сравнении с тобой
Они так удивительно малы.

Дебет, Кязим, Кайсын, Отец и Мать,
Эльбрус, Бештау – это их молва,
А потому бесценные слова
Нам выпало потомкам передать.

Земная твердь, и та порой дрожит,
Но лишь язык надежней всех опор.
Он шире небосвода, выше гор,
Цветка нежнее, крепче, чем гранит.

И если ты бессмертен – мы горды,
Уверены, что будущее есть.
Бессмертна человеческая честь,
Как лед и солнце, камни и цветы.

ПЕРЕВАЛ БИЙЧЕ ¹

На перевал Бийче иду я снова
В безветрии родившегося дня,
И только камень голосом суровым
Обвалом хочет испугать меня.

И Юсенги старейшиною мудрым
Напоминает путникам порой:
Последним в жизни станет это утро
Для тех, кто непочтителен с горой.

Что за нужда нас гонит на вершины?
Нам лишь одно известно наперед:
Решительность – спасенье для мужчины,
Безволье труса к гибели ведет.

Так я иду уверенно по краю,
И смерть грозитя пропастью без дна,
А рядом солнце бережно латает
Лучами тучку, что плывет одна.

***

Дуб вековой упал, но не от века,
Как падают отжившие дубы,
Он рухнул под пилою дровосека,
Под зубьями безжалостной судьбы.

---

¹Бийче – княгиня.

Не вечны среди нас ни тьма, ни пламень,
И мы в тоске не от земных забот:
Здесь ржавчина истачивает камень,
Звезда сгорает, падая с высот.

А человек – не камень, не комета,
Придет к утру, а к вечеру уйдет.
Дано ему совсем немного света,
И дней ему дано наперечет.

Не то, что дела память не удержит,
Забудут имя правнуки его,
Тот, кто легко сгибал чугунный стержень
На склоне лет не может ничего.

Так почему же на земле нам тесно?
Гордыни грех опять сулит беду...
По осени, тропею мне известной
Свободный от раздумий я иду.

***

Вдали протяжно воет пес,
А девушка, не пряча слез
Всю ночь у черного окна
Поет без устали одна:
«В долине был неравный бой,
Там путь окончил милый мой...» –
Свой жребий зная наперед,
Она надеется и ждет.

И грустный месяц в облаках
Все знает о людских делах.
Где светит счастье – тает мгла,
А здесь осталась лишь зола.
Плывет с измученным лицом
По небу свадебным кольцом,
Забыв, что сломано оно,
И что вокруг темным-темно,
Что не спасет ущербный свет

Людей от неизбежных бед,
И покатила в никуда
Слезою огненной звезда.

Вдруг, ночь рыданием зашла:
«Мой милый, как я заждалась,
Быть может, конь тебя унес...»
Вдали протяжно воев пес.

***

Брожу... Тропинки осенью грустны,
Хоть их сусальным золотом покрыли,
И в небе журавли несут на крыльях
Тебе и мне березовые сны.

Брожу... Листом назойливым за мной
Знакомый голос увязался снова,
И душу надрывает каждым словом,
Как тут найти утраченный покой?

Брожу... Но оглянуться силы нет
Без горечи, без боли на дороге.
Я за собой оставил так немного,
Хоть шел без передышки много лет.

Брожу, и этот голос, словно тать,
Крадет мои бесценные минуты,
И мысли наполняет неуютом,
Что не сумел с дудой совладать.

Так в чем же смысл? В сынах, должно быть, он,
И дочери, но в жизни нет порядка.
За то, что им не отдал без остатка
Всего себя, покуда был силен.

А в доме только брошенный очаг,
И холод, что везде и всюду с нами,
Но тлеет огонек. А, значит, пламя
Разгонит одиночество и страх.

ЦЕНА ХЛЕБА

1

Есть ли у хлеба цена?
– Расскажи, поседевшая женщина,
Отчего у тебя седина?
От того ли, что горною трещиной
Проглотила супруга война?

Что сиротами были безродными
Вдалеке от родного огня,
И в слезах засыпали голодными
Под конец бесконечного дня?

Что кинжал и застежку из золота
Ты меняла на хлеб и на соль,
Даже памятью жертвуя голоду...
Сколько стоил тот хлеб и та боль?

Ты молила Аллаха стать птицею, –
Унести от печали и зла,
Но последние зерна тряпицею,
Спеленав, на помол отнесла.

Приходили рассветы-мучители,
Плач камней не похож на азан,
И на угли, чтоб дети не видели,
Ты пустой опускала казан.

2

Есть ли у хлеба цена?
Расскажи нам, солдат искалеченный.
Не о блеске победных наград,
А про то, чем дороги отмечены
У прошедших сквозь лагерный ад?

Дым и пепел, страданье безмерное,
Сел сожженных несметную рать,
Где к губам, словно женщину верную,
Корки хлеба не мог ты прижать.

Нашу землю, от холода звонкую,
Где, едва появившись на свет,
Мертвый мальчик застывшей ручонкою:
«Дай мне хлеба!» – кричал тебе вслед.

Вспомни ярость атаки решительной,
Жажды мстить растревоженный дух,
Боль и мрак, лай собак оглушительный,
И живые скелеты вокруг.

Ты из плена бежал незамеченный,
И рыдал в тот спасительный миг,
Как мальчишка, дорогою встреченный,
Черствый хлеб преломил на двоих.

Есть ли у хлеба цена?

МАТЬ

Могучие ливни не раз отрыдали
Над старым аулом с тех пор, как в бою,
Пал замертво муж ее в северной дали,
Спасая от ворога землю свою.

Без счета с тех пор пронесли ураганы,
Сгибая высокие сосны в дугу,
Как в голой степи от мучительной раны
Застыл ее сын на кровавом снегу.

Она похоронки давно получила
На сокола-сына и мужа-орла,
Но разве найдешь бессердечную силу,
Чтоб в сердце надежда сгорела дотла.

Ночами морозными дров не жалея,
Глядит на очаг, где танцуют огни:
«За окнами стужа все злее и злее, –
В дороге неблизкой замерзнут они».

И в зной, утерев набежавшие слезы,
Поставит на стол запотевший кувшин,

И скажет: «Мужчины придут с сенокоса,
Как прежде, айрана попьют от души».

Сыновнюю взяв фотографию с места,
Она говорит, будто жизнь впереди:
«Недавно нашла для тебя я невесту,
Ты только домой поскорее приди!»

А сын улыбается в шапке пастушьей,
И ранит улыбка больнее, чем нож,
Уставшую ждать материнскую душу,
И плачет за серыми окнами дождь.

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

– Я города песчаным штормом смыла,
Барханы поднимая к небесам,
Здесь путник сотворит свою могилу,
И, обессилив, в яму ляжет сам.

– А я – оазис, где над родниками
Скитальца ждет спасительная тень,
Чтоб, совладав с горячими песками,
Он поутру увидел новый день.

– Я – черный год, я – недород, я – голод,
Пустой казан на утлом очаге.
Не станет аксакалом тот, кто молод,
А старцы сгинут в страхе и тоске.

– Я колос хлеба с щедрою душою,
И злу меня осилить не дано,
Поев пустой похлебки с черемшою,
Посеют люди в пахоту зерно.

– Я – облака пронзившая вершина,
Твердыня, что у мира на краю, –
Сметут любого снежные лавины,
Кто носит жизнь ничтожную свою.

– Ты – на краю у мира, я – повсюду,
Да будет так сто тысяч лет по сто!
И на твоей груди каким-то чудом
Орел построил для птенцов гнездо.

– Могила я, бездонная могила!
Весь род людской однажды изведу,
Чтоб ветры выли над землею стьлой,
И танцевали призраки на льду.

– Я – колыбель, я – возвращенье к маме,
Любовью растворяющая льды,
Я – все могу, а в той могильной яме
Лежишь от Сотворенья только ты!

***

Пушистый снег летит на землю с высоты,
Линяют в небе облака, меняя цвет,
Нежней становятся колючие кусты,
Арба уснула: для нее работы нет.

У ветра иву разбудить хватило сил,
Сорвалась льдинкою тяжелая слеза,
И жеребенок за санями затрусил,
Он плохо видит: снег слепит ему глаза.

Притих в сугробах уходящий старый год,
Село и мельница в ущелье у реки,
Где трубкой горца дышит в небо дымоход,
Где снегом бережно спеленаты стожки.

Из тучи снег идет, пушистый снег с утра,
На черном ослике старик сидит верхом,
Снег люльку греет, где качаются ветра,
И убаюкивает горы зимним сном.

Несутся хлопья к застывающей земле,
Застыл утес, как на намазе аксакал,
Который молится о мире в снежной мгле,
Что в этом белом мире так и не настал.

ЗИМА 1955 ГОДА

Невольничье детство мне снится под утро.
Болезнь то горит, то бросает под лед,
И светятся хлопья в лучах перламутром,
Я вижу, как снег спозаранку идет.

Я вижу, как дети катаются с горки,
Звенит по округе залиvistый смех,
Мальчишки друг друга несут на закорках,
И маме шепчу: «Можно выйти на снег?»

Но борется мама с недугом коварным,
Смешав со слезами и ночи, и дни,
И ласково гладит: «Я брючки с карманом
Сошью тебе к вечеру, только усни!»

Как будто бы издали каждое слово
Мне слышно, когда я прощаюсь с отцом.
«Я велосипед привезу тебе новый,
Ты, только, пожалуйста, будь молодцом».

Запуталось время в бредовом тумане,
Уж пух тополиный пускается в пляс,
И, кажется мне, зацепившись за сани,
Дорога уходит сама на Кавказ.

Перевел с балкарского Александр Пряжников

Мухамед ХАФИЦЭ,
главный редактор газеты «Черкесское зарубежье»,
академик АМАН

ГЛАШАТАЙ АДЫГОВ

К 85-летию народного писателя КБР М. И. Кандура

Я хочу рассказать о своем друге Мухадине Кандуре – большом писателе, талантливом режиссере, ученом, глубоко изучившем философию, экономику и историю Кавказа.

Мухадин приехал из Иордании на свою историческую родину с благородной целью – создать многосерийный художественный фильм, который будет посвящен Русско-Кавказской войне. Она длилась более ста лет, причем некоторые адыгские племена были практически истреблены. Война, которую связала на Кавказе российская монархия и высшая аристократия, была жестокой, подлой, откровенно разбойничьей. Победитель не просто убивал, грабил имущество, жег селения, но и сгонял людей с земли предков, заставляя их навсегда покинуть свою родину.

Мухаджирство шло в три этапа. На последнем покинули Малую Кабарду дед Мухадина и его родственники. Каким сложным был этот путь, сколько опасностей на нем таилось – об этом Мухадин слышал с малых лет, и это мучило его. Видимо, поэтому писатель, который начал писать довольно рано, никогда не переставал думать о горькой судьбе адыгов.

Русско-черкесской войне и последовавшему за ней мухаджирству посвящен роман «Кавказ», по которому написан сценарий многосерийного художественного фильма. Он состоит из трех частей: «Чеченские сабли», «Казбек из Кабарды», «Тройной заговор». На примере одной семьи, ее потомков, воспроизводится путь, пройденный кавказскими народами в течение двух столетий. Книга написана на английском языке, ее перевод на кабардино-черкесский, сделанный Хамидом Кармоковым, читается легко и увлекательно.

Безусловно, осуществлялась мечта режиссера, проработавшего много лет в знаменитом Голливуде. Отвечая на наши вопросы о будущем фильме, Мухадин разговорился, рассказал о себе, о своей жизни.

...Детство М. Кандура пришлось на Вторую мировую войну. Эхо войны доносилось и до тех мест, где он жил – в Иордании. Отец его

М. И. Кандур

служил в армии, поэтому мальчик всегда был в курсе происходящих в мире событий. Рос Мухадин любознательным, внимательным мальчиком. Послевоенные годы были периодом, когда пропагандировались мир и свобода, возникали новые передовые взгляды. Молодежное движение особенно активным было в Европе. Парни и девушки из Азии, Африки, Америки тысячами приезжали в Прагу, Берлин, Париж, Лондон, Рим, Мадрид, Женеву, встречались, знакомились, пели песни, танцевали, их можно было видеть восстанавливающими разрушенные дома, разбитые дороги.

По сообщениям газет и радио знал обо всем этом и Мухадин. В тринадцатилетнем возрасте он принимает решение увидеть мир своими глазами, узнать, как живут люди в других странах. Конечно, родители не согласились бы на такое его путешествие. Долгие раздумья привели к выводу – надо бежать. Но как? Чтобы не тревожить мать и сестер, он говорит им, что вместе с одноклассниками едет в Сирию на время летних каникул. Никто этому не препятствовал, мать даже дала ему пятьдесят долларов на расходы. И подросток отправляется в путь. Сам Мухадин рассказывает об этом так:

«Как говорят арабы, ноги мои прямо чесались от нетерпения. Скорее в путь! Я всю использовал ту возможность, что меня отпустили в Сирию. А вскоре я оказался в порту Бейрута, где попал на греческий корабль, носивший название “Агамемнон”. Я мыл палубу, и денег с меня не брали. Матросы были довольны мною и относились, как к равному. С ними я и питался, и объяснялся неплохо жестами и мимикой. Больше всего мне нравилось, что они не задавали мне лишних вопросов: кто я, откуда, куда; видимо, они полагали, что я сирота... Так мы добрались до Венеции. Этот красивейший город Италии представился моему взору, как чудесное сказочное место. Еще интереснее было то, как вольготно чувствовала себя там молодежь – представители самых разных рас и народов ладили друг с другом прекрасно, играли вместе, пели, выполняли какие-то работы. Несколько дней я был с ними. Я хорошо знал Европу по картам и мечтал посмотреть несколько стран. Кстати, я изучал французский и английский языки и на каждом из них мог более или менее сносно изъясняться...»

Далее Мухадин поехал в Германию, затем во Францию, оттуда – в Англию, затем оказался в Шотландии. Удивительно, но нигде ему не пришлось задержаться из-за расходов на дорогу. После войны в Европе установилось правило: если путник поднимает вверх большой палец, машины останавливаются и подвозят его, причем бесплатно. Делалось это из милосердия. Война, конечно, принесла неисчислимы бедствия, разруху. Но люди были добрее друг к другу, чем обычно, поскольку много страдали, многое пережили.

Чуть повзрослев, Мухадин часто задумывался об этом: «Почему

необходимо пережить кровопролитную войну, чтобы люди стали мягче, сердечнее друг к другу?! В мирное время люди отдаляются друг от друга, отличаются большей жестокостью. Эгоизм – причина того, что человек остается одиноким на свете. А сколько людей страдает от одиночества – кто кончает самоубийством, кто становится наркоманом, алкоголиком. Как спасти мир от этих ужасных болезней? Что можно предпринять? По каким обычаям и традициям нужно воспитывать подрастающее поколение?»

...Вернемся к первому путешествию Мухадина, теплые воспоминания о котором он хранит до сих пор. Итак, он прибыл в Шотландию. Давно подросток истратил деньги, выданные ему матерью. Бывало, что и голодал, да и одежда на нем поизносилась. В Эдинбурге встретился с молодыми людьми. Но эти, в отличие от его венецианских знакомых, не были одеты с иголочки, напротив, на них была рабочая одежда.

Оказывается, немецкие самолеты сильно бомбили этот город. Много было полуразрушенных и полностью разрушенных домов. Их восстанавливали молодые люди из Америки, Швеции, Голландии и других стран. Присоединившись к строителям, в течение месяца молодой кабардинец трудился вместе с ними.

Проработав целый день, несмотря на усталость, юноши и девушки умывались, приводили себя в порядок, переодевались и вновь встречались вечером в клубах и парках. Некоторые из них ходили в цирк, в театр. Используя выходные дни, Мухадин побывал в музеях, осмотрел часовни и церкви. Он познакомился с местами, являющимися родиной героев Вальтера Скотта. Все виденное было для него в диковинку, все ему было интересно. Однажды, проходя через парк, он услышал знакомую арабскую мелодию, которая его сильно взволновала. Кандур поспешил к месту, откуда раздавалась мелодия.

«И что же, – говорит Мухадин, – добежал я до места, где звучала эта музыка, и прямо остановился как вкопанный. В центре парка вижу развевающийся флаг Иордании, под которым играет военный оркестр. Я был так взволнован, что не мог сразу подойти к своим соотечественникам, хотя душа рвалась к ним. Наконец, собравшись с духом, подхожу к ним. Спрашиваю: “Почему вы здесь находитесь, что делаете?” Они и сами удивляются: “А кто ты такой, почему приехал сюда?” Отвечаю: “Я – Мухадин, сын Изета Кандура”. Меня сразу узнали, поскольку мой отец служил в армии в чине генерал-майора. “Ну-ка, подожди, среди нас есть один черкес”. Ко мне подвели Ахмеда Шурдума.

Этот день мы с Ахмедом провели вместе.

Пришло время возвращаться домой. Заканчивались наши летние каникулы. На работе нас кормили, но денег не платили. Поэтому мне

пришлось тяжело, когда двинулся в обратный путь. Во Францию я прибыл без гроша в кармане. Пришлось пойти к иорданскому послу. У входа меня остановили: “Что тебе нужно?” Я ответил: “Денег”. В недоумении смотрят на меня, Бог знает, за кого меня принимают. Все-таки пропустили меня к консулу. Это был кабардинец Издин Хавжоко. Он недоуменно спрашивает: “Слушай, как ты здесь оказался?” Рассказал ему, где я побывал, что видел. Он удивляется, а мне стыдно признаться, что у меня нет денег. Сказал неправду, будто потерял деньги.

– Валлаги, дам тебе деньги, сколько тебе нужно?

– Дайте долларов сто, хватит, – говорю я. – Поеду в Марсель и там сяду на корабль.

Получив деньги, первым делом побежал в кафе, шутка ли: три дня ничего не ел.

Итак, прибыв в порт, я сел на корабль, отплывающий в Ливан, а дней через десять добрался до дому. Пока я был в дороге, Хавжоко прилетел в отпуск в Иорданию, позвонил моему отцу и шутя говорит:

– Дорогой Изет, отдай мой долг.

– Что ты морочишь мне голову. О каком долге говоришь? – удивляется мой отец.

– А те сто долларов, которые я занял Мухадину в Париже, – уточняет Издин.

– Что за глупости? – не верит ему отец. – Мухадин находится в Сирии.

После этого Хавжоко приехал к нам домой и рассказал моему отцу, как он встретил меня в Париже. Можно представить себе, как обеспокоился отец! И при этом ни слова не сказал другим членам семьи. Но и мне он не дал знать о своем гневе, когда я вернулся, хотя был достаточно крутым по характеру человеком. Только сказал: “Впредь никогда не лги, если будешь уезжать куда-нибудь, дай нам знать”.

Почему сегодня я вспомнил о своем детстве и рассказал о нем? Видимо, страсть к путешествиям – в крови у адыгов. Жизнь их, полная боевых столкновений, диктовала суровые правила: в 12-13 лет юноша должен был искусно владеть оружием, управлять конем и при необходимости выдерживать длительные походы. Мальчиков отправляли к аталыкам, которые воспитывали их в воинственном духе. Эта линия находит развитие и в трилогии “Кавказ”, и в будущем фильме.

Адыги вели образ жизни, который для народов других стран был явно неприемлем. Этот образ жизни можно определить понятием “адыгагэ”: хабзэ, человечность, гостеприимство, милосердие, взаимопомощь и многое другое. Больше всего черкесы ценили свободу. Они считали низостью эксплуатировать другого человека. Потому они не были способны к смирению и покорности, готовы были погибнуть, но не склонить головы перед кем-либо, не преклонить колени перед кем-либо. Действительно,

лучше прожить один день свободным, чем прожить в неволе сто лет... И эта мысль вплетена в художественное полотно “Кавказ”.

Мы должны показать всему миру правду о себе и своей истории, показать, что адыги издревле имеют богатую культуру, что наш народ воспитан, благороден, способен продемонстрировать образцы хабзэ, что образ жизни черкесов заслуживал всяческого подражания, что народ этот незаслуженно и жестоко пострадал. Мы должны показать всему миру, что история адыгов – настоящая сокровищница, что в ней множество прекрасных памятных страниц. Она вносила свой вклад в мировую культуру со времен хеттов. Не зря Маркс и Энгельс писали: “Чудеса Греции не свалились с неба, как нам известно. Для этого была соответствующая почва. И почва эта – хетты и протохетты”. А если говорить о государстве, построенном позже, – Синдике?

Многое из древних своих сокровищ адыги растеряли на многовековом трудном историческом пути... Кавказ всегда был местом скопления множества народов, местом столкновения больших и малых армий. Сюда стремились целые орды, но все же наши предки не сдались, не отдали свою родину на поругание врагам. Когда уже не было никакой другой возможности, большинство из оставшихся в живых, чтобы не попасть в рабство, устремилось в Оттоманскую империю, на Ближний Восток. Болезни, голод, холод – какие только страдания не ожидали их! Сотни тысяч черкесов погибли на трагическом пути мухаджиров. Оставшихся в живых разметало по всему миру.

Нынче наступили времена, когда возросло самосознание народов, когда бывшие колонии обрели свободу. После 2000 лет изгнания евреи воссоздали свою государственность. А что адыги? Хорошо, нет своего отдельного государства, но все ли стремятся хотя бы вернуться на историческую родину? Около шести тысяч черкесов обрели Кавказ. Но остальные 7,5 миллиона не думают об этом. Взять, к примеру, адыгов, проживающих в Турции. Большинство из них не помнит родного языка, обычаев своих. Многие ли адыги знают о том, что в России всем народам сейчас гарантированы справедливость, равенство, свободное национально-культурное развитие? Когда наш фильм будет готов, он заговорит на адыгском, английском, русском, арабском языках. Мы намерены показать его в разных странах мира, чтобы многие сказали: “Эх, как прекрасна земля наших предков! Вот бы нам там жить!”»

Семнадцатилетнему Мухадину разрешили уехать в Соединенные Штаты, чтобы продолжить там образование. В штате Индиана он окончил колледж и университет. Можно сказать, что молодой адыг содержал себя все годы учебы. Отец особо не поддерживал его материально, считая, что в таком случае он может избаловаться.

«Нет, отцу не было жаль денег, – вспоминает М. Кандур. – Мно-

гие мои ровесники, уезжая учиться в Европу или Америку, нередко забывали о цели своей поездки, предавшись сиюминутным развлечениям. Отец боялся, как бы и на меня не подействовали плохие примеры.

Моя учеба подходила к концу, когда до меня дошла весть о том, что отец собирается приехать ко мне в США. Он хотел принять участие в торжествах по поводу вручения мне диплома... Я обрадовался».

Мухадин отправился в аэропорт на шикарном «Ягуаре». Он с нетерпением ожидал приземления лайнера, на котором летел отец. Наконец, раздалось сообщение о прибытии самолета.

«Вот он! Вот он!» – забилось сердце, когда Мухадин увидел отца.

Статный черкес в генеральской форме, вся грудь – в боевых наградах. Хотя душой они рвались друг к другу, сближались не спеша. В эти несколько минут Мухадин понял одну вещь, буквально почувствовал ее. Он понял, почему его отец был таким сдержанным, так чтит обычаи, почему он честь и человечность всегда ценил превыше всего.

Этот характер известен давно, эта строгость – от седоглавых вершин Кавказа. В ушах раздается плач тысяч людей, покидающих свою родину. Когда их выгружали из кораблей, для них не оказалось в Турции ни пищи, ни крова. Чужбина стала злой мачехой, и многие отправлялись дальше – в Сирию, Трансиорданию, Палестину...

«Выжить, не умереть, заслужить доверие народа, рядом с которым оказался, ни в чем не провиниться, работать, когда отдыхают сами арабы... Заслужить их симпатию, расположение...»

Отец Мухадина служил в армии, не жалея себя, чтобы прокормить семью, сохранить свою честь, достоинство, свободу.

Все это пронеслось в голове юноши буквально в одно мгновение и слезы выступили на его глазах. Еле сдержал их. Вот и отец, совсем близко... Все-таки не смог сдержать себя – бросился вперед, крепко обнял его...

«Ну, ну... И вырос же ты, – прошептал растроганно отец. Немного отодвинул его. – Что это, будто две женщины встретились... Может, еще поплачем?»

Пока получали багаж, отец и сын спокойно поговорили, обменялись новостями: семейные дела, здоровье матери и сестер, близких родственников.

Потом отец спросил у Мухадина: «Ты на такси?» А Мухадин открыл дверцу одной из самых дорогих и красивых машин в мире – английского «Ягуара»: «Прошу, отец».

Устроив отца, сам садится за руль. Машина нетерпеливо срывается с места. Можно подумать, что она не едет, а плывет в воздухе.

Изет недоверчиво посматривает на своего сына, но он ловко управляет машиной. Мастерство вождения больше не беспокоит Изета, но?..

– У кого это ты ее занял? – спрашивает сына.

– Занял, говоришь? Когда доедем до места, кое-что покажу тебе.

Погрузочные и разгрузочные площадки железнодорожной станции обнесены высоким забором. Но все же поверх него видны подъемные краны и крыши складских построек. Отзываясь на сирену «Ягуара», распахнулись тяжелые железные ворота. Вахтер, сидящий в стеклянном домике, махнул Мухадину, приветствуя его. Не успел Мухадин выйти из машины, как его обступили несколько работников. Окружили его, громко приветствуя, и что-то, смеясь, рассказывают ему. Не задерживаясь, простился с ними, и снова сел в машину.

Когда железнодорожная станция осталась позади, отец не вытерпел и спросил:

– Что все это значит? Ты что, начальник этой станции? Почему все эти люди так уважительно относятся к тебе?

– Отец, я просто работаю с ними...

– Как? А учеба?

Только тогда с некоторой гордостью Мухадин рассказал отцу истинное положение вещей. Он работает на станции ежедневно по три часа. Потому и сумел обойтись без помощи родителей во время учебы. И эту машину-красавицу не занял ни у кого, а купил на свои деньги, из тех, что заработал здесь.

– Только после этого отец поверил, что я стал мужчиной, – улыбается Мухадин. – Эти воспоминания привели отца в хорошее расположение духа. Глаза его сверкают, лицо еще больше разгладилось и засияло. С тех пор ведь прошло очень много лет. Но никогда не забуду, как мой строгий отец погладил меня тогда по голове. Второй раз он погладил меня, когда я сказал, что собираюсь снимать фильм “Кавказ” на родине адыгов... А это было уже несколько лет назад».

«Мой отец скончался в 1992 году. Он дослужился до должности начальника Генштаба Иорданской армии. Самые старшие из иорданских адыгов отправили меня сюда и так напутствовали: “Красивое, доброе дело ты задумал, удачи тебе. Нет ничего лучше, чем принести пользу своему народу. Нашим соотечественникам передай наш братский салам. Имя своего отца никогда не позорь”».

Мгновение мы с моим другом Мухадином Кандуром сидели молча. Думали мы оба о том, что нам повезло, и жизнь повернулась к нам лучшей стороной: теперь черкесы из разных стран могут встречаться, общаться, вместе работать. Вчера все было по-другому. Так что же принесет это меняющееся время адыгам, перенесшим столько страданий?

– Пусть принесет добро, – медленно произнес Мухадин. А я

удивленно посмотрел на него, потому что он угадал мои мысли.

...Стоит вернуться назад и рассказать о том, какое решение приняли отец и сын, встретившись в штате Индиана. Еще большую гордость за сына испытал Изет, услышав в университете добрые слова о Мухадине, узнав, что он заканчивает вуз весьма успешно.

– Я хотел бы и дальше продолжить образование, – сказал Мухадин, и Изет с радостью его поддержал.

Свое образование М. Кандур продолжил в штате Калифорния, став докторантом Клермонтского университета. Здесь он глубже изучил философию, экономику и историю. Свою диссертацию Мухадин назвал так: «Мюридизм. История Кавазских войн 1819-1859 гг.».

Закончил учебу Кандур в звании доктора философии. На первых порах он занялся коммерцией, как пожелали его родители.

В начале 60-х годов Мухадин обосновался в Нью-Йорке и снял на местной киностудии 22 короткометражных фильма. Увлеченно работает он и над прозаическими произведениями.

В 1970 году в издательстве «Вильямс Пресс» М. Кандур выпустил свой первый роман «Афёра в небе». Второй роман «Разрыв» увидел свет в Лос-Анжелесском издательстве «Уолд Пресс» (1971). После успеха этих произведений, тираж которых превысил 600 тысяч экземпляров, Мухадин порвал с коммерцией и обосновался в знаменитом Голливуде, который не приемлет ничего стандартного и серого. Черкесского режиссера и писателя здесь уже знали по его документальным фильмам и романам, потому его приняли без промедления. Кандур работал ассистентом талантливых американских режиссеров Джона Хьюстона и Далберта Манна.

К удивлению этих известных людей, молодой адыг показал себя очень способным в киноискусстве человеком. Вскоре его принимают в Союз писателей и Союз кинематографистов США. Мухадину дают заказ на несколько серий для популярных телесериалов «Маникс», «Бонанза», «Эф-Би-Ай» и других.

В 1972 году компания Уолта Диснея приглашает М. Кандура снять фильм о жизни знаменитого американского писателя Эдгара Аллена По. Это предложение пришлось по душе первому адыгскому кинорежиссеру, который с детских лет увлекался творчеством Эдгара По.

Конечно, он узнает много нового, неизвестного доселе читателям, о том, в какой семье родился и рос писатель, какие люди его окружали. Переварив все это, тщательно продумав, приступил к съемкам самого фильма.

Фильм «Призраки Эдгара По» идет полтора часа. За это время перед нами проходят страшные видения, которые наблюдали Эдгар По и его друг в сумасшедшем доме. Волосы встают дыбом по ходу действия художественной ленты.

Как говорит Мухадин, мы видим то, что изменило жизнь выдающегося писателя, а также манеру его письма. На Каннском кинофестивале 1973 года фильм «Призраки Эдгара По» получил поощрительный приз.

В Голливуде Мухадин снял и другие фильмы: «Чероки» – о жизни молодого бедного индейца, «Маленький убийца», повествующий о конфликте на Кипре, «Паго», посвященный цыгану, «Мысли и сердце» – о Великой арабской революции и другие. М. Кандур был автором сценариев, режиссером и продюсером этих фильмов.

Вскоре о таланте кинорежиссера и писателя узнала вся Европа. Об этом свидетельствует и тот факт, что по заказу первого канала Французского телевидения Мухадин снял четырнадцатисерийный фильм «Лошади и народы».

Можно сказать, что к тому времени М. Кандур объездил весь мир. Готовя и снимая фильмы, он побывал в Великобритании, Германии, СССР, Мексике, Индонезии, на Кипре, во многих других странах Европы, Азии, Америки, Африки, Океании. Сериал рассказывает об истории лошади; показывается, как изменилась ее судьба с тех пор, как это красивое животное стало домашним, как выращиваются чистопородные лошади в различных странах, как ее используют в войнах, на корриде, в разных отраслях народного хозяйства, в спорте...

Чтобы успешно справиться с такой задачей, недостаточно было просто талантливо снимать фильм, нужно было также хорошо разбираться в коневодстве, быть истинным исследователем.

– И с этой стороны я был готов к работе, – говорит Мухадин. – С детства любил лошадей. Как и любой адыг, умел ухаживать за ними, ездил на них верхом. У нашей семьи было несколько конеферм. Короче говоря, французы предложили желанную для меня работу, и вроде бы я с ней справился, потому что сериал получил хорошие отзывы. Меня больше всего порадовало то, что я получил возможность показать и кабардинскую лошадь. Когда я в первый раз приехал в Кабарду, в 1982 году, я подружился с талантливым режиссером Кабардино-Балкарской студии телевидения Владимиром Вороковым. Вместе с ним и пользуясь его советами, я снял несколько тысяч метров киноленты.

Мухадин замолкает и некоторое время сидит, перебирая свои мысли. По лицу видно, что эти мысли волнуют его. О чем же он так глубоко задумался? М. Кандур сам признается в этом: «Прошу прощения. Когда мне предстоит взяться за какое-то дело, все мои мысли направлены к нему. Ни на минуту сейчас я не забываю о фильме “Кавказ”. Как я уже говорил, мы намерены показать самую страшную страницу адыгской истории на протяжении продолжительного периода, через жизнь представителей трех поколений. Не такое это простое дело...

Снять фильм “Кавказ” мне предложил Владимир Вороков. Как-

то, приехав в Иорданию, он спросил: “А почему мы не можем снять художественный фильм об адыгской истории?” Идею поддержали старшие и благословили нас на эту большую работу. Снимать фильм я начну только в следующем году, но и сегодня у меня все готово: есть сценарий на английском, русском и кабардинском языках. Он одобрен профсоюзом американских киноработников. Нашли мы поддержку в Москве и Лондоне.

Посмотрели и выбрали места для съемок. Если учесть, что действие происходит в нескольких республиках Северного Кавказа, можно представить, с чем это связано: надо найти лошадей, телеги, домашнюю утварь, воссоздать старинные адыгские селения и чеченские аулы, которых сейчас уже нет, надо одеть в старинную национальную одежду целые воинские подразделения – многое нам предстоит. И со всем этим мы справимся, если только во всех местах нам будут помогать. Надеемся найти поддержку у руководителей республик, сельских старейшин, общественных организаций».

Мухадин Кандур – упрямый и целеустремленный человек. Нет сомнений в том, что и эта его идея рано или поздно осуществится.

Мы до сих пор не затронули одну грань жизни моего друга. Это бизнес, которым он занимался и занимается. Чтобы не зависеть от кого-либо, свободно заниматься литературой и киноискусством, он должен быть состоятельным, не испытывать материальных затруднений.

В свое время он заработал в США крупную сумму денег, выступая экономическим советником различных компаний. В другой раз попал в число тех, кто получил большую прибыль при разработках нефти на Ближнем Востоке. Он был и среди тех, кто построил дома отдыха на побережье океана в знаменитой на весь мир Гренаде – красивейшей местности Испании. И сегодня Кандур имеет долю в деловых компаниях Англии, Франции, Испании. По пути бизнеса направился и его сын Инал, окончивший университет в Америке.

Но очевидно, что смысл жизни Мухадин видит не в накоплении капитала. Превыше всего он ставит человечность, адыгство, национальное дело. «Если забывать обо всем этом, то зачем нужен капитал? – спрашивает он. И дополняет сказанное адыгской пословицей, которую часто слышал от своего отца: – Капитал, как роса, а совесть – наследство».

В его семье чтут намыс и адыгагъэ, его дети знают родной язык. Чего желает Мухадин своим детям? Чтобы не забывали свою историческую родину, чтобы умели принести пользу своему народу.

Глашатай адыгов, коим я считаю своего друга, – автор многих музыкальных произведений и аранжировки народных мелодий зарубежных черкесов, записанных на пластинку американской фирмой

«Полимакс» («Кафа», «Зегатлет», «Любовный зефак», «Кабардинка», «Хаджи-Мурат», «Удж», «Танец героев» и другие).

В начале 1995 года М. Кандура приняли в Союз писателей РФ. Он является президентом Международного Черкесского Фонда, учредителем Кандуровской премии за особые заслуги в развитии адыгской культуры.

В деле единения и сближения адыгов есть и мостик, проложенный Мухадином. Он задумал и другое дело, которое в будущем послужит родному многострадальному народу. М. Кандур хочет организовать переводы на черкесский и русский языки романов, повестей и новелл, вышедших за рубежом, архивных материалов, хранящихся в странах Европы, Ближнего Востока, Северной Африки и посвященных истории и культуре адыгов. К этому делу он хочет привлечь с разных концов мира черкесских историков, лингвистов, этнографов, фольклористов, писателей и поэтов, интересующихся культурой и историей Кавказа.

Если удастся собрать все это, можно будет издавать отдельными книгами на английском, французском, испанском языках лучшие произведения зарубежных черкесов.

«Вот тогда можно говорить о том, что адыгский народ внес свою лепту в мировую культуру. Вот тогда можно с гордостью заявить: я – адыг, – уверен М. Кандур. – Мы дали миру немало людей, которыми можем и должны гордиться, – продолжает он. – Вот взять Юрия Темирканова. Как высоко ценят его в Америке, Европе, Азии. Как я гордился, когда встретил его на гастролях в Лондоне. Это случилось так: мы с Юрой были наслышаны друг о друге, но не были лично знакомы. Както позвонили в мой лондонский дом и сказали: “Говорят от советского посла. Хотели бы услышать голос Мухадина Кандура”.

– Я Мухадин, – отвечаю я. – Что вы хотели?

– Да вот, – отвечают, – с вами желают поговорить...

И тут в телефонной трубке звучит адыгская речь:

– Мухадин, брат мой, как поживаете?

Мое сердце обрадовалось родной речи, но не узнало голоса. Потом оказалось, что это был Юра.

– Где ты находишься? Сейчас приеду за тобой, – сказал я, страшно обрадованный.

Он отказался под тем предлогом, что вечером у него концерт. Я поехал на концерт. Публика была самая избранная – королевская семья, лорды, посланники, государственные служащие. Потом был банкет. Первые мужи Англии, дипломаты иностранных держав чествовали, высоко чтили в этот вечер нашего Темирканова. И хотя мы с ним сидели за одним столом, мы плохо слышали тосты, здравицы в его честь. Мы выкраивали секунды, чтобы поговорить на родном языке, по кото-

рому истосковались оба. Никто не понимал кабардинского, никто не знал даже, на каком языке мы говорим. В конце концов, нас спросили: “Что за диковинный язык?” Мы ответили: “Черкесский”. Они удивились. Все думали, что Юра – русский.

Я “украл” Темирканова у этой высокой компании, и мы всю ночь проговорили у меня дома. И я подумал с болью: “Эх, как же мы пропадаем, адыги. Нас всегда путают с тем народом, рядом с которым живем. наших выдающихся людей, которые живут в Турции, считают турками, на Ближнем Востоке нас принимают за арабов. В России – мы русские, в Америке – американцы”.

И в эту ночь я подумал: надо что-то делать, чтобы объединить наш народ, сплотить его.

Потом, побывав несколько раз в Кабарде, я понял, что начинать надо с тесных культурных контактов».

У меня нет сомнений в том, что талант моего друга Мухадина Кандура будет приумножаться, как и его усилия, направленные на благо своего народа. Свидетельством тому и тот факт, что его трилогия «Кавказ» уже шесть раз выходила на английском и русском языках, увидела она свет и на кабардинском, арабском, турецком, испанском, французском языках. В книжных магазинах Англии и Северного Кавказа продается трилогия М. Кандура «Черкесы», романы «Революция», «Дети диаспоры», «Кабардин», «Тукумбала».

Алина Данилкина дебютирует в жанре прозы. Ей 23 года, ростовчанка, окончила факультет международной журналистики МГИМО, работала в «Российской газете».

ЛЁД ОДИНОКОЙ ПУСТЫНИ

Глава из романа

Спидометр показывал двести шестьдесят километров в час. Мелек по-прежнему была без сознания, однако громко дышала в такт промозглому ветру. По запотевшим от паров виски стёклам мелодично барабанил дождь, который усиливал град, быстро сменяющийся раздробленными хлопьями первого снега. Я поддерживал оркестр непогоды, ритмично смывая позднесенние осадки с лобового стекла. Мне было страшно напугать её, поэтому я спешил, безбашенно превышая допустимую скорость.

Когда мы выехали на трассу, Мелек очнулась. Она не могла понять, где находится, поэтому продолжала молчать. Пока Мелек была в отключке, мне удалось положить ей под язык таблетку сильнодействующего снотворного, купленного для Лизочки, страдающей бессонницей. Поэтому я знал, что бояться она будет недолго.

Полусонная девушка неустанно терла свои глаза, а затем начала говорить по-русски:

– Кто вы? Куда мы едем? Где мой телефон?

– Не переживайте, вы просто потеряли сознание, а я лишь везу вас на осмотр к врачу.

– Ясно, а где мы едем? И почему моего мужа нет рядом? Да и повторю вопрос: кто вы?

– У вас в каждом вопросе по три вопроса. Это забавно, не находите? А супруга во время вашего падения на ноябрьский лёд я, признаться, не заметил. Прошу вас, не нервничайте, я не причиню вам вреда. Обещаю.

На половине последней произнесённой реплики Мелек уснула, что позволило мне ненадолго выдохнуть. Через полчаса мы оказались в Кратове, в том доме, построенном для памяти о Мелек. Там по моему приказу нас уже ждали охранники и престарелая, однако умеющая оберегать молчание врач. Подъехав, я вытащил дрожащими руками Мелек из машины, перед сном которой всё так же безропотно трепетал. Затем я наклонился к ней ближе, однако так и не осмелился

поцеловать её, считая, что вовсе не заслужил прикосновения к её губам, которые по-прежнему пахли бергамотом и перечной мятой.

Я принёс Мелек на безоконный чердак, где доктор быстро принялась осматривать замёрзшую пациентку, грубо разбудив её. Мелек казалась полуживой и забытой. Она сняла с себя пиджак и стала осматривать вены на руках, видимо, полагая, что её накачали наркотиками. Мне было больно видеть её такой, но я не мог вновь попроситься с женщиной, которую так любил. Я знал, что, если бы Мелек понимала, кто её похититель, она бы добровольно уехала со мной в тот дом.

Когда врач и охранники вышли за дверь чердака, Мелек боязливо вжалась в кресло и продолжила говорить:

– Доктор сказала, что со мной всё нормально. Поэтому теперь мне пора домой к мужу. Мы скоро улетаем на родину. Как отсюда уйти?

– Боюсь, я вас похитил, и вы никуда не сможете уйти. Я прошу вас, не нервничайте. Я не маньяк, не убийца и не насильник. Мне лишь взбрело в голову спасти вас от нелюбимого мужчины. Здесь вам понравится, и вы не будете ни в чём нуждаться. Внизу есть бассейн и несколько саун, а снаружи много сосен и фитонцидов. Также у меня в доме огромная библиотека с коллекционными книгами и даже первыми изданиями Островского, Бальзака и Антуана Франсуа Прево. Однако гулять и находиться в других комнатах вы сможете лишь под присмотром охраны.

– Зачем вы мне соврали, что мы едем к врачу? Я даже не знаю слова на русском, которое бы описало ваше поведение. Как можно охарактеризовать человека, который украл девушку и удерживает её?

– Я не солгал ни в одной произнесённой фразе. Мы действительно ехали на осмотр к врачу. Отныне вы будете жить здесь. Повторюсь: я не смогу навредить такой прекрасной девушке. Кстати, вы почти в совершенстве владеете русским. Наверное, учили наш язык в детстве, или же он вам нужен по работе?

– Нет. Я изучаю русский около семи лет. И какое вам дело до моих увлечений? Советую отпустить меня, пока вас не убили люди моего мужа. У него связи по всему миру. Хафиз скоро найдёт меня, и тогда слово «боль» буду произносить я. Вы – глупец, там, на стадионе, повсюду камеры слежения. Увидишь, через час здесь уже будет служба спасения.

– Искренне сомневаюсь в этом. Во-первых, связей и знакомств в этом городе у меня больше, чем у вашего супруга. А во-вторых, дети обычно не сдают своих родителей...

– При чём здесь твои отпрыски?

– При том, что те камеры слежения создал я и все записи сегодняшнего вечера уже удалены... Знаешь, сколько на меня работает хакеров? Больше сотни точно. Поэтому смирись и назови мне своё имя.

– Ты – жалкий убудок, не заслуживающий знать моё имя. Лучше

убей меня прямо здесь. Доплатишь своим охранникам сверхурочные, и они подчистят все следы. Поверь, я знаю, как поступают в вашем мире. Мой брат погиб из-за таких, как ты...

После её уместного сравнения я вспомнил, как убил Метина, её и нас. Мне захотелось отпустить Мелек, и я почти это сделал, как вдруг она стала плакать. Когда мы с Мелек были вместе, мне было всегда невыносимо больно видеть её слезы, поэтому, услышав тихое всхлипывание, я стремглав вылетел из комнаты.

Раздав охране распоряжения, а затем сев в волчок, я поехал в свою квартиру на Патриаршие Пруды. Спустя полтора часа я, наконец, открыл замочную скважину и бесшумно прошёл в прихожую. В кухне сидела Лизочка, медленно распивая коллекционный коньяк.

– Оставил жену одну на бое и испарился. Bravo! – даже не обернувшись, произнесла Элиза.

– Это слово будет доноситься послезавтра к тебе на сцену. Извини, что не предупредил. Возникло срочное дело. Как Славочка, ты прочла ей за меня на ночь сказку?

– Нет, ты же меня не предупредил, что это надо делать. Наверное, Сельви ей сегодня вместо тебя почитала. И хочу напомнить, это твоя обязанность, а не моя. Только ты виновен в том, что ребёнок ходит несчастным.

– А что ты сделала, чтобы она чувствовала себя иначе? Может, отказалась от услуг няни и Сельви, начав самостоятельно заниматься дочерью, или, возможно, хотя бы раз приготовила для неё завтрак? Ты вообще знаешь, как зовут её воспитательницу в садике, какая у неё группа крови, где она прячет свои игрушки, на что у неё аллергия? Ты хоть раз говорила Славке, что любишь её?

– Не следует придавать воспитанию родителей столь значимую роль. Достойного человека вырастит и научит жизнь и, возможно, когда-нибудь даже сможет признаться в любви. Ребёнок не нуждается в советах матери так, как нуждается в уроках жизни. Она будет терпеть, трудиться, плакать, а затем снова терпеть и трудиться без нашей помощи. Это будет лучшим, что мы когда-нибудь сделаем для неё.

– Так поступила с тобой твоя семья. Ты осталась одна, и единственным твоим собеседником и наставником была жизнь. Однако к чему это привело? Перебинтовывать ноги каждый день, стонать от боли в мышцах, жрать мешок таблеток от истерических припадков, не иметь друзей и считать, что это естественно – забыть о пятилетии собственной дочери. Неужели ты желаешь ей такого будущего?

– Сегодня ты не вызовешь мои слёзы наружу. А завтра, которое вот-вот наступит, я проведу в компании министра. Он мой ярый поклонник. Хотя, прости, я забыла, как тебе безразлична.

– Каждый из нас нуждается в любви, однако в любви не каждого

из нас. Мы хотим, чтобы нас любили определённые люди. Я бы смог влюбиться только в светлую девушку, потому что я с детства устал блуждать в бездонной тьме. А ты бы, Лизочка, никогда бы не полюбила бездарного человека, как твой бывший, потому что та самая жизнь, которой ты столь признательна, обделила тебя талантом. Ты ставишь превыше всего одарённость и ищешь это в других. Тот бизнесмен, с которым ты и года не прожила, был зауряден, но он любил все твои недостатки, от которых я всегда буду кривить лицо.

Элиза залпом выпила стакан коньяка и, притворно улыбнувшись, ушла к себе в комнату. Я принял душ и позвонил охранникам, чтобы узнать о душевном состоянии Мелек. Когда мне передали, что она кричала, била в дверь, умоляя выпустить, а затем долго плакала, я почувствовал себя полным уродом. Я собрал вещи, зашёл в комнату Славки, чтобы взглянуть на неё, поменял машину и выехал в Кратово. По дороге я принял решение переехать жить в дом, где запер Мелек, чтобы быть ближе к ней хотя бы несколько мгновений.

Приехав туда, я зашёл в кабинет с рисунками, удостоверившись, что он заперт, а потом поднялся наверх. Постучавшись в дверь Мелек, я получил её лживое разрешение войти. Она сидела сдержанно и беспечно, а затем улыбулась, умышленно пытаюсь скрыть то, как она боялась меня.

Мне было сложно подобрать слова, однако я попытался:

– Я принёс вам семит. Вы, кажется, говорили, что вы из Турции. Его испекла моя помощница по дому, она тоже турчанка. Её зовут Сельви.

– Я не помню, чтобы рассказывала о своей национальности. Но вы ошиблись. Я ненавижу семит. Да и вообще не ем мучного, особенно на ночь...

– А шампанское? Может, вы хотите брют?

– Я не пью алкоголь и никогда им не злоупотребляла. Брют обманчив и даже жесток. Кажется искристым и роскошным, но на самом деле мерзкий и горький, вызывающий наутро головную боль. Лучше отпусти меня поскорее. И выпьешь своё шампанское в одиночестве, которое ты точно заслужил.

– Если мы уже перешли на «ты», может, тогда я вправе узнать твоё имя?

– Откуда в таком человеке, как ты, столько любопытства? Я же не спрашиваю, почему шрам на твоём лице столь огромен?

– На сердце у меня в разы больше и выразительнее, впрочем, ты этого не увидишь. Ложись спать и отдыхай, у тебя переутомление.

Мелек снова начала рыдать, и я вышел из комнаты. Всю ночь я рисовал её запертой в моём доме, а с рассветом самостоятельно отправился готовить завтрак.

Шесть лет назад Мелек любила пить по утрам сваренное мною ба-

нановое какао, но я боялся вновь радовать её этим из-за страха раскрыть мою личность. Дожарив вафли, я достал из морозильника кокосовое мороженое, которое она могла поедать пачками, и, не удержавшись, всё же приготовил любимый напиток Мелек. Затем домработница изящно положила завтрак на латунный поднос, который резко передала одному из охранников. Набравшись смелости забрать еду, я поднялся наверх, без стука открыв дверь на чердак.

– Доброе утро, Мелек. Я принёс тебе вафли и какао, – необдуманно произнёс я.

– Если ты знаешь моё имя, значит, ты украл меня не случайно. Ты хочешь выгадать из моего мужа деньги или, может, мстишь ему за что-то?

– Сферы деятельности и страны проживания у нас вовсе не пересекаются, да и в деньгах какого-то турка я не нуждаюсь. Поэтому вместо изощрённых фантазий лучше съешь завтрак.

– Как можно поглощать такое? Этот напиток отвратительнее, чем сворачивающаяся в нём пенка. Я ненавижу какао, поэтому во избежание рвотных масс поскорее убирайся вместе с этой нелепой кружкой с ангелочками.

– Тебе знакомо ощущение, будто твой собеседник постоянно лжёт? Я его испытываю со вчерашнего дня. Не буду тебе докучать, но прошу тебя, позавтракай.

Мне не хотелось вызывать у прелестной заложницы отвращение, поэтому каждый раз, когда она выгоняла меня, я уходил. Под плёнкой на чердаке были спрятаны музыкальные инструменты, купленные много лет назад в память о Мелек, которой я нарочно ничего не сказал. Я ждал, пока она сама начнёт рыться в чужих вещах и найдёт фортепьяно или редкую позолоченную арфу. Я мечтал вновь услышать, как она чудесно играет, поэтому не переставал вслушиваться в каждый шорох. Но даже в плену Мелек оставалась чище, чем я на свободе. Она не прикоснулась к запylённым инструментам, пока я ей их не показал.

Спустя несколько дней в доме по-прежнему, будто на медленном огне, томилась тишина, однако я не желал заставлять играть Мелек на арфе, считая это более жестоким, чем физическое насилие. Людей искусства нельзя принудить сочинить стихотворение, написать картину или сесть за рояль. Это тяжкое преступление идти против вдохновения, приходящего отнюдь не всегда и, увы, не везде. Если единицам из нас и дарован талант, то нужно беречь и охранять его от сглаза, беды и расчётливого замужества, как дитя. Потому что заставить скрипача сыграть для кучки пьяных уродов, не ведающих, кто такой Яша Хейфец, это сродни тому, как насильно выдать единственную дочь за нелюбимого мужлана. Хотя неужели об этом имеет право рассуждать человек,

убивший брата девушки, а затем похитивший её без разрешения?

Прошло несколько дней. Мелек начала привыкать к моим добровольным жестам и даже составила мне компанию на прогулке по сосновому бору. Она восторженно радовалась снегу, покрывшему деревья, из которых торчали ярко-зелёные, как её глаза, пушистые ветви. Я не заметил, как наш променад пробуждал в Мелек желание общаться, без страха смотря на меня. Мы вновь, как раньше, делились культурологическими идеями, спорили о чистоте слога английских писателей и обсуждали сериалы.

Мелек не рассказывала о личном, да и мне, увы, нечего бы ей было поведать о своём прошлом, врать о котором я больше не собирался. После того как я провожал её до чердака, в моём животе бились бабочки, требующие воли.

Я ловил себя на мысли, что больше не хотел никуда сбегать. Я был готов продать всё, развестись и даже редко видиться со Славочкой, лишь бы жить в этом доме с Мелек. Днём мы кормили под зимним солнцем в лесу белок, а вечером читали новую главу Джойса, обсуждая все невиденные аллюзии и хаос потока сознания. Мелек призналась мне, что на самом деле обожает какао и брют, а я, как робкий мальчишка, радовался тому, что она стала мне открываться.

Спустя неделю я переселил Мелек в комнату, обустроенную специально для неё, исходя из вкусовых предпочтений, которые я успел зафиксировать в памяти шесть лет назад. Я видел счастье в её глазах и неустанно возникающие вопросы: Мелек будто не верила, что незнакомец может знать то, что она любит сатиновые простыни, запах сандала и ловцы снов. В её ванной комнате стоял круглый аквариум, похожий на тот, который она подарила мне на новоселье в Стамбуле, а около умывальной раковины лежало её любимое оливковое мыло. Она не догадывалась, что за чужим голосом и до неузнаваемости прооперированной внешностью стоит та самая первая любовь, истребившая её жизнь. Я не хотел, чтобы она узнала меня, соединив всплывающие детали нашего прошлого, и, к счастью, этого не происходило. Иногда я открывал рот, чесавшийся от желания крикнуть: «Это я!» – но потом его медленно закрывал или воспроизводил пришедшую на ум ерунду. Я знал, что Мелек не даст мне второго шанса, поэтому, имитировав смерть, вытащил карту судьбы другого человека.

Как-то вечером у остывшего камина она стала невзначай расспрашивать обо мне:

– А сколько лет Мцыри? Это твой лучший друг? – без стеснения спросила Мелек.

– Почти семь. Мцыри для меня больше, чем друг. Я украл его, как тебя. И видишь, как мы с ним счастливы...

– А зачем ты его похитил? Впрочем, тебя, наверное, это забавляет.

Может, ты вор в законе? Откуда у тебя такой богатый дом? Я совершенно не знаю, кто ты, но больше меня пугает то, что я хочу.

– Чуть больше шести лет назад я подарил щенка своей бывшей девушке, а когда уходил, она из строптивости и обострённого чувства места решила мне его не отдавать. Мне до сих пор помнится, как Мцыри отчаянно бился за мной в дверь, а я долго плакал и тосковал. Мцыри совсем не привязался к Саломе, считая меня полноправным хозяином или даже отцом. Саломе не желала ухаживать за ним и гулять, поэтому возила к собачьим парикмахерам и платила баснословные деньги за выгул одному флегматичному студенту. Он отпускал Мцыри с поводка и, нужно отметить, этим мне очень помог. Я с лёгкостью заманил Мцыри лишь одним голосом, после чего мы почти никогда не расставались.

– Ты так и не женился на Саломе?

– Нет, я поступил с ней лучше – отпустил. Откровенно полагая, что надо жениться лишь по любви, я не разрушил ей жизнь своим брюзгливым равнодушием. Хотя об этом она, кажется, и мечтала. Но я ошибся, ведь оказалось, что весьма просто быть в браке с нелюбимой женой.

– Ты меня запутал. Получается, ты женился не на Саломе, а на другой женщине?

– Как много вопросов у тебя назрело в голове за восемь дней обитания в доме похитителя. И да, кстати, я не вор в законе. Все деньги я заработал честным путём, программированием и разработкой технологий. Позволь теперь и у тебя спросить. Как вы познакомились с Хафизом?

– Он был другом одного дорогого мне человека, а потом мы поженились. И знаешь, с Хафизом мы по-своему счастливы. Он никогда не докучал мне, правда, я рассорила его с родной сестрой.

– Наверное, она наивно ревновала тебя к брату.

– Она очень любила Хафиза, и, как бы я не осуждала Эсен за сомнительные поступки, я ей обязана. Она спасла мою жизнь.

В тот вечер Мелек созналась мне в том, что пыталась покончить жизнь самоубийством из-за смерти её близкого человека в ночь перед свадьбой, но сестра Хафиза вовремя вытащила из ванны наглотавшуюся снотворного невестку.

Сознавшись и вновь расплакавшись, она уснула, а я вновь захотел сбежать от себя. Окончательно решив отдалиться, я отнёс спящую Мелек в комнату и уехал в Москву. На трассе я набирал скорость, а затем вновь снижал. От отвращения к себе мне хотелось улететь на Марс или хотя бы в кювет, чтобы больше не причинять Мелек боль. Однако, несмотря на все зудящие меланхоличные идеи и две бурлящие в животе бутылки бургундского вина, я трезво ощущал желание развестись с Элизой. Разбудив своего юриста, я попросил его подготовить документы для расторжения брака, который и так заключался лишь на

уставшей древесной целлюлозе. Зайдя в свою комнату, я тут же лег спать, чтобы суметь проснуться до отъезда Лизочки на работу.

Утром меня разбудила Славочка, игриво прыгающая на моей кровати в ярко-оранжевой пижаме, которую я привёз ей несколько месяцев назад из Марокко. Из кухни доносился запах шоколадных блинов, но ни он, ни скачущая возле меня дочь не радовали меня. Я поцеловал Славу и отправился к выходу, возле которого медленно натягивала сапоги на ноги Лиза. Почесав затылок, я разомкнул губы, чтобы развязать диалог о разводе, но струсил. Несмотря на взаимное отсутствие любовных чувств между мной и женой, нужно сказать, что она умела ощущать мои эмоции и предсказывать осуществление потаённых замыслов. Накинув шубу, подаренную мною на ситцевую свадьбу, Элиза выпрямилась и заговорила:

– Ты не ночуешь дома уже почти месяц. Наверное, хочешь развестись, поэтому так рано сегодня встал? – спросила она.

– Зачем ты связала свою жизнь с балетом? С такой интуицией ты могла бы стать посредственным психологом или успешным шарлатаном. Элиза, я подаю на развод, мой юрист с тобой свяжется послезавтра. Тебе достанется миллион долларов по контракту, эта квартира и две машины. Славу я буду всегда финансово поддерживать, чтобы она ни в чём не нуждалась. И развод – это моё окончательное и неоспоримое решение.

– А с чего ты взял, что я буду жить со Славой? Это и твоя дочь, поэтому я думаю, что она может остаться и с тобой.

– Ты никак не прокомментируешь моё желание развестись? И даже не заплачешь и не расстроишься хотя бы для приличия?

– Для счастья мне нужны лишь пуанты, поэтому не разочаровывай меня тривиальностью своих вопросов. Все документы я сразу же пишу.

Признаться, я ожидал иной реакции от женщины, которая, как мне казалось, зависела от меня. Вынашивая идею развода последние недели и предполагая, что Элиза не захочет жить с дочерью после расторжения брака, я успел подготовить детскую комнату для Славки в доме и отдельное здание на участке для прислуг, к которым я уважительно относился, хоть и не считая их членами семьи.

В обед я заехал за морепродуктами в любимую рыбную лавку на Малой Грузинской и отправился назад к Мелек. Мне было трудно держаться на расстоянии, но и приближаться к ней ближе дозволенного я себе тоже не позволял.

Приехав, я пожарил кальмаров, открыл устрицы и сделал пару салатов. Из окна кухни я видел зону бассейна, в котором с головой ныряла Мелек. Она плескалась в голубой воде, как ребёнок, и вовсе не казалась угнетённой заложницей. Затем Мелек, столь напоминающая древнеримскую богиню, посмотрела в панорамное окно на вальсирующий в

воздухе снег и улыбнулась. Я впервые увидел её по-детски счастливой и беззаботной за шесть лет разлуки, и это грело меня в мороз сильнее, чем солнце на Капри прошедшим августом. Затем она медленно вышла из бассейна обнажённой, не стесняясь смущённых охранников, камер видеонаблюдения и прозрачных окон. И это ещё больше обрадовало меня, заставив достать из ящика ямайский ром янтарного цвета.

Мидии кипели в сковородке, порой плеща в меня разгорячённым соком. Но я не хотел пьянеть, потому что давно уже был охмелён Мелек. Навевавшаяся в кухню пленница, облачённая в велюровый халат, стала вытягивать из салата разбухшими от воды пальцами гребешки, а затем взяла грязное от жира кухонное полотенце и так непосредственно вытерла спутанные мокрые волосы. От неё пахло свежестью и сицилийскими апельсинами, и она казалась ещё более магнетической и желанной. Затем Мелек стала смотреть мне прямо в глаза, и, не сумев держать себя в руках, я закрыл дверь в кухню и подошел к ней. Мелек не кричала и даже не сопротивлялась, поэтому, решительно продолжив начатое, я отнёс её в свою спальню. Мне хотелось, чтобы она узнала меня, вспомнила запах моей кожи, но этого не происходило. Отсутствие рассекречивания моей личности заставляло меня думать о том, что Мелек изменила мне же со мной. Возможно, многие обвинили бы меня в раздвоении личности, но, на удивление самому себе, психически я был совершенно здоров.

К вечеру мы допили начатый ром, съели морепродукты и пошли в русскую баню, где я решил попарить турчанку вениками из крапивы и можжевельника. Отпарившись на пихтовом лапнике, мы прыгнули в снежный сугроб, после чего я растёр её лыковой мочалкой, вымоченной в молоке с солью. Сделав медовое обёртывание, я облил Мелек травяным настоем и минеральной водой и, заварив в латунном самоваре иван-чай, помыл ей голову пшеничным пивом. Она выдержала все банные испытания с достоинством, будто в душе поистине хотела считать себя русской.

Вновь облачившись в халат, она выпила чай, закусив баранками с сахарной глазурью, а затем спросила:

– А как ты достал Ногти Ангела в той чаше? Это, кажется, редкий фимиам. У моего знакомого сибиряка была такая же ваза с ониксом.

– Правый фимиам я привёз из Йемена несколько лет назад, а вторую половинку мне подарила моя домработница. Любую редкость при желании можно всегда найти. Это не касается только правды, которую весьма трудно встретить. И кстати, ты ранее не упоминала, что была знакома с кем-то из Сибири.

– Это было давно. И он уже умер.

– Ты любила его? – с дрожью в голосе и ускользящей надеждой спросил я.

– Любила и люблю до сих пор. Но, знаешь, он убил моего брата,

украл вместе с Хафизом у моего отца деньги, трусливо сбежал, а потом и вовсе покончил с собой. Кто знает, какие грехи он ещё совершил. Наверное, его совесть бы не успокоилась, если бы он был жив...

– Что ты имеешь в виду? И я, честно сказать, не понимаю, почему ты вышла замуж за Хафиза, если любила другого, до сих пор помня его?

– Прозвучит жестоко, но в некоторых случаях смерть человека идёт на пользу многим, поэтому хорошо, что Павел умер. Думаю, ему бы сейчас тяжело жилось с грузом прошлых поступков. Когда он уехал из Турции, Хафиз благородно женился на мне, закрыв тёмное пятно моего распутства. И поверь, когда он отыщет меня, ты умрешь так же, как умер Павел. Поэтому можем заказать тебе гроб по душе...

– Женщина ты не великодушная, но, действительно, редкая.

– Любую редкость при желании можно всегда найти. Не так ли, Давид?

Разговор со мной сменил взбодрившееся после бани выражение лица Мелек на уныние, заставив меня вновь увидеть её старые черты и привычки. Невольно вспомнив о содеянном мною, Мелек нахмурилась и, сославшись на внезапно возникшее недомогание, отправилась в свою комнату спать.

Наутро вычурные и гнетущие мысли переливались по извилинам моего мозга, который не мог помочь мне представить будущее без первой любви. Над Подмосковьем пополз вязкий молочный туман, напоминающий тягучестью и густотой нянин кисель, который в детстве она насильно в меня вливала. Я не видел ни высокорослых сосен, ни прячущихся под навесом сизых голубей, ни огромную соседскую дачу незаурядного футболиста из Питера. Точно так же для меня не виднелся дальнейший план действий относительно Мелек. Я гадал, что мне делать: отпустить её, позвонив Хафизу, во всём сознаться, молчать, извиниться или предоставить право выбора. На такие предположения мой внутренний голос не соглашался, будто ожидая невероятного чуда и «эффекта саморассасывания». Спустя несколько утренних часов незатейливых раздумий я отправился на работу, чтобы уладить выскочившие вопросы и, вдохновившись концентрацией гениев в одном офисе, найти решение на главный из них.

Упав в кожаное, продавленное за пять лет кресло, я собрал совещание с заместителями, не переставая думать о Мелек. Весь день я нагружал себя разнородной работой: следил за сотрудниками по камерам, искал новые технологии, появившиеся в мире, рассматривал стартапы для инвестирования, ковырялся в электрической проводке и проверял финансовую отчётность благотворительного фонда. Немного устав к девяти часам, я открыл на ноутбуке срочные новости, среди которых мой глаз подсознательно выхватил слово «балет»... Уснув под ночь в

рабочем кресле, я быстро проснулся от череды телефонных звонков знакомых, партнёров и даже врагов. Недоумевая от внезапного пробуждения, я не стал отвечать и попросил секретаршу сварить мне какао.

Но спустя несколько минут вместо любимой чашки, расписанной специально для меня Славочкой, заплаканная и чуть дрожащая Татьяна вошла ко мне в кабинет с валидолом. Она долго молчала, будто изнутри наглухо затворив рот, а потом показала на компьютере срочную новость о падении балерины Большого театра в оркестровую яму. Пальцы окаменели, и я, не попадая по клавишам, не мог поверить в то, что речь шла о моей жене. Судорожно пролистывая пестрящие заголовки и одновременно прослушивая голосовые сообщения от сочувствующих приятелей, я всё будто не мог поверить в произошедшее. Проверяя тексты авторитетных изданий один за другим, я звонил Лизочке и верил в то, что она возьмёт трубку. Но вместо её истеричного голоса я слышал лишь монотонные гудки. Та слава, о которой Лизочка всегда грезила, наконец, щедро хлынула на неё тогда, когда она совсем не ждала. Если по-настоящему о чём-то мечтать, то, возможно, у задуманного есть шанс сбыться. Но не стоит забывать, что опасаться нужно не только страхов, но и желаний, запрятанных в наших душах где-то по соседству с клаустрофобией или боязнью змей.

Всю ночь, как в незамысловатых трагедиях, я ходил по больничному коридору из стороны в сторону. Врач неумело намекнул мне, что шансов у Лизочки на жизнь мало, но я продолжал крепко верить, что она будет жить. За ночь имя Элизы очутилось на устах всей Москвы: в социальных сетях её преданные подписчики выставляли отрывки многочисленных выступлений, а единственная фотография, на которой она улыбалась, переливалась из одного новостного сайта на другой. Даже в больнице я ненароком услышал детали жестокого дискурса проходящих мимо меня медсестёр. Они поспорили на пятьсот рублей, доживёт ли моя жена до утра. Одна из девушек поставила на предрассветную смерть, другая уверяла, что Элиза умрёт через пару дней. Но прошла неделя, и Лизочку перевели из реанимации в отдельную палату, которую я, подкупив половину медперсонала, украсил плакатами с её изображением, овечками из бордового пластилина, слепленными Славкой в садике, атласными подушками с бахромой и её любимым лимонным деревом в ярко-бирюзовом горшке. К моменту нашей встречи она уже знала и про компрессионный перелом позвоночника, и про тяжёлую травму спинного мозга, и даже про необратимый паралич. Тихо войдя в палату с ощущением внутренней неуютности, я попытался завязать диалог. Элиза молчала, таращась на меня стеклянными глазами, порой отведёнными на стену с фотографией в балетной пачке. Спустя время мы стали говорить о снегопаде, новом ресторане наших друзей и успехах Славки в садике, масштаб которых мне поистине казался вселен-

ским. Затем Элиза протяжно вытянула из лёгких наружу весь углекислый газ, неожиданно спросив:

– Где мне нужно подписать?

– Лиза, я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, – неуверенно уточнил я.

– Ты же пришел, чтобы не затягивать с разводом. Передай, пожалуйста, документы. Я хоть и поломала себя, но ручку, уж поверь, в состоянии держать.

– Ты никогда не будешь ходить, однако сейчас почему-то думаешь о нашем разводе, – бестактно произнёс я.

– Я не смогу танцевать, а это намного трагичнее, чем невозможность передвигаться. Да и к чему унывать? Мне столько людей высказали слова поддержки, что я отнюдь не считаю себя инвалидом. И количество подписчиков у меня теперь почти в два раза больше, чем у примы. Полмира говорит обо мне, а утром на почту даже пришло сообщение из Ла Скала. О большем я не могла и мечтать. Меня узнал почти весь мир. Под окнами дежурят журналисты, вся пресса трещит об этом инциденте.

– А я уже тут надумал, что балет для тебя важнее, чем слава. Но произошедшее – не овации и триумф. Скоро их жалкие посты в соцсетях исчезнут, а потом какой-нибудь народный артист сломает ногу, и про тебя все снова забудут. Известность может миг отвернуться от человека, найдя нового друга. Поэтому сейчас тебе нужно думать лишь о своём здоровье. Я нашёл для тебя несколько реабилитационных центров в Швейцарии и Штатах и даже уже списался с некоторыми врачами.

– Лучше дай мне выделенные для лечения деньги на SMM-специалиста и таргетолога. И ещё я планирую в ближайшее время открыть свою школу балета. Заодно и её распиарим, не зря же я пошла на это... – с улыбкой выболтала она свой секрет.

Оказалось, что Элиза осознанно и умышленно прыгнула в оркестровую яму. Она так хотела стать центром внимания, хоть раз отведя от примы прикованные зрительские взгляды, что была готова попрощаться с жизнью, как Андрей Миронов, на сцене. Ей казалась это романтичным, возвышенным и окутанным символом одарённости. Но, тем не менее, парализованная Лизочка казалась гораздо счастливее, чем раньше. Она не осознавала бремя, которое взяло на себя взлелеянное ею тщеславие под эгидой мечты о славе.

А может, она была готова ради общественного признания отказать от собственных ног, над бездарностью которых порой подшучивали балерины и хореографы. Мне было трудно представить, как здравомыслящий и успешный человек, обладающий всем, чего большинство землян так рьяно желает, может пойти на столь неоправданный риск ради популярности и стоустой молвы?

Презрительное недоумение, бурлящее в моем сознании, навело на меня гнев и тоску. Я перестал сострадать Лизе, начав переживать за Славу. Мне было жаль нашу дочь, так как ни один из её родителей не заслуживал иметь столь светлого ребёнка. В тот день я лишь убедился в том, что Элиза безжалостно выковыряет внутренний стебель неподдельной доброты Славы, но я не мог лишить неразумного инвалида прав на собственное дитя точно так же, как был не в силах заставить дочь уничтожить неразрывную связь с матерью. Мне было стыдно за необратимое чувство сожаления, что Славу родила Элиза, а не Мелек, которая, к слову, вновь стала ненавидеть меня из-за всплывшей правды про жену и ребёнка.

Заехав в турецкую лавку после больницы, я купил Мелек медовые сладости, татлысы из айвы и тыквы, кюнефе с козьим сыром и пишмание, напоминающий по вкусу знакомую нам с детства сладкую вату. Приехав в Кратово, я услышал, как Мелек играет на арфе мелодию, написанную у берега моря в Стамбуле специально для меня. Своей игрой она будто безутешно скорбела по мне, чтя бережно хранимую память нашего общего прошлого, о котором я боялся задавать ей вопросы. Я видел, как она скучает по Павлу, но что-то мешало мне сознаться в том, что я и есть он.

К вечеру похолодало: ветер бесцеремонно задувал в оконные скважины и даже разожжённый в гостинной камин; шерстяные носки и глинтвейн с клюквой и чёрной смородиной не спасали от ощущения ледящего кровь замка.

Внезапно послышался звук включённых полицейских мигалок, на который я не обратил должного внимания. Спустя несколько минут мой дом окружила полиция, положившая на пол охранников и кухарку. Прижавшись к моей руке, Мелек тряслась, пока не увидела вошедшего в дом Хафиза, около которого стоял одетый в приталенный бронезилет представитель закона. Он нацепил на меня оцинкованные наручники и сказал:

– Давид Кришан, вы арестованы за похищение человека и незаконное лишение его свободы.

***

Обняв Мелек исступлённым взглядом, я направился к выходу, как вдруг турчанка оттолкнула от себя собственного мужа и стала кричать:

– Давид не похищал меня. Я давно хотела уйти от Хафиза, но не решалась это сделать на родине из-за уважения к нему. Дело в том, что я влюбилась в Давида с первого взгляда, тогда на бое. Мы сразу же прониклись друг к другу симпатией и решили жить вместе вдали от города и людей, ведь Давид, как и я, находится в браке. Выбросив телефон, я надеялась, что Хафиз догадается о моем намерении разойтись, но, види-

мо, как любящий муж он подумал иное. Прошу прощения, уважаемые полицейские, за ложный вызов.

– Но почему тогда в доме несколько вооружённых охранников?

– Я весьма богат и успешен, а мой бизнес уже около пяти лет является сладкой приманкой для многих, поэтому я позволяю себе оплачивать личную охрану, – бесчестно оправдался я.

Хафиз ещё около десяти минут старался убедить полицейских в том, что я, несомненно, виновен. Однако всем в доме казались бессмысленными обвинения приезжего турка, который на самом деле был прав. Когда полиция уехала, лекарь постарался насильно забрать Мелек с собой, но она вяло отталкивала мужа, а затем, что-то шепнув на ухо, и вовсе попросила уйти. Хафиз яростно смотрел на меня, стараясь взглядом повелевать моими решениями. Молча сверля, он будто внушал мне необходимость заставить Мелек вернуться с ним в Турцию, однако он не догадывался, что у меня давно сформировался иммунитет к его угнетающей энергии.

Оставшись наедине с Мелек и расплываясь в лаве мнимой эйфории, я стал делиться с ней пришедшими в голову идеями. Пока Мелек молчала, я строил планы полететь с ней в Лондон, а затем в Ирландию, устроить свадьбу на озере Комо, после чего обустроить детскую комнату для второго ребёнка. Мелек растерянно улыбалась, но по-прежнему ничего не произносила вслух. С утра она приготовила завтрак и попросила у меня разрешения отправиться в Москву за покупками без охраны. Влюблённо согласившись, я протянул деньги, от которых Мелек, в свойственной себе горделивой манере, отказалась, а потом сморщилась и, прикоснувшись губами к моему лбу, отдала послание, на котором было написано время прочтения.

Когда Мелек уехала, я ждал положенные три часа, чтобы раскрыть конверт и, наконец, узнать о её чувствах ко мне. Выпив бренди в приподнятом настроении, я поиграл с охранником на бильярде и, уединившись в рабочем кабинете, начал читать письмо.

«Не стану с тобой здороваться, ведь я собралась прощаться. Ты, наверное, думал, что я тебя не узнаю, и поэтому, как всегда, оказался прав. Я бы продолжала тебя считать незнакомцем, если бы не заметила в твоём доме Ногти Ангела, тот самый фимиам, который мы покупали вместе в Стамбуле. Все шесть лет твоего отсутствия я жила с Хафизом в идеальной до жути, нервирующей стабильности, монотонно укоряя себя за то, что ты покончил с собой. Я не видела тебя в толпе, нигде не ощущала твой запах, вспоминала не каждый день, однако всё же сумела простить за то, что ты выстрелил в сердце моего брата, попав в моё. Я выучила русский язык, чтобы читать оставленные тобой потёртые книги с замятыми страницами. Говорят, интуиция любящей женщины не подводит. Но моя интуиция навязчиво твердила мне, что ты мёртв,

возможно, потому что от тебя прошлого совершенно ничего не осталось. А теперь я даже не знаю, кого на этот раз выбрало бьющееся внутри существо из твоих ускользающих внутренних «я». И хоть забыть мы друг друга не сможем, нам не следует больше встречаться. Я останусь со своим мужем, продолжив жизнь без похищений, тайн и убийств, а ты вернёшься к жене, чтобы вырастить ребёнка без травм, бед и уныния. Пусть от меня останутся те картины, спрятанные в запертой комнате, о которой никто, кроме тебя, правда, и не знал. И чтобы тебе ни говорило твоё новое отражение в зеркале, верь, что я тебя не люблю».

Я не ожидал того, что Мелек так спокойно и непринуждённо уйдёт. Мне верилось, что мы, наконец, сможем быть вместе, воспитывать Славу, рожать детей, пить банановое какао по утрам, а вечерами смотреть комедии. Жалел ли я о том, что украл её? Нет, ведь спустя шесть лет многолюдного одиночества я испытал то, о чем сочиняют поэты и мечтают девушки перед сном. Мне пришлось смириться с решением Мелек и, перестав жить, начать снова существовать.

После прочтения прощального письма, я поехал в больницу к Элизе, которая вдруг осознала серьёзность случившегося. Увидев меня, она едва заметно вытерла слёзы шёлковым бирюзовым платком и начала говорить:

– Как прекрасно, что ты пришел. Я кое в чём должна признаться тебе.

– Если ты передумала разводиться, то нет смысла вести любовные беседы. Я буду всегда заботиться о тебе, но вместе жить мы больше не сможем.

– Речь пойдёт о нашем ребёнке. Слава – не твоя дочь... – Сказав последнюю фразу, Элиза вновь разревелась.

В тот момент я почувствовал, как будто за все содеянные грехи жизнь снова дала мне под дых. Тот день забрал у меня не только любимую женщину, но и не менее любимую дочь.

В каждом движении Славки я искал себя, наверное, потому что желал найти. Я верил в то, что она взяла лишь лучшее от меня и своей матери, но она была столь добра и честна лишь потому, что не являлась отродьем чудовищ в человеческом воплощении. Заплакав в унисон с Элизой, я присел на кушетку и продолжил слушать исповедь парализованной балерины.

– Ты, как всегда, был в отъезде, а я выбирала вязаные пинетки для малыша. Пока ты колесил на сафари в Африке, на восьмом месяце в Москве я чуть не потеряла ребёнка. Но в тот день ты не позвонил, не было звонка и на следующий. Мне хотелось признаться, однако я не позволила своей совести, вспомнив, что за рождение ребёнка ты должен был купить мне место примы в Большом. Я легла в роддом, затем

родила, но взглянув на ребёнка, осознала его ничтожность, граничащую с абсолютной бездарностью.

– Ты же сказала, что Слава – не наша дочь. Но где тогда наш биологический ребёнок? Или же он умер? – дрожащим голосом вымолвил я.

– Во время беременности, если ты помнишь, я сходила с ума от безделья и обострённого ощущения себя бесполезным трутнем. Когда меня пригласили преподавать в академию, я сразу же согласилась. В группе была одна очень талантливая девушка, выполнявшая в свои девятнадцать завораживающие арабески, но потом, спустя месяц моего преподавания, она внезапно пропала. Через пару недель я увидела её рыдающей около деканата, со слегка округлившимся животом. Оказалось, что она была дочкой бедного деревенского священника, запретившего ей делать аборт. Но девушка осознавала свою танцевальную уникальность, поэтому не могла вернуться к коровам и сему вместе с ребёнком, напрочь забыв о карьере. Я поддержала, а после родов, увидев того вылезшего из меня тщедушного, хилого окровавленного ребёнка, я решила воспользоваться твоим отсутствием и сдать его в детский дом. За сумму в шесть нулей я купила у той юной студентки нашу Славочку, желая каждый день прикасаться к частице Бога, оставленной на земле. И поверь, мне было совершенно нетрудно сдать нашего мальчишку в приют, ведь я знала, что Слава хотя бы наполовину будет состоять из одарённой балерины, а не такой посредственности, как я. Я готова навсегда отдать тебе Славу, однако только если ты заставишь её надеть пуанты. Переданный ею от матери дар не должен прозябнуть в холодном офисе, пахнущем застывшим клеем и горелыми проводами.

На протяжении недели я старался по разбросанным московским связям отыскать своего ребёнка в разных детских домах. Поднял все знакомства, но мне ничего не удалось.

Я сердился на Элизу за то, что она не помнила или вовсе делала вид, что забыла, где находится тот дом малютки. В конце месяца я заказал личный борт для перевозки Лизочки в швейцарскую клинику. Попрощавшись около терминала, Славка достала из шерстяной варежки тёплую ручку и подарила Элизе сплетённые для неё бусы. А спустя пару часов мне позвонили из авиакомпании и сказали, что в полёте у Лизочки оторвался тромб, и она умерла. Славка так надрывно плакала, стоя на коленях перед иконами в нашей комнате. Пятилетняя девочка, которая, как многие думали, легко перенесёт трагедию в столь раннем возрасте, верила в Бога, но совершенно отказывалась принимать то, что она больше никого не назовёт мамой. Она не озлобилась на весь мир, однако начала, не скрывая, завидовать дочке домработницы Сельви, у которой была мать, в отличие от неё. В комодке Элизы я нашёл сотни непрочитанных писем из её родного

села, от отца и матери, с которыми мне, наконец, удалось познакомиться на похоронах. Несмотря на всю простоту, они оказались глубоко мыслящими и сострадающими людьми, у которых, как казалось, отняли гораздо больше, чем кров или жизнь. Она прятала родителей, от которых появилась на свет, и также скрывала про тромб, затихший в её голове ещё задолго до нашего знакомства, от которого и погибла в воздухе. Всё, что мы отводим от всеобщего обозрения, способно как породить нас, так и уничтожить. И в тех жутких днях, от которых я до сих пор желаю отмыться, мне удалось, наконец, осознать, что надо радушно и гордо принимать любую правду, от которой многие глупцы, как я, убегают.

Родители любили Элизу, которая прятала их от застрявшего в юности стеснения, поэтому я решил подарить им квартиру на Патриарших и выплачивать ежемесячное содержание.

Они мечтали вырастить Славку, и в этом я не мог отказать двум потерявшим единственную дочь людям. Они не подозревали, что их истинный внук скитается в одном из детских домов, пока они случайно называют именем умершей дочери внучку.

Отдав Славку бабушке и дедушке, я сел в свой самолёт и улетел в Стамбул. По прилёте я налегке отправился в полицейский участок и признался, что много лет назад убил Метина Кая...

СЕРДЕЧНЫЕ ДЕЛА

Рассказ

Человек, которого долгое время сопровождает врожденная или приобретенная болезнь, в какой-то мере становится недипломированным врачом, даже неплохим. Я сужу по себе, и считаю себя уже почти знатоком сердечных дел. Имею в виду сердечные болезни, а не глубокие чувства, возникающие между влюбленными божественными созданиями, для которых весь мир, вся вселенная – рай, где нет ни пошлости, ни подлости, ни ошибок природы, где все чувствуют себя превосходно и живут в гармонии с законами Всевышнего.

Я – врач. Врач – кардиолог. Без образования и практики. Хотя, я думаю, прошел практику... И какою!..

Меня лечили образованнейшие, с ученой степенью, врачи. Они ставили диагноз, проводили различные процедуры, изучали мое состояние и динамику восстановления организма. Благодаря им, теперь я знаю симптомы некоторых сердечных приступов, включая аритмию, повышение или понижение артериального давления и других сопутствующих недугов. Даже знаю предназначение многочисленных лекарств, дозы и порядок их применения в тех или иных случаях. Как однажды выразился мой друг, талантливый юморист Мурадин Думан: «Я – сердечный парень». Правда, это он о себе так сказал, когда оказался на койке кардиологического Центра города Нальчика.

В общем, сердечные дела... В данном случае – чисто медицинское свойства. И, надо признать, что они коварны и безжалостны. Они косят людей, невзирая на возраст, порядочность, материальные возможности, должность... Эти сердечные болезни – враг всего человечества.

Есть и другие сердечные дела, о которых мы вначале вскользь упоминали – параллельный мир сердечных чувств. Чувств тепла, радости, волнения, притяжения, любви, вечной душевной привязанности к единственно избранному человеку, доброе отношение к окружающим, близким людям, обществу... И счастье, о котором мечтает каждый разумный человек там, в этой скромной сердечности. Люди встречают рассвет, провожают закат, дети играют во дворе, на улице, у речки, а старики сидят за столиком-треногой и ведут спокойный монотонный разговор о прошлом и

настоящем, оставаясь живым примером для будущих поколений. Гармония с природой и уверенность в завтрашнем дне придает им сил. Сердце радуется и стучит равномерно. Это и есть человеческое Счастье!..

Но не все вечно! Даже самые крепкие скалы со временем начинают разрушаться. Если со скалы посыпался песок, это сигнал о начале конца. Вроде мелочи... Песочек... Но с мелочи начинаются глобальные перемены. Под воздействием посторонних сил – ручейков, льда, землетрясений, рано или поздно разрушится каменная глыба.

В сердечных делах происходит что-то подобное. Как только появляется маленькая тревога, она усиливается до бесконечности и сердце начинает неудержимо волноваться, учащенно стучать и побаливать. Боль усиливается и приобретает такую мощь, что, кажется, будто страшная болезнь подкралась, и грудь царапают невидимые тигриные когти. Хотя и к этой болезни сердца медицина не имеет никакого отношения. На этот раз болит не только сердце, но и ноет душа, словно в теле ей тесно, неудобно и нет покоя. И пилюльки с уколами вряд ли смогут восстановить полноценную работу сбившегося с привычного ритма сердца. Сомнения, неуверенность, нежелание двинуться с места, нарастающая грусть, разочарование, хаотичное и предательское бегство надежды и ускользающие цели жизни... Все, что в этой вечной жизненной неразберихе было твоей надежной опорой, рушится на глазах, сыпется в прах, оставляя тебя наедине с неизвестностью. Они не подвластны логическому мышлению, установленному порядку разума. Где промахнулся или произвел непоправимый холостой выстрел?..

Сердце болит. Снова приступ. «Скорая» спешит, раздвигая редкие пробки на улицах маленького провинциального города. Спешит в надежде спасти человека, не догадываясь, что медицина здесь не при чем. Да, конечно. Тело поддается лечению. Но как быть с душой, которой в теле стало тесно, неудобно, некомфортно? Никакими медицинскими препаратами и инструментами невозможно успокоить душу. Только... Да, только твердая Вера способна на это! Вера во Всевышнего, Вера в Природу, Вера в Себя!..

Мы сами себя не создали и не наделили себя разумом. Мы даже не знаем своего предназначения, хотя священных писаний на эту тему много и есть различные трактовки. Тем не менее, мы слепы, мы невежественны. Иначе мы знали бы, в какую сторону нам двигаться уверенно. Не было бы войн, предательства, низменных чувств и мелкопакостных людей, способных за один сытный обед и телесное удовольствие предать человечность и продать душу дьяволу. И не было бы сердечных проблем, где даже современная медицина бессильна. Мы сумели бы научиться по-настоящему любить Природу, ибо Она тоже создана Тем же, Кем и мы – не совсем разумные божьи творения. Наше единство с окружающим миром мы осознали бы в полной мере, и это дало бы нам возможность не заниматься

самоуничтожением, а помогло бы найти самый приемлемый путь для дальнейшего существования как человечество.

Имея убежденную твердую Веру во Всевышнего и Природу, мы лучше и легче поняли бы и свое предназначение, свое божественное происхождение, свою ответственность перед Всевышним, Природой и самим собой. Значит, тогда не было бы и сердечных болезней, не слышали бы воя «Скорой помощи», прорывающейся сквозь пробки и заторы на улицах городов... Но поэтов, пишущих лирические – любовные, чувственные стихи, стало бы меньше. Мне так кажется.

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЛОСА

Юмористический рассказ

С давних пор расположены по соседству два населенных пункта: казачья станица и черкесский аул. В первой половине прошлого столетия, когда помещики и так называемые зажиточные крестьяне лишились своих земель, затем всего имущества, родных мест, а многие даже жизни, когда начали создавать колхозы и совхозы, и началась эта история. Она длилась почти век, и никто не обращал особого внимания на то, почему она возникла и оставалась нерешенной.

Так случилось, что в те далекие годы, когда земли делили между колхозами и совхозами, на отмеченной границе полей казаков и полей черкесов посадили лесополосу. Но кто-то, то ли черкес, то ли казак, пожаловался в обком партии на то, что люди, которые занимались обменом площадей и установкой межевых знаков, допустили ошибку в пользу соседнего колхоза. Приехала другая группа, обмерила площади полей и тоже посадила новую лесополосу в виде границы между двумя колхозами. Но она отстояла от первой примерно на пятьсот метров. А споры набирали обороты и усиливались. Одна сторона при посадке первой полосы, к которой отходило больше земли, говорила, что надо ориентироваться на первую. А вторая сторона, естественно, твердила, что вторая лесополоса является справедливо восстановленной границей, честно замеренной и выставленной.

Черкесы, живущие в ауле, недовольные версией казаков, начали шептаться о том, что таким образом их земли отдают казакам. И казаки, в свою очередь, тоже подозревали черкесов в присвоении их земель. И, что самое интересное, и первая, и вторая лесополосы радостно вжились в плодородную землю и росли, как говорится, не по дням, а по часам. То есть двойная граница в виде лесополос еще больше провоцировала на сплетни и споры трудящихся аула и станицы.

Как помнит старшее поколение, при советской власти планирова-

ли все, начиная от приплода в животноводческих фермах, заканчивая соцобязательством «пожарников». Есть же старый анекдот, как один руководитель противопожарной службы объявил о планах своего подразделения: «В прошлом году потушили десять пожаров, а в этом году обязуемся потушить двадцать!»

Примерно в таком же духе составляли план весеннего посева в хозяйствах аула и станицы. И пограничные поля у них, видимо, в конце оставались по плану. Потому, будто договорились, почти поочередно, в один год черкесы, в другой – казаки, полукилометровую зону пахали, сеяли, пололи, но, как обычно, убирали, можно сказать, совместно. Кто сколько сможет или успеет. Другими словами, любой колхозник, казак или черкес, уходя с поля, обязательно что-то закинет в свой транспорт. Ну хотя бы чтобы порожняком не возвращаться домой. Так вот. Каждый казак или черкес, который находился поблизости от спорного участка, считал нужным заехать туда и набрать хотя бы полмешка того, что там выросло: картошки, кукурузы или свеклы с капустой. Если нечего брать, то накосят свежей травы и отвезут домой буренке.

И так часто менялись объездчики, сторожа, что их всерьез не воспринимали. В прошлом году был черкес Бадыноко, а в этом году почему-то казак Петр. Почти никто на их замечания не реагировал. Ведь считали это поле между двумя лесополосами общим, нейтральным, даже ничейным. Раз общий, значит ничейный.

Время шло. Наступили перемены в обществе, последовал развал великой державы – СССР. К сожалению, не безболезненно. Мы помним, как внутри новой страны начались перемены в системе собственности. Начали в ускоренном темпе переучивать население к тому, от чего отучали более семидесяти лет – к частной собственности. А люди то не все были готовы к таким переменам. Особенно потомки тех, которые были раскулачены, затем объявлены врагами народа, высланы из родных мест или расстреляны.

Пока большинство из них относилось к переменам с недоверием и держало выжидательную позицию, имеющие властную тыловую поддержку шустрики пошли вперед. А что им терять-то? Получится – хорошо! Не получится – ничего страшного, дядя поможет! И хозяйства, оказавшиеся в их руках, стали уходить в прошлое. Колхозы и совхозы были разграблены, а техника разобрана и продана в виде металлолома. Стало невозможно и некому обрабатывать огромные сельскохозяйственные угодья станичников и аульчан. Распродали даже общественный скот, и редко кто уже держал у себя в личном приусадебном хозяйстве коров. Поэтому поля, заросшие травой, стали ненужными даже для сенокоса. Если до этого для заготовки сена людям приходилось использовать непригодные для техники места, косили на склонах, то настали времена, когда равнинные места стали ненужными. Даже перестали в населен-

ных пунктах нанимать пастухов для общественного скота. Выпускают своих коров, у кого они остались, прямо за аул или за станицу, а там они сами пасутся и никому не мешают. Не топчут же чей-то урожай! Везде трава. Но в те времена активными стали те, которые промышляли на краже скота.

При таких обстоятельствах, естественно, участок земли между двумя лесополосами на границе полей аула и станицы остался тоже никому не нужным. Но на этом участке земли, у реки Малый Зеленчук, где есть созданное природой красивое местечко, так сказать, на общей, ничейной или нейтральной зоне, часто можно было увидеть отдыхающих – то казаков, то черкесов, то черкесов с казаками вместе. Так, подальше от дома, на шашлык, на девственную природу. Да-да, там и следа не осталось от прошлых полевых работ, все поле заросло, не заметишь никакого вмешательства человека.

На этом месте как-то встретились давно знакомые казаки и черкесы, даже старые кунаки. Они часто объединяли свои импровизированные столы и гуляли долго. Дольше, чем если бы сидели за разными столами. Потому что общие воспоминания о работе в колхозе, а затем в совхозе, общих заботах и делах давали повод для долгих задушевных разговоров.

Они при таких встречах постоянно вспоминали об этом участке земли и о спорах по поводу его принадлежности. Вспоминали со смехом, иронией и заканчивали разговор выводом: казаки говорили, что это черкесский участок, а черкесы наоборот – настойчиво утверждали, что он принадлежит казакам. Если раньше каждая сторона с горячностью настаивала: «Это наш участок!», теперь каждая сторона твердила: «Это ваш участок!».

Так продолжалось до недавнего времени, когда потомки «кулаков» наконец-то осознали, что не будет новой волны раскулачивания и репрессий, и стали всерьез поворачиваться лицом к сельскому хозяйству.

Данный участок достался двум фермерам: казаку и черкесу. Ими оказались молодые люди, чьи отцы, в свою очередь, всю жизнь занимались выращиванием хлеба. И этим фермерам, конечно же, была известна история участка земли между двумя лесополосами. Кто об этом не знал и не знает?! Вот они, молодые ребята, встретились в живописном местечке, на берегу реки Малый Зеленчук, ставшем излюбленным местом отдыха, накрыли общий стол для своих друзей и решили поделить общее, или нейтральное, поле поровну и на этом поставить точку в этой истории.

«В России много земли – и нам, и будущим поколениям ее хватит. Поэтому будем кунаками и добрыми соседями. Пусть так будет и впредь! А это прекрасное, самой природой созданное место на берегу реки Малый Зеленчук пусть станет местом встречи разных людей с добрыми намерениями и стремлениями!» – сказали друг другу молодые предприниматели. Так закончилась история о нейтральной, ничейной, общей полосе.

Аскер ДОДУЕВ,
главный редактор журнала «Минги Тау»

ОГОНЬ В КУЗНИЦЕ

Салих Гуртуев – особенный поэт. Он всегда в движении, вдохновенный, собранный, с кипучей натурой, тяготеющий к общественной работе. Его особенность заключается в том, что у него есть свой коридор и своя высота полёта, где он даже краем своего орлиного крыла не задевает чужие просторы и не заходит в чужие плоскости. Его волнуют проблемы сегодняшнего дня, он в большей степени пишет на злобу дня, без злобы и ожесточения. Хотя поэт видел много горя и страданий.

С. С. Гуртуев

Отец, Султанбек, политрук гвардейского полка, в 1944 году погиб на фронте. В том же году его семья – мать, жена и четверо малолетних детей были насильственно переселены в Среднюю Азию, где от холода и голода погибли сестра, брат и бабушка Салиха. Обиды, горе и перенесённые муки в изгнании не сделали его чёрствым и близоруким. Салих Султанбекович вырос настоящим поэтом добра и милосердия. Его слова, сказанные своему народу, можно целиком и полностью отнести ему самому:

*...Но, как ни тяжёк был его удел,
Он выжил и душой не оскудел.
Высок над ним и светел небосвод...*

А это строфа из другого стихотворения:

*В горчайших бесконечных поездах,
Где каждый – горя общего частица,
Всё было – и неверие, и страх,
Лишь злобою не искажались лица.*

Салиху Гуртуеву хорошо известно, что Родина и власть – это разные вещи. Поэтому он правильно заметил, «что зла не держал на Родину, народ – ведь Родина ни в чем не виновата. И что не знает жизнь опасней ничего всевластья человека одного».

Поколение Салиха Гуртуева – это дети, обездоленные войной, мальчишками и девочками познавшие проклятье зла, ссылку в чу-

жие неведомые края и выжившие на свой страх и риск. Выжившие для продолжения жизни. Откуда находились силы?! В первую очередь от любви и веры Родине, от любви и веры в человека.

*От рассвета жизнь идёт к закату
Беспокойства в мире – через край...
Человек, не делай больно брату
И в обиду брата не давай.*

В одном из стихотворений Салих говорит:

*«Я жив – покуда жив язык родной,
Полк не погиб, пока сохранны знамя...»*

К родному языку у Салиха Гуртуева, можно сказать, негасимая, ревностная любовь. И она уже давно приносит свои плоды. Он снискал себе славу видного переводчика мировой и русской классики на балкарский язык. Он также переводит лучшие образцы художественного слова писателей и поэтов кавказских народов.

В 2008 году литературно-художественный и общественно-публицистический журнал «Минги Тау», выходящий на балкарском языке, опубликовал знаменитый роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в переводе Салиха Гуртуева. Среди мастеров перевода он сегодня является непревзойдённым, а это – благодаря его неустойчивости и ответственности за начатое дело.

Вспоминается передача Центрального телевидения «Самые знаменательные события 1981 года» с участием Алексея Суркова, Григола Абашидзе, Имрана Касумова и Кайсына Кулиева. Когда Алексей Александрович спросил у Кайсына, что для него было самым значительным событием в минувшем году, он ответил: «Для меня самым значительным событием стало то, что мой молодой сородич, мой племянник Салих Гуртуев закончил перевод на мой родной балкарский язык великой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Я её прочитал основательно в Доме творчества в Дубултах, куда я забрал этот перевод в рукописи. При всей моей пристрастности, я смог сделать только одну поправку. Об этом я уже сказал переводчику. Перевод замечательный. Это не только культурное событие для моего народа, это ещё и показатель высокого уровня развития моей литературы, нашего балкарского языка. Я благодарен моему младшему собрату за это».

Салих вырос из боли и врос в самую жизнь. Это дорога истинных поэтов, одаренных энергией и талантом сокрушать любые трудности. В кузнице поэта огонь горит ярче...

2008 г.

Зейтун ТОЛГУРОВ,
доктор филологических наук, профессор

СВЕТ НАД ОТРОГАМИ

Человеку, ступившему на литературную стезю, не стоит рассчитывать на легкую жизнь. Его труд сравним с трудом хлебороба, вспахивающего целину и засевающего ее. Но далеко не все читатели понимают это. Да и известность к талантливому человеку, денно и ночью старающемуся посеять зерна добра в человеческих сердцах, часто приходит с запозданием. Особенно, если поэт творит не ради славы.

Сегодня очевидно, что на литературном небосводе появилось сразу несколько имён балкарских поэтов, наполняющих наши сердца гордостью; поэтов, сохраняющих и развивающих уже сложившиеся этнические традиции. И это не может не радовать.

Один из них – Салих Султанбекович Гуртуев. Стихотворец, видящий свое призвание в служении родному народу, живущий его интересами. С его произведениями хорошо знакомы читатели всего Северного Кавказа.

Поэзию Салиха Гуртуева отличает широта взгляда на жизнь, в ней чувствуется дыхание родной культуры. За строками его стихотворений мы видим человека, шагающего в ногу со временем, поэта-философа, который не боится затрагивать самые острые вопросы.

Произведения Гуртуева отличает национальный колорит и оригинальность мышления. Это чувствуется как в его четверостишиях, так и в больших стихотворных формах.

Салих Гуртуев никогда не кривит душой, все, что он говорит, идет от сердца. Поэтому строки поэта греют читателей, даже когда он повествует о вещах совсем не радостных. Отметим, что обновление национальных литератур связано совсем не с новизной тематики – этому способствуют божий дар, наличие у художника своего взгляда на мир, любовь к родной земле, ее природе.

Так, вряд ли найдется в нашей литературе поэт, который не обращался бы к образу камня. Не является исключением и Салих. Эмблематика камня в его творчестве выглядит так: «пожелтевший камень», «гранит-

С Эльдаром Гуртуевым

ный камень», «обгорелый камень», «заостренный камень», «камень, обкатанный веками», «нагретый солнцем камень во дворе».

Естественно, это нужно поэту не просто для того, чтобы показать особенности ландшафта родной земли. Каждый из этих камней имеет своё символическое значение, а их совокупность создает яркий образ родины. В поэтике Гуртуева мир камней тесно связан с миром людей. По его мнению, камни родной земли способны так же, как и люди, страдать, любить.

*Я никому не могу рассказать о том, что меня мучает,
Но об этом ведают воздух, небо, земля...¹*

Одному из своих сборников поэт дал название «Ныхытла» («Кряжи»-«Отроги») – в концептуальном плане, во многом, это программные тексты. Морально-этическая канва их прозрачна и не допускает альтернативных толкований. Дорога жизни, по мнению поэта – крутая каменная узкая тропа, ведущая к белоснежной вершине горы. Покорить ее можно, только пройдя долгий путь, преодолев множество препятствий. Лишь таким образом личность может достичь своей мечты. И если сейчас его жизнь светла и радостна, значит, он справился со всеми трудностями, не сдался. Более того, он понимает, что впереди его ждут новые испытания, он готов к ним. Только такой человек способен ощутить полноту счастья.

Название сборника имеет прямое отношение и к собственному творческому пути поэта. Каждая его новая книга – очередной шаг к вершине, к очередной победе.

В 1980-1990 годы в балкарской поэзии появились новые эмоционально-нравственные направления и смысловые пласты. Связано это было с тем, что планы изменений жизни народа, равно как и надежды на кардинальные реформы общественного бытия, утверждения о братстве, звучавшие десятилетиями, превратились в пустые слова. Конечно же, это не могло не отразиться на тональности произведений балкарских литераторов, стихотворения минорной тональности заняли прочное место в общем потоке национальной поэзии...

Однако это нельзя назвать негативным явлением, наоборот, изменения свидетельствовали о трезвой оценке явлений современности. Время требовало отказа от лицемерия, недосказанности и неоправданного оптимизма, которые, надо признать, долгое время доминировали в пафосной системе литератур народов СССР. Более того, стихи минорного, критического строя легче находили отклик у читателя, проникали в его сердце, заставляли задуматься. Это было особенно важно в

---

¹ Здесь и далее – подстрочный перевод с балкарского языка.

момент, когда балкарский народ находился на распутье, а его представители, способные повлиять на развитие событий, действовали исключительно в собственных интересах. «Все кому не лень, замахиваются на нас», – с горечью констатирует лирический герой поэта.

*С коллективом редакции газеты
"Коммунизмге жол", 1960-е*

Конечно же, скорбью пропитаны и стихотворения Гуртуева, связанные с насильственной депортацией, последствия которой сказываются по сей день. Он, как настоящий поэт, не может не задумываться, почему так происходит. Но в этом деле недопустима поспешность, нельзя делать скоропалительные выводы. Этому балкарский народ научила сама жизнь, хотя читателю вполне понятен вопрос, мучающий художника: «Настанет ли день, когда народ вздохнет с облегчением?».

Гуртуев понимает, что в жизни больше отравы, чем меда. Но наличие больших проблем в жизни родного народа он не воспринимает как повод для уныния.

*Я вспоминаю об этом, когда идут бесконечные дожди,
Когда гляжу на золу в очаге.
Когда мой ребенок подходит ко мне,
Я говорю: «О Аллах, храни его от бед!»*

И как бы ни тяжела была жизнь, Салих верно понимает свой долг поэта: дружба, братство, взаимопомощь остаются его основными темами.

Можно уверенно утверждать, что Салих Гуртуев внес вклад в развитие всех литературных жанров и форм. Из-под его пера вышли четверостишия, баллады, сонеты, драматические произведения, критические и научные статьи, очерки, воспоминания. А его поэмы «Лесник», «Четыре яблони», «Алим Байсултанов», «Чеченская война», которым поэт придавал особое значение, можно назвать в числе самых ярких страниц в балкарской поэзии. В них освещен исторический путь народа, отражены его думы и чаяния. Вне всякого сомнения, Салих Гуртуев, оглядываясь на ту часть пути, что уже пройдена им, может быть вполне доволен собой.

Литература – один из самых важных видов искусства. Она будит общественное сознание, способствует духовному развитию народа.

С семьёй

И счастлив творец, смогший внести свою лепту в это благородное дело.

В современном мире небывальными темпами развивается техника, жизнь меняется с невиданной доселе скоростью. Это сказывается и на развитии

художественной словесности. В настоящее время одного желания, даже подкрепленного талантом, недостаточно для того, чтобы стать настоящим стихотворцем. Надеющегося только на божий дар человека можно сравнить со скаковой лошадью, которую выставили на скачки без основательной подготовки. Результатом этого может быть только то, что она быстро сойдет с дистанции.

Поэт, чувствующий свою ответственность перед народом, должен подкрепить свой талант глубокими знаниями, тяжёлой, непрестанной работой над собой, и, конечно же, он не может оставаться вне социума, вне политики.

В сегодняшнем мире, в котором эстетические требования общества возросли, а в мировой литературный процесс вливается поток молодой литературы, ответственность писателя перед обществом высока, как никогда. Салих Гуртуев из тех поэтов, которые хорошо понимают это, и поэтому всегда находится в творческом поиске. Он впитал в себя достижения мировой культуры, многонационального советского искусства. Поэтический огонь в его очаге разгорелся благодаря великим русским поэтам, также большое влияние на него оказал и К. Кулиев. Гуртуева с полным основанием можно назвать достойным учеником прославленных мастеров слова.

«Хотелось бы стать лучше, чем я есть», – говорит поэт. Может показаться, что в этих словах чувствуется горечь человека, не справившегося с поставленной им перед собой задачей. Но дело обстоит с точностью до наоборот – это говорит человек, многого достигший и знающий себе цену.

«Жизнь не дает нам ни одной капли меда, не сдобренной горечью», – говорил Горький, и, памятуя мысль классика, Салих с гордостью пишет о достижениях балкарского народа, но при этом не забывает и про «горечь жизни».

Гуртуев всегда трезво смотрит на жизнь, понимает невозможность отсутствия в ней горя, бед. Во многом именно благодаря этому образ

его лирического героя неоднозначен, многогранен. Это – человек, в чьем сердце коренятся национальная гордость, любовь к культуре других народов, честь, совесть, благодарность. «Народ мой мал, но я принес вам от его имени огромное уважение», – пишет он в стихотворении «Москва».

Это он делает от имени нас всех тем народам, которые верны дружбе, товариществу. Гуртуев умело раскрывает широту души своего героя, его богатый духовный мир. И главное его качество – любовь к людям.

*Я видел немощных, видел попавших в беду,
Я хотел взять их беды себе.*

В наши дни в мире наблюдается тенденция к единению человечества, к сближению народов. Люди, безучастные к чужой беде, равнодушны и к самим себе. Когда в одном доме разгорается пожар, опасность грозит всему селу. Все лучшие умы человечества считали дружбу, взаимопомощь – естественными свойствами человека. В 20-м веке верность этой мысли стала особенно очевидной.

На вечере памяти К. Мечева. Каишатау, 2005

Мало кто из известных поэтов не писал об этом, на данный момент, пожалуй, самом актуальном вопросе. Дать на него ответ – священный долг всех творческих людей. И основными чертами лирического героя Гуртуева являются желание трудиться во благо общества, готовность поделиться своим счастьем с теми, кто обделен им:

*Легко обидеть человека,
На это не надо много ума,
Служить людям –
Это значит высоко держать знамя человеческого достоинства.*

Лирический герой Гуртуева ведет активную жизнь, он хочет взять у нее максимум, но лишь для того, чтобы поделиться приобретённым с другими. Время быстротечно, и он боится не успеть реализовать задуманное. Цель запредельно высока, однако достижима. Чистота помыслов, братство между различными народами, налаживание связи маленькой семьи с большим миром – вот что волнует и должно волновать личность: «Я покидаю свой дом, пусть крышей надо мной станет небо».

Это сказано отнюдь не для красного словца. И не означает, что бездомность дороже отчего крова. Просто для человека весь мир должен стать родным домом. Любовь к большому миру начинается с любви к своей малой родине, к ее камням и деревьям. Раскрытие того, какие мысли пробуждает эта любовь – вот что делает поэзию Гуртуева многогранной, и, как уже отмечалось, лирический герой Гуртуева не суетен, это человек, многое понявший:

*Чем гордиться? – мне мало что удалось сделать...
Но я никогда не делал людям зла.*

Стихотворения поэта порой повествовательны («В годы, когда плавилась камни, девушка отреклась от своих родителей»), порой нежны, лиричны. Форма произведений зависит от задачи, стоящей перед автором. Спектр изобразительных средств Гуртуева широк, образы новы, яркие («Сердце мое тает, как снег, падающий на дымоход», «Эта любовь проникла в грудь каждого, как лунный свет через окно проникает в комнату», «Если бы все клятвы сбывались, мир остался бы без солнца и луны», «Мокрая тропинка – размотанный шерстяной моток»), но он не боится писать и стихотворения, в которых практически нет ярких образов, метафор. В то же время – это истинная поэзия. И это, конечно же, признак мастерства.

Салих никогда не искал легких путей в литературе. Свидетельством тому является его «Венок сонетов». Появление сонета в мировой литературе относят к XIII веку. Эта стихотворная форма должна соответствовать множеству условий, несоблюдение хотя бы одного из которых убивает сонет. Грубо говоря, поэт должен выразить свою мысль в пределах 14 строчек, определенным образом зарифмованных. До Салиха данную стихотворную форму практически ни один из балкарских поэтов не использовал. Но, несмотря на то, что это первый шаг, поэтические достоинства сонетов Салиха бесспорны. Тема его «Венка сонетов» – любовь: ее зарождение, угасание, и затем – боль потери. Нет сомнений, что к этой форме придут и другие национальные поэты, а это однозначно послужит развитию нашей литературы.

***

Не хнычь, что ты богатства не собрал,
И не горюй, что градом бит бываешь.
Несчастен тот, кто совесть потерял,
А ты лишь на нее и уповаешь.

И без коня добыть сумеешь честь.
А дома нет – построишь, были б руки.
Есть родина, и, значит, счастье есть.
Несчастен тот, кто с родиной в разлуке.

***

Я – земля.
На мне моря и горы,
Реки, травы, рощи и леса.
Я держу их в радости и в горе,
Все их краски, все их голоса.

От рассвета жизнь идет к закату,
Беспокойства в мире – через край...
Человек, не делай больно брату
И в обиду брата не давай.

БЕЛАЯ БЕРЕЗА

Белая береза над обрывом.
Чудится немой укор и боль
Мне в ее молчании тоскливом.
Белая береза, что с тобой?

Топором изранила ей тело
Чья-то беспощадная рука.
Белая береза уцелела,
Выжила... Но рана глубока.

Капают на камни капли...
Полдень сушит капли – слезы без вины.
Знаешь, белокожая, я вспомнил,
Как мужчины не пришли с войны.

Что могло сравниться с сиротливым
Горьким горем наших матерей!
Белая береза над обрывом.
Слезы женщин в памяти моей!

Белая береза молча плачет,
И – у боли, ноющей в плену, –
Новую не ждет она весну
И не верит в новую удачу,
Словно овдовевшая в войну.

***

Огромная безгласная страна.
Огромное клокочущее горе.
Балкарские простые имена
Хранят чужие небо, степи, горы.

Но даже в самый кровожадный год,
Оплаканный, негаданный, проклятый,
Зла не держал на Родину народ –
Ведь Родина ни в чем не виновата.

В горчайших бесконечных поездах,
Где каждый – горя общего частица,
Все было – и неверие, и страх,
Лишь злобою не искажались лица.

Не восходило солнце для людей,
Но вызревала песня в горьких столах.
Пресветлый лик Балкарии моей
Остался чист, как первый снег на склонах.

8 МАРТА 1944 ГОДА

В день праздника беда больше бьет.
Пропахла гарью скорбная планета.
Подснежники, пробившись в свой черед,
Пытались в мир добавить каплю света.

В день праздника большее бьет беда.
Дымы из труб не восходили в небо.
И облаков растерянных стада
Над тишиной селений плыли немо.

Тогда беда всего большее бьет,
Когда душа отворена для счастья.
И, словно птицу беспощадно влет,
Ее сражает горе в одночасье.

В глазах балкарок поселилась скорбь,
Вбирая путь кромешный и печальный.
Был горек час прощания и скор
С родной землей перед дорогой дальней.

Мы были виноваты без вины,
И с женщинами плакала природа.
С тех пор восьмой веселый день весны
Болит в сердцах у целого народа.

***

Вот и еще один день миновал.
Камни хранят жар июльского солнца.
Листья серебряною изнанкой
Мелко дрожат перед луною.
Горной речушки скороговорка
Вьется и тает меж склонов пологих.
Звездною шалью ласковый вечер
Нежно укрыл мою Белую Речку.
Вот и еще один день миновал.
Птичье гнездо не подверглось разору.
Тихо звучит колыбельная песня.
Повода нет сожаленью о счастье
Душу мою беречь и тревожить.
Счастье вокруг, надо лишь оглядеться.
День миновал, полон редким покоем.
Счастье мгновенно и невозвратно.

СВЯТОЙ КАВКАЗ

*Камень нуждается
в сердце и душе человека.
Экзюпери*

С веков суровым нравом обручен,
но всех даря защитой и светом,
Кавказ богоподобным наречен –
балкарцам ли когда забыть об этом?

Рассвет. Как вид прекрасен из окна!
Улыбку горца в нем я различаю.
В нем – чистота и взглядов глубина
всех тех, кого так часто привечаю.

Благодаренье Богу! На своей
земле проснуться – добрая примета:
ведь я и камни чту здесь, как людей,
рябина здесь тепла полна и света.

Кто хочет суть земли моей узнать,
у Пикассо пускай об этом спросит:
в его голубке – женщин ее стать
и мысли тех, кого коснулась проседь.

Добавить только малость я хочу,
пусть за мою пристрастность не бранятся:
в труде балкарцу горы по плечу,
и в дружбе с ним не многие сравнятся.

О твердости характера такой
ты, голубь, знаешь. Рядом с миролюбьем –
согласие, единство и покой:
так разноси же их на радость людям.

Неси их тем, кто не уверен в нас,
даруй им просветленье в мыслях, то есть
про золотой поведай наш запас –
честь горскую, достоинство и совесть.

Призыв мой разноси во все края:
мы одолели голод, зной и вьюгу,
теперь для полнокровья бытия
нам нужно уважение друг к другу.

Пускай любовь меж нами расцветет,
подобная любви земли и неба!
Мы к этому готовы: лили пот,
не ели незаслуженного хлеба.

И все соседи – рядом и вдали –
нам как родня. От века в этом плане
со всеми уживаться мы могли,
как молоко с закваскою в айране.

Ты, голубь, проследи, не поленись:
пусть точно так, как мы соседа ценим,
и он возносит имя наше ввысь –
обиды ведь чреватые охлаждением.

Пусть преданность опорой служит нам,
да не лишимся прочной мы основы:
коль нашим будут надобны камням
сердца и души наши, – мы готовы.

*Валерий ЛАТЫНИН,
председатель Совета по национальным литературам
Союза писателей России*

ХРАНИТЕЛЬ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

К 75-летию Б. А. Балкизова

Б. А. Балкизов

Лето 1981 года было очень счастливым в моей судьбе, наверное, и не только в моей – в числе нескольких десятков начинающих поэтов, прозаиков, публицистов и критиков я успешно прошёл творческий конкурс, сдал вступительные экзамены и стал студентом Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Июльская столица благоухала цветами на многочисленных клумбах, цвели улыбки на лицах и все счастливики нашего интернационального поэтического семинара, набранного замечательным русским поэтом Владимиром Фирсовым – главным редактором популярного советско-болгарского журнала «Дружба».

Владимир Иванович впервые набирал семинаристов, опыта в этом вопросе ещё не имел и ориентировался на свою многолетнюю практику творческого содружества с братушками-болгарами, среди которых открыл немало ярких национальных талантов благодаря художественным переводам блестящих русских поэтов, собранных редакцией журнала. Переводы с русского на болгарский и с болгарского на русский составляли постоянную основу журнальных публикаций, поэтому наш наставник и на своих семинарских занятиях уделял художественным переводам большое внимание, прививая нам интерес к этому непростому литературному жанру. Думаю, что не случайно его учениками, помимо русских поэтов из разных областей, оказались и молодые дарования из ряда национальных республик – даргинка Аминат Абдулманапова из Дагестана, кабардинец Бати Балкизов из Кабардино-Балкарии, украинец Анатолий Орёл, тувинец Караол Натпий-оол, азербайджанец Машаллах Мафтун (Набиев), армянин Акоп Есяян. С первых занятий Владимир Иванович стал внедрять среди своих подопечных практику взаимных переводов, заинтересовывая студентов в изучении культуры и литературы братских народов, живших в единой стране – Союзе Советских Социалистических Республик.

Перекрёстное литературное «опыление» продолжалось у нас и в общежитии Литинститута, где мы знакомились не только с творчеством своих сокурсников, но и с особенностями национальной кухни, традициями и фольклором разных народов, музыкальным искусством. Вечер-

ние посиделки с закусками и напитками, тостами и песнями на родных языках, разговорами о литературе и на другие жизненные темы тоже способствовали сплочению нас в единую семью близких по духу людей.

С Бати Балкизовым у нас был ещё и дополнительный фактор для нашего единения – мы оба являлись служивыми людьми, я – офицером Вооружённых Сил, он – офицером Министерства Внутренних Дел. Погоны на плечах обязывали быть ответственным многих гражданских собратьев и в дружеских застольях, и при обсуждении творчества сокурсников на занятиях и в кулуарах, – как известно, это зачастую весьма запальчивые дебаты.

Не помню ни единого резкого выступления Бати на творческих семинарах или разговора на повышенных тонах в часы досуга, никогда не видел его неуравновешенным или неряшливо одетым. В памяти запечатлелся образ стройного и всегда подтянутого горца со спокойным и добродушным взглядом внимательных глаз, постоянно готового разрядить напряжённую обстановку уместной весёлой шуткой, помочь однокурсникам и однокурсницам словом и делом. И ещё одна запомнившаяся деталь в поведении моего собрата из Кабардино-Балкарии – он никогда не распространялся о своей службе. Мы знали только, что он милиционер, и не более того. И только после его выхода на пенсию выяснилось, что Бати Балкизов служил в роте охраны правительства республики и несколько лет командовал этим особым подразделением. Он вообще не любил много говорить, больше спрашивал собеседников и внимательно выслушивал ответы, проявляя искреннюю заинтересованность в разговоре.

Свободного времени у студентов заочного отделения во время сессий всегда мало. Нужно прочесть массу книг по программе, рукописи стихов товарищей по семинару для обсуждения, готовиться к экзаменам, засиживаясь до глубокой ночи. Бати очень скрупулёзно подходил к выполнению учебной программы, был примерным студентом, у него никогда не было повторной сдачи экзаменов и зачётов, долгов перед кафедрой творчества. И всё же приезжать в Москву на учёбу и не знакомиться с достопримечательностями столицы и её окрестностей для творческого человека невозможно. Бати был из той плеяды студентов, кто стремился использовать любую представившуюся возможность для расширения культурного кругозора. Не единожды в выходные дни мы вместе с ним ездили на экскурсии по золотому кольцу России в города Владимир, Суздаль, Сергиев посад, Ростов Великий, или в литературные усадьбы Подмосковья, гуляли по Москве, посещали литературные музеи Пушкина, Толстого, могилу Есенина, говорили о родных краях, о любимых поэтах и литературных наставниках.

Я рассказывал ему о своём донском крае, о родителях и родовых корнях, которые были, в том числе, и на Северном Кавказе – отец ро-

дился в селе Нижняя Саниба в Северной Осетии под Владикавказом, о донских писателях Виталии Закруткине и Борисе Куликове, поддержавших меня в начале творческого пути.

Бати очень тепло и проникновенно вспоминал о родном высокогорном селении Верхний Куркужин, об одноимённой реке, протекавшей вблизи села, об отце и матери, о восьми братьях-фронтовиках, пять из которых не вернулись с войны, о первых школьных поэтических опытах в литературных кружках под руководством преподавателя русского языка и литературы Мухамеда Шаова и учителя кабардинского языка и литературы Хажсета Азикова. С особой любовью говорил о классике кабардинской поэзии Али Шогенцукове, который несколько лет работал учителем в его школе и написал стихотворение о Куркужине. Бати посвятил своему кумиру замечательное стихотворение «Бессмертный поэт», в котором сетовал, что в честь знаменитого земляка до сих пор не нарекли вершины горной. Через несколько лет мысли поэта были воплощены – в Эльбрусском районе появился Пик Шогенцукова высотой 4081 метр.

Мой друг часто рассуждал о немилосердной судьбе многих российских поэтов – русских и национальных, извечно попадавших в немилость правящих кругов и в царской России, и в СССР. Он с горечью говорил о травле Пушкина придворной камарильей с молчаливого потакания императора. Позже эти мысли стали стихотворением, переведённым мной:

*Я его вспоминаю с любовью,
Будто видел воочию, знал,
И сидел у его изголовья,
Когда Пушкин от ран умирал.*

*Потому что, как горец отважный,
Выше жизни поставил он честь,
И пошёл против своры продажной,
Чтобы грязные сплетни пресечь...*
«Пушкин»

Мне были близки его размышления о «невольнике чести», как назвал Александра Пушкина другой великий поэт России с не менее драматичной судьбой – Михаил Лермонтов. От Бати я узнал и такую чёрную страницу истории, как принудительное переселение в 19-м веке нескольких адыгских племён (убыхов, шапсугов, абазехов, камергоевцев и других) в Турцию, а также горькие подробности депортации ряда горских народов Северного Кавказа в Сибирь и Среднюю Азию в 1944 году. Эти трагические факты из истории сородичей беспокоили моего собрата всю жизнь и стали основой его остросоциальных стихотворений гражданской направленности: «Адыгам, живущим на

чужбине», «Если окажусь вдалеке от Родины», «Старые дороги», «8-е марта», драматической поэмы «Дорогами истории». В период учёбы в Литературном институте с 1981 по 1987 год мы с ним ещё не догадывались, какие страшные потрясения ждут нас и нашу страну впереди, поэтому размышляли и писали о прошлых испытаниях, выпавших на долю наших предков – адыгов и казаков.

Б. А. Балкизов и В. А. Латынин

Будущее представлялось нам более светлым и справедливым, нежели прошлое. Мы жили большими надеждами и настойчиво торили творческие пути в завтрашний день. Активно совершенствовались литературные навыки, расширяли кругозор, писали своё видение бурлящей вокруг нас жизни, активно печатали стихи в местной и центральной печати, издали первые книги, получившие благожелательные отклики, почти одновременно вступили в начале девяностых годов в Союз писателей СССР. И на взлёте к мечте стали жертвами разрушения страны, социальной системы, духовных и культурных ценностей, государственной поддержки литературы и книгоиздания, межэтнических связей – тех фундаментальных основ, на которых зиждился стержень наших судеб, как и большинства соотечественников.

Для большинства наших однокурсников и коллег по творчеству разрушение СССР и стран социалистического содружества стало крахом жизненных устремлений, планов и надежд. Голоса писателей и поэтов заглушила суматоха трагических событий. Нужно было заботиться о банальном выживании семей. В суете повседневности потерялись из виду многие друзья и близкие люди. На долгие годы прервалось и моё общение с одноклассниками по семинару в Литинституте, в том числе и с Бати. Каждый из нас пытался самостоятельно выбраться из-под обломков государства и принять посильное участие в строительстве нового общего дома российских народов. Время от времени через общих знакомых мы узнавали какую-то информацию о жизни друг друга, но не более того. Искры поэзии тлели в наших душах под большим слоем пепла и прежний творческий огонь никак не разгорался.

И всё-таки любовь к поэзии, потребность к высказыванию наболевших мыслей прервали период вынужденного молчания, невзирая на множественные преграды, выстроенные дельцами постсоветской эпохи в сфере литературы и искусства, отводившими наследникам классической литературы и культуры в системе рыночных отношений жалкую роль местечковой самодеятельности, не способной овладеть народным сознанием в значительной мере.

С приходом на политическую арену России Владимира Путина в стране постепенно начался процесс оздоровления общества, избавления от зомбирования ложными демократическими ценностями западного образца, начали возвращаться в обиход такие понятия, как государственная безопасность и суверенитет, межэтнические связи, традиционные духовные и культурные ценности, патриотизм. Это способствовало в определённой степени выходу из подполья и творчески одарённых людей. Активизировали свою работу правление Союза писателей России и региональные писательские организации, пережившие в 90-х годах ушедшего века многочисленные нападки и гонения со стороны особо ретивых перестройщиков и погромщиков «совковых» структур, как любил они выражаться. Стали восстанавливаться ослабевшие или утраченные за годы вынужденного молчания писательские контакты. Усилиями отдельных энтузиастов, таких как Сергей Соколкин, Владимир Бояринов, Николай Переяслов, Сергей Гловюк, Андрей Базилевский, Марина Ахмедова-Коллюбакина, Юрий Щербаков, Иван Голубничий, Максим Амелин и других, возобновилась работа по художественному переводу произведений иноязычных авторов с языков народов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья.

Я тоже не остался в стороне от этой подвижнической деятельности, вернулся к давней переводческой практике, привитой в студенческий период нашим заботливым и мудрым наставником Владимиром Ивановичем Фирсовым. Восстановил прежние контакты с литинститутской братией, появились и новые знакомства, и совместное сотворчество с национальными поэтами России, Азербайджана, Украины, Грузии, Болгарии, Сербии, Польши, Македонии, Черногории, Сирии. В столичных журналах и газетах стали печататься подборки стихов авторов из разных республик Российской Федерации и зарубежных стран, переведённые мной, потом начали выходить и отдельные сборники в центральных издательствах «Вече», «Российский писатель», «У Никитских ворот» и за границей. Меня стали приглашать на международные поэтические фестивали, переводить на иностранные языки, предлагать сделать переводы классиков и популярных современных иноязычных поэтов для престижных отечественных и зарубежных антологий.

Вышел на связь и прислал свою книгу стихов на родном языке и несколько подстрочных переводов и мой кабардинский друг Бати Балкизов. Вначале я перевёл небольшие подборки его стихов для авторитетных литературных журналов «Молодая гвардия» и «Аврора», для ряда столичных газет и сетевых изданий. Потом подготовил более солидные циклы для коллективного сборника поэтов Северного Кавказа «Созвездие родственных душ» и антологии поэзии Кабардино-Балкарии «Поэтическое Приэльбрусье». Публикации вызвали доброжелательные

читательские отклики и были отмечены международной премией имени В. Шекспира и международной премией дружбы народов «Белые журавли России» (такая же премия была вручена и Бати Балкизову за стихи в «Поэтическом Приэльбрусье»).

Работая над переводом произведений сокурсника, я почувствовал, что его стихи всё больше примагничивают мою душу. В них явственно проступал образ не только прежнего интересного собеседника и одарённого поэта, серьёзно относящегося к окружающей жизни и творческой работе, но и верного рыцаря национальной культуры и традиций адыгов, мужественного правдоискателя и провидца, пронизывающего зорким поэтическим взглядом прошлое, настоящее и будущее не только народов Северного Кавказа и России, но и всего человечества. Мне стало очевидным, что за время так называемого «беспозотия» Бати непрерывно держал руку на пульсе быстротечного и изменчивого времени, глубоко анализировал происходящее, давал личную бескомпромиссную оценку в пронзительной поэтической форме, что он за прошедшие после выпуска из института годы не только не остановился в творческом развитии, но и вырос в большого национального поэта всероссийского уровня. Я с увлечением продолжил работу над новыми переводами его стихотворений и поэм, нацеливаясь на подготовку большой книги и открывая всё новые грани его самобытного таланта.

Удивительно точна, лаконична и афористична его оценка потуг либеральных реформаторов переписать историю, ниспровергнуть бывших кумиров и очернить прежние достижения страны:

*... Что прошло, то прошло.
Не тревожьте прошедшее всуе.
Мы должны быть мудрей
И понять, что они не смогли.
Ну а тот, кто сейчас
С мертвецами в могилах воюет,
Не мыслитель, а червь,
Выгрызающий недра земли.
«Тех великих людей...»*

Меня не могла не радовать чистота помыслов Бати, он не фальшивил ни единой строкой. Для него, как истинного горца, с детских лет воспитанного на кодексе чести предков, любая ложь неприемлема, более того, по его убеждениям, она убийственна:

*Кому б ты ни солгал,
Ложь растечётся ядом.
Себе такой финал*

*Устраивать не надо.
«Кому б ты ни солгал...»*

Эти строки – его личный манифест, которому он не изменит до конца своих дней, поэтому, оглядываясь на пройденный путь, сможет с лёгким сердцем сказать в назидание потомкам:

*Я живу под стать своим сединам –
Гордой и достойной жизнью горца.
«Если честь адыга не роняю...»*

Думаю, не погрешу перед истиной, если скажу, что мало кто из мировых поэтов дал такую ёмкую образную характеристику человеку и человечеству, как это сделал в небольшом стихотворении Бати Балкизов:

*Мы, люди, – душа и сознание мира,
Глаза и язык.
Мы творим вдохновенно.
Послушны нам краски и звонкая лира...
Мы сами являемся целой Вселенной.*

*Но, вместе с добром,
Зло рождается нами.
Враждуя, готовы пролить реки крови.
И, если когда-нибудь мира не станет,
То лишь человек будет в этом виновен.
«Мы, люди, – душа и сознание мира...»*

Будь моя воля, повелел бы перевести это стихотворение на все языки мира, включить во все поэтические антологии и учебники, разместить в виде плаката во всех чиновничьих кабинетах всех стран, может быть, после этого стало бы значительно больше людей, ответственных за судьбу мира на планете, исповедующих, как и поэт, веру в то, что красота спасёт мир:

*...Когда в порыве к свету мы едины,
То это и зовётся красотой,
И мы тогда уже непобедимы
Ни смертью, ни корыстью, ни войной.
«Чтоб люди позабыли про напасти...»*

С особой силой переживания и думы Бати Балкизова о будущем человечества воплотились в его мощной антивоенной поэме «Явь», на-

писанной незадолго до смерти поэта, по сути, ставшей его духовным завещанием всем нам, вольно или невольно забывающим об общих родителях и корнях:

*Если Ева с Адамом нас всех сотворили,
А планета Земля – наш родительский дом,
Чтобы в нём мы семьёй, крепко спаянной, жили,
Так зачем же родителей мы предаём?..*

В этом эпическом, лирико-философском произведении Б. Балкизов поднимается с родных предгорий Кавказа до гомеровских поэтических высот и смотрит на несовершенную земную жизнь глазами великого провидца и заступника, роняя горькие, но душеспасительные слова:

*Люди, люди! Одумайтесь, милые люди!
Пусть души моей крик потревожит и вас:
– Неужели мы нашу планету погубим,
Чтобы в страшных мученьях бесследно пропасть?!*

Перевод поэмы удалось опубликовать ещё при жизни моего друга в «Общеписательской литературной газете», которая издавалась Международным сообществом писательских союзов (МСПС), на сайте Союза писателей России «Российский писатель» и в некоторых других средствах массовой информации. Мне очень отраднo, что Бати успел прочесть десятки восторженных отзывов коллег по творчеству и равнодушных читателей о своём детище. Приведу несколько выдержек из откликов, опубликованных в «Российском писателе»:

«Прекрасная поэма – чистая, яркая, вторгающаяся в душу острыми актуальными мотивами, заставляющими читателей думать о том, что происходит вокруг нас сегодня и что происходило в прежние годы. С трудом сдерживаю себя от желания цитировать строки этой поэмы дальше и дальше, настолько легко они входят в душу при её чтении, да и не только при чтении, но и спустя длительное время после знакомства с нею» (Николай Переяслов, председатель Совета по переводу Союза писателей России).

«Поэма вызвала у меня, как впрочем, я думаю, и у многих других, целую гамму чувств. Так пронзительно, вопросом, граничащим с безысходностью, заканчивается она. Тут и боль от собственного бессилия, и всё-таки ощущение сил для борьбы со злом, и надежда на победу любви и разума» (Юрий Розовский, член Союза писателей России).

«Ценность поэмы «Явь» не в новизне темы. Она беспокоила и беспокоит многие великие умы человечества. Притягательная сила её в по-

разительной чистоте помыслов автора, в неподдельной боли в сердце от бесконечного зла, что творим мы, люди, убивая друг друга, и обрекая на погибель себя и нашу маленькую планету, единственную пока во вселенной, на которой может и должен свободно жить и творить человек» (Залимгери Мирзоев, член Союза писателей России).

«Перед взором читателя каждая строка поэмы Бати Балкизова заискрилась всеми гранями глубинного авторского пафоса:

*С высоты удивительна наша планета,
Хоть её тяготят арсеналы ракет,
Но она ещё светится сказочным светом
И прекрасней планеты в галактике нет.*

Эти слова бессмертны! Сказочный свет нашей планеты и алмазное сияние строк поэмы сродни божественному озарению. Какой удивительной душевной теплотой и любовью веет от образа маленькой одинокой планеты в бездонном мраке космоса. Так мог написать только Отец, Гражданин, Землянин!» (Амур Бакиев).

«Кабардинский поэт Бати Балкизов, автор поэм «Явь» и «Дорогами истории», очень своеобразный поэт, очень историчный и в то же время очень народный. Его слово, его душа связаны с миром, с жизнью, с судьбой его родного народа, его родного края, с дорогой, по которой идёт всё человечество.

На этом пути есть и тяжёлые моменты, и солнечные. В поэме «Явь» – размышления поэта о том, как он видит эпоху и как он видит судьбу собственную, как он видит своё место в этой жизни и в этом времени, – а мы живём в эпоху сложную, во времена очень трудные.

Поэма «Явь» в переводе Валерия Латынина звучит очень народно и призывно. Охота читать, и, читая, удивляешься глубинным размышлениям автора о судьбах многих краёв, многих стран, и, самое главное, душевному настрою поэта – с высокой, красивой окрылённостью. Он говорит с верой, с надеждой, думая о грядущей перспективе общечеловеческой» (Валентин Сорокин, лауреат Государственной премии России им. М. Горького).

Поэма не оставила равнодушными истинных ценителей настоящей высокой поэзии не только в Москве и Нальчике, отзывы поступили из многих других регионов России – из Иркутска, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Ростовской, Астраханской, Воронежской областей. Думаю, это достаточно убедительный показатель её качественного уровня и по значимости заложенных мыслей и по степени мастерского воплощения.

При работе над переводом я постоянно испытывал трепетное чувство причастности к появлению на свет чего-то необычайно значительного и важного не только для автора и переводчика, но и для всей многонациональной поэзии России, подарившей человечеству не один десяток великих поэтов. Верю, что в их когорту войдёт и замечательный сын кабардинского народа Бати Балкизов!

ЯВЬ
Поэма

1

Если Ева с Адамом нас всех сотворили,
А планета Земля – наш родительский дом,
Чтобы в нём мы семьёй, крепко спаянной, жили,
Так зачем же родителей мы предаём?

Так зачем предаём изначальное братство,
Чтобы, ради корысти и ложных идей,
Меж собой в страшных войнах веками сражаться,
Убивать бесконечно таких же людей?!

Почему с добротой человеческой рядом
Подвизается зло на житейском пути,
Чтоб, дубиной ли, пикой, разрывом снаряда,
Уничтожить добро, навсегда извести?

Эти мысли однажды пришли, обжигая.
Я лежал на лугу, утомившись от дел,
Средь знакомых утёсов отцовского края
И в бездонное синее небо глядел.

В чистом небе весеннее солнце пылало,
Бесконечностью космос безбрежный дышал.
И чего-то неясного вдруг возжелала,
Отрешившись от суетной жизни, душа.

В этот миг в небе, будто окошко открыли,
Подключили какой-то волшебный экран –
Перед взором картины былого поплыли
Из историй различных народов и стран.

2

Вот возник в небесах Александр Македонский,
На полмира кровавый оставивший след,
И командует громко невидимым войском,
Тем, которого нет уже тысячи лет.

Словно гром, раскатилась команда в зените.
По душе хлестанула словесная плеть.
Застит солнечный свет над землёй предводитель,
Сеет ужас и страх, поощряя лишь смерть.

Видно, царского титула воину мало?
Он мечтает божественный ранг обрести,
Чтобы крепкой рукой и разящим металлом
В подчиненье себе всех людей привести.

За царём шлейф космической пыли курится.
В тело неба вонзает воитель копье.
А когда понимает, что планам не сбыться,
Как все смертные, слёзы обидные льёт...

3

Дунул ветер, с экрана подвинул эпоху,
И в окне персонаж появился иной,
Он когда-то мечтал тоже равным быть богу,
Римский Цезарь Гай Юлий – мудрец удалой.

Он пустынное небо глазами обводит,
Но вокруг ни единой души не найдя,
Вопрошает, слова забывая, как гвозди:
«Убивать разве можно такого, как я?!»

Долго смотрит на землю, где дети резвятся,
Где всяк сущий народ день грядущий творит,
И, не в силах от жизни земной оторваться,
Размышления вслух сам себе говорит:

«Боже мой, на Земле нет ненужных народов,
Не случаен на ней ни один человек.
Разве можно простить тех, кто повод находит,
Чтоб людей истреблять, множить сирот, калек?»

– Эй, земляне! Послушайте Цезаря, люди!
Дорожить мирной жизнью обязаны вы,
И вожди, те, что славу безмерную любят,
И земных удовольствий и денег рабы.

Бог людей создаёт, чтоб добром дорожили,
Умножали творенья земной красоты,

Чтоб любили друг друга, по совести жили,
Не сжигали к надеждам и правде мосты.

Лишь творящим добро бог всегда благодарен,
Их благие дела непременно учтёт,
И, быть может, вторым воплощеньем одарит,
И в обличии новом на Землю пошлёт.

Те ж, кто кровь человечесью безжалостно лили,
И по трупам рвались богу равными быть,
Станут просто ненужной космической пылью,
Или будут, как я, одиноко бродить...

4

Звездопад пролетел, образ Гая стирая,
И экран передвинул эпохи опять.
Показался костёр, искр шлея золотая,
У костра две согбленных фигуры сидят.

Я в одном узнаю силуэт Бонапарта.
Клятый Гитлер – другой. Как сошлись они тут?
Откровенно скажу – очень странная пара.
Всё не могут согреться и русских клянут.

Только им не до слов – стая душ налетела,
Стала жалить, как пчёл растревоженный рой.
Вечный страх стал воителей этих уделом,
Позабыли они, что такое покой.

Бонапарт изнурён, горьких слёз не скрывает.
Плачет Гитлер, страдая и ночи, и дни.
Мстят им души убитых, везде настигая,
Тех солдат, кого в войнах сгубили они...

5

Расшатался экран, вновь картинку меняя.
И, раздвинув века, как завесы портьер,
Появился, стихами мой слух улаждая,
И на лире играя, почтенный Гомер.

Сладкозвучная песня народы пленяет,
Воспевая героев Троянской войны.

Но жалеет поэт, что в боях погибают
Цвет и гордость одной и другой стороны.

И поэтому он вопрошает сердито,
Адресуя богиням нелёгкий вопрос:
«Посмотрите сюда, Гера и Афродита,
Пали те, кто вам щедрые жертвы принёс!

Кто Парису сказал, чтоб похитил Елену?
Афродита, не ты ли совет подала?
Слишком много на корм воронью и гиенам
Человеческих тел ты легко обрекла!

Жизни смертных людей вам доверены, боги!
Почему ж вы так мало печётесь о них?
Коль виновен один, вы караете многих,
Только в чём же вина сотен тысяч других?

Неужели людей на Земле стало много,
Что нести этот груз утомительно ей,
И Елена является только предлогом,
Чтоб уменьшить количество лишних людей?

Эх, троянцы, троянцы! Зачем красть невесту,
Чтоб потом потерять всё отечество вам?!
Разрушают твои города и предместья,
Жгут и грабят страну твою, бедный Приам!

Понимая, что слишком огромную цену
За её красоту запросила война,
Безутешно о павших рыдает Елена.
Но её ли в кровавом безумстве вина?!

Ахиллес разметает “троянские тучи”,
Гибнет каждый, кто против героя встаёт.
Страха смерти не ведает воин могучий
И всё рвётся по трупам вперёд и вперёд.

Атакует, как зверь, неприступную Трою,
Поле боя залито кровавым дождём.
Боги, боги! Сдержите порывы героя,
Успокойте звериную ненависть в нём!..»

Умолкает космический голос Гомера,
Стихла лира поэта на сцене небес.
На мгновенье свечение экрана померкло
И великий рапсод в бездне неба исчез.

6

Но на смену шагнул Архимед с небосклона –
Гениальный учёный с тростинкой в руке,
Он как раз размышлял над каким-то законом
И вычерчивал знаки на влажном песке:

«Вот тропа, что ведёт на вершину познания,
Будут люди идти здесь один за другим,
Обретая на горнем пути пониманье,
Что без общей поддержки не выдюжить им.

И чем выше к вершине поднимутся люди,
Тем значительно выше взлетят их мечты,
Ведь пока пик познания достигнут не будет,
Лишь частично окрестные дали видны.

А с вершины откроется взгляду пространство,
Что всех сущих людей на земле единит,
Здесь ясней понимаешь значение братства,
И сильнее стремишься в согласии жить.

Через это пространство ведут две дороги,
Пусть концы судьбоносных путей не видны,
Но один к процветанью приводит в итоге,
А второй – к истреблению в горниле войны.

Если люди все вместе приложат усилия
И ведущую к счастью дорогу найдут,
То тогда остановят безумье насилья,
И порядок на нашей Земле наведут.

Но найти верный путь – не из лёгких задача,
Слишком много умов искорёжило зло,
И смысл жизни своей они видят иначе...
Много их по дороге в погибель ушло.

Что же станет с людьми, если выберут бездну?
Погоди-ка, чужак, ведь ты знаешь ответ,

И тебе, как и многим учёным, известно,
Что заблудшим народам спасения нет!

Этот путь не однажды уже выбирали.
Поглотила безумцев кошмарная жуть.
Но по той же дороге потомки шагали...
Новых жертв и сегодня чудовища ждут.

Ну, а те, кто случайно сумеют остаться
Уцелевшими среди круговерти смертей,
В одичавших людей на Земле превратятся,
Чтобы снова начать размножаться на ней».

Опечален мудрец безысходностью этой,
Неизбежностью самоубийства людей.
Он рисует задумчиво нашу планету
И веками горящие звёзды над ней.

Вдруг учёный чему-то в усы улыбнулся
И воскликнул: «Я дам указатель пути!
Чтоб развития круг вновь на смерть не замкнулся,
Люди, я помогу вам дорогу найти!»

В этот радостный миг появляется воин –
Грозный варвар, в руке – окровавленный меч.
Архимед несуразностью обеспокоен,
Он ведь жизнь всех людей собирался сберечь.

«Боже мой! Этот страшный посланец откуда?
Я ж нашёл сохраненья народов секрет
И собрался открыть бесконфликтный путь людям,
Но убийца является в этот момент!»

Замахнулся сомнений не знающий воин,
Что ему старика неизвестного жизнь?
Архимед лишь неловко прикрылся рукою,
Прокричав напоследок: «Не тронь чертежи!..»

Сталь клинка просверкала в мгновение это
И в крови мудреца захлебнулись слова,
Отлетела его голова на планету,
На рисунке кровавые звёзды зажгла.

7

Задрожала земля, и завихрилось время,
И другая картина предстала глазам:
Я увидел людей – первобытное племя
Озиралось испуганно по сторонам.

А вокруг – целофизисы ¹ и крокодилы,
Кровожадные стаи другого зверья.
Вид планеты какой-то дремучий, унылый,
И запятнана кровью повсюду земля.

Не могу это видеть! Рукою толкаю
Очертанья экрана. Мне кровь не нужна!
Как помехи, века перед взором мелькают,
И опять на экран выползает война!

Но такой не бывало на нашей планете.
Видно, время промчалось куда-то вперёд?
Будто стрелы от молний, летают ракеты,
Полог ядерной пыли закрыл небосвод.

Бомбы атомным градом везде опадают.
Смертоносный идёт над Землёй звездопад.
Города и народы в огне исчезают
И планета Земля превращается в ад.

Вижу в этом огне силуэт человека,
Он проклятия шлёт, не понятно, кому?
Страшно корчится в адовых муках калека,
Но спастись даже Бог не поможет ему!

8

Снова с силой экран в небосводе толкаю,
Не успею разобраться – вперёд ли, назад?
Вновь на смену приходит эпоха иная,
Над Землёй пыль и пепел по ветру летят.

От палящего солнца вода закипает
И бурлит в водоёмах, как будто в котле.
Запах смерти и тлена повсюду витает
И не видно людей и зверья на земле.

¹ Хищный вид динозавров.

Нет, один человек появляется всё же,
Выползает с трудом из пещеры на свет.
Видно – голод и жажда несчастного гложут,
Жадно мокрую глину прибрежную ест.

Горемыку, как пьяного, ветер шатает.
Он измучен, нет силы уже никакой,
А к нему две огромных змеи подползают,
Оплетают мгновенно, как столб верстовой.

Не под силу несчастному сопротивляться,
Рухнул он, как подкошенный, тело дрожит.
Человека убив, змеи начали драться
Меж собою – не могут его поделить!

9

Чёрной буркой экран закрываю в обиде –
Не выносит душа погружения в ад.
Не могу, не желаю подобное видеть,
Как ползучие гады над нами царят!

Только разум людской на Земле должен править,
Дети Евы с Адамом в согласии жить,
Мы обязаны дом наш потомкам оставить,
Все народы и расы в семью единить.

Посмотрите на небо, все люди планеты,
Сколько звёзд в ледяной загораются мгле?
Их, наверное, столько же в небе нам светят,
Сколько видим песчинок на нашей Земле?!

Миллионы планет существуют над нами.
А точнее пока не сумели их счесть.
Есть и солнца свои над другими мирами
И, наверное, жизнь, нам подобная, есть?!

Если мы наш небесный ковчег уничтожим,
Если общими силами не сбережём,
Во Вселенной о нас и не вспомнят, быть может,
И, возможно, совсем не узнают о том?!

***

Эту горькую песню о жизни слагая,
Поднимается в небо, к Гомеру, душа,
Чтобы рядом с великим поэтом летая,
Наблюдать с высоты, что там люди вершат?

С высоты удивительна наша планета,
Хоть её тяготят арсеналы ракет,
Но она ещё светится сказочным светом
И прекрасней планеты в галактике нет.

А за нами с Земли Архимед наблюдает,
Его лик сохранился в эпохах лихих,
На губах под усами улыбка блуждает,
Он внимательно слушает наши стихи.

Ему равный учёный не скоро родится,
Чтобы к счастью дорогу землянам открыть,
Чтобы так же, как он, неустанно трудиться,
До последнего вздоха науке служить.

Может, годы пройдут до его появления,
А, быть может, пройдут ещё тысячи лет?
Но я верю, и нет ни на йоту сомненья,
Что родится опять на Земле Архимед!

Он родится и выведет к счастью народы,
Если новая мерзость его не убьёт!
А пока же манкурты в толпе верховодят
И всемирное зло непомерно растёт.

Неразумные дети Адама и Евы,
Позабывшие голос добра и любви,
Выжигают тротилом людские посевы,
Топят братьев и сами же тонут в крови!

Люди, люди! Одумайтесь, милые люди!
Пусть души моей крик потревожит и вас:
– Неужели мы нашу планету погубим,
Чтобы в страшных мученьях бесследно пропасть?!

Перевел с кабардинского Валерий Латынин

ГЕРОЙ НЕ ТОЛЬКО ЛИРИЧЕСКИЙ (О творчестве Х. Б. Андрухаева)

Х. Б. Андрухаев

В период войны поэзия, особенно лирика, становится более открытой, эмоциональной, искренней и честной. Она, словно сейсмограф, отразила огромные потрясения прошлой войны на шкале нравственности. И сегодня, и во все времена мы должны помнить тех, кто отстоял отчизну. Тема войны будет долго актуальной, ибо, как верно заметил адыгейский поэт Х. Беретарь:

*Не залечило время раны
И боль аула моего,
И нет надежнее охраны
Суровой памяти его.
(пер. В. Елагина)*

Думаю, своевременным и актуальным будет обращение к фактам короткой, но яркой жизни адыгейского поэта Хусена Андрухаева, погибшего на полях сражений Великой Отечественной войны. Он удостоен первым из советских писателей высшей награды за воинскую доблесть – Золотой Звезды Героя Советского Союза. 28 марта 1942 года газета «Правда» на первой странице сообщала: «Никогда не сотрется в памяти подвиг славного сына советского народа, младшего политрука Хусена Андрухаева, героически погибшего в неравном бою с захватчиками...»

В эту последнюю его осень поэту Х. Андрухаеву шёл только двадцать первый год. Рота политрука обороняла важный рубеж донецкой земли у селения Дьяково. Обладая превосходящими силами, враг яростно наступал, но наши бойцы отбивали атаку за атакой. Тяжело ранен командир, командование принимает политрук Андрухаев. Иссакают силы роты, фашисты начинают окружать оставшихся в живых бойцов. Политрук приказывает всем отходить, а сам прикрывает их, перебегая из окопа в окоп. Отстреляв последний диск пулемета, Х. Андрухаев взял связку противотанковых гранат и поднялся на бруствер. Немцы кричали: «Рус, сдавайс!» – на что он ответил, что русские не сдаются. Подпустив фашистов поближе, он взорвал их и сам погиб.

После боя, когда с помощью прибывшего подкрепления наши части отбили у немцев эту высоту, был обнаружен партбилет Андрухаева с обгоревшей фотографией и пятнами крови. Его показали бригадному комиссару Л. И. Брежневу, который тогда сказал: «На Советской земле Хусен был хозяином, и не мог он ответить немцам иначе, как «русские не сдаются!» (Хусен Андрухаев. «Считайте меня живым». Предисловие. Майкоп, 1976. С. 8).

В то время весть об Андрухаеве облетела много мест в тылу и на фронте, и он был сразу же представлен к высшей награде Родины.

Сегодня именем героя названы школы, улицы, Адыгейское педучилище в г. Майкопе, где он учился. Два памятника сооружены на родине Х. Андрухаева в Шовгеновске и селении Дьяково на Донбассе. Его имя связало дружбой многих людей из этих селений.

Ярким символом дружбы советских народов является и то, что адыг Андрухаев, русский Николай Ильин, украинец Афанасий Гордиенко, как эстафетную палку, передавали друг другу одну снайперскую винтовку, из которой они метко разили общего врага (первые двое из них стали героями Советского Союза). Эта винтовка хранится в Центральном музее Вооруженных сил СССР.

Хусен Андрухаев сменил поэтическое перо на оружие, не успев в полной мере раскрыть свои творческие способности. Он погиб, но осталась добрая память о нем, остались его стихи. Пророческими стали его слова:

*Я песню свою до конца допою,
Мне с нею и смерть не страшна.
И если мне трудно придется в бою,
Оружием станет она.
(«Я буду петь», пер. В. Твороговой)*

Х. Андрухаев остался вечно молодым. Молодой была и его поэзия, лирическая, деревенская. От природы он обладал даром художественного слова и прекрасным чувством формы. Творческую жилку Хусен унаследовал от матери Кутас, талантливой сказительницы. На него, как и на многих других поэтов народов Северного Кавказа тех лет, плодотворное влияние оказала русская поэзия, в частности творчество А. С. Пушкина, В. Маяковского, С. Есенина. Пушкина он считал «солнцем русской поэзии». В стихотворении, посвященном великому поэту, он пишет искренне:

*Калмык и славянин, и я, адыг,
Мой Пушкин – говорят тебе как брату.*

Такое же поэтическое родство юный Х. Андрухаев находил и у Маяковского. Прочитируем несколько выдержек из его стихотворения «У портрета Маяковского»:

*Такой большой, плечистый и простой,
Ты, Маяковский, смотришь со стены.
Одни мы в этой комнате пустой.
О многом мы поговорить должны.*

Далее лирический герой продолжает творческую декларацию:

*И так хочу я быть таким, как ты,
Чтоб и мои стихи врага разили,
А другу не жалели доброты.
Как ты и Нетте – так я жить хочу,
Чтоб жизнь была борьбою и гореньем.
И пусть твои стихи плечом к плечу
Стоят в строю с моим стихотвореньем.*

Х. Андрухаев был общественно активным человеком, поэтому его пленяла революционная гражданская лирика В. Маяковского. Но он любил и ценил и С. Есенина, поэта совершенно другой интонации. Вызывают удивление гражданское мужество и прозорливость молодого Х. Андрухаева, который в сложный период преследования С. Есенина гораздо раньше многих известных писателей и ученых открыто сказал, что «общего у двух великих российских поэтов – Маяковского и Есенина – гораздо больше, чем того, что их разделяет. Мысль Х. Андрухаева подтверждает в своей книге известный поэт Кирымзе Жанэ: «Странные люди есть, – неожиданно заметил Хусен. – Маяковского признают, а Есенина – нет. А ведь это поэты, которые с одинаковой силой затрагивают сердечные струны. Возьми землю и небо – что одно без другого? Так и они – разные грани необъятного духовного мира нашей Родины» (Т. К. Беляева. «Традиции русской советской поэзии в творчестве Х. Андрухаева» // Проблемы адыгской литературы и фольклора. Майкоп, 1988. С. 116). Сегодня все понимают значение двух великих русских поэтов для литературного процесса, но в то время открытая симпатия к С. Есенину был смелым поступком Х. Андрухаева.

Наряду со стихами большого гражданского накала и темперамента, у Х. Андрухаева есть лирика, идущая от есенинской традиции и адыгской народной поэзии. Создает он и романтическую картину родной природы, как, например, в стихотворении «Кавказ», в котором горы укутались «в тучи, как в бурки и надвинули на лоб

облака», а олени проходят «рогами качнув синеву». В другом стихотворении, «Летнее утро», мы видим живые и задорные интонации, свежие эпитеты и сравнения: ветер разогнал облака, «словно волк отару», «роса зажглась хрусталем на застенчивых, как невеста, цветах».

Поэзия Андрухаева душевная, лиричная, простая по форме и ёмкая по содержанию. Есть у него и попытки философского осмысления действительности.

Поэтические задатки Х. Андрухаева шли генетически от матери, талантливой сказительницы. Но он их развивал неустанным трудом и самообразованием. В годы учебы в педучилище он организовал кружок любителей художественной литературы, издавал рукописный журнал «Первый шаг», публиковал свои стихи в газете «Колхозное знамя» и альманахе «Наш рост». По его инициативе студенты кружка выезжали в адыгейские села, где читали лекции, ставили небольшие пьесы, собирали фольклор. Х. Андрухаев сам записывал тексты народной поэзии, советовал это делать и друзьям.

Будущий поэт много читал, хорошо знал произведения А. С. Пушкина, В. Маяковского, С. Есенина и других русских поэтов. Знал многое из них наизусть и прекрасно их декламировал на литературных вечерах в Майкопе и Краснодаре.

К Х. Андрухаеву рано пришла известность. Об этом свидетельствует тот факт, что молодой поэт был приглашен в 1936 году на заседание первого Съезда адыгейских писателей.

Плодотворно занимался Х. Андрухаев поэтическими переводами с русского на адыгейский. Переводил он Маяковского, К. Хетагурова и др. Есть у него и статьи, посвященные теории перевода, в которых содержатся интересные мысли по актуальной до наших дней проблеме.

Х. Андрухаев принимал активное участие во всех культурных мероприятиях области, чутко реагировал на общественные и политические события (перелет Чкалова, например). Он рос в атмосфере патриотизма и интернационализма. Свидетельство тому – следующие строки из его стихотворения «Советский часовой»:

*Мы едины в стремленьи своем –
Честь страны отстоять до конца.
Пусть мы разные песни поём –
Одинаково бьются сердца.
(пер. В. Твороговой)*

В этом смысле примечательны также слова из письма Х. Андрухаева родным с фронта: «Я здесь увидел то, что сильнее фашист-

ских танков и самолетов: нашу сплоченность. Здесь все за одного, один за всех, а вместе – за нашу дорогую Родину: она одна у адыгов и русских, и всех, кто бьется с фашистской гадиной» (Кирымзе Жанэ. «Хусен Андрухаев». Краснодар, 1974. С. 27).

Судьба отпустила Х. Андрухаеву очень мало времени для творчества. Он, можно сказать, писал «наперегонки со смертью». Однако его наследие: стихи, переводы, литературные статьи, очерки, корреспонденции говорят о том, что в нем зрел огромный талант, яркая творческая индивидуальность. Война оборвала его жизнь в начале творческого пути.

Поэзия – это, образно говоря, «литературная разведка», это – барометр человеческих мироощущений, радостей, переживаний. Человеческие чувства предельно обнажаются в периоды больших испытаний, поэтому нам дорога лирика, посвященная Великой Отечественной войне. Эту тему наиболее остро выразили в своей поэзии А. Шогенцуков, А. Кешоков, А. Андрухаев, А. Ханфенов, М. Бемирзов, И. Машбаш. Многие из них передают нам эти чувства «из первых рук», ибо были участниками войны. Их поэзия имеет непреходящую ценность, потому что формирует духовный мир тех, кто не видел войны.

Это особенно важно в наше время идеологического застоя и неопределенности духовных ориентиров в обществе.

Х. Андрухаев говорил: «Считайте меня живым!» И, действительно, он живет в сердцах благодарных читателей. Он заслужил это дорогой ценой. Х. Андрухаев оказался не только лирическим героем своей поэзии, но и настоящим героем, вписавшим навечно свое доброе имя в историю Великой Отечественной войны.

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН).

БАЛКАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ-ФРОНТОВИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: «ГЕОГРАФИЯ ПОДВИГА»

Великая Отечественная война (1941–1945) явилась одним из сложных и драматических периодов в истории нашего многонационального Отечества. Наряду со всеми многие деятели культуры и искусства вынуждены были взяться за оружие, чтобы отстоять Родину от немецко-фашистских захватчиков. В первых рядах отважных защитников Отечества, сменив перо на штык, оказались и представители национальных литератур, в частности балкарские, карачаевские, кабардинские писатели, драматурги, поэты Кайсын Кулиев, Адам Шогенцуков, Рамазан Геляев, Керим Отаров, Алим Кешоков, Али Шогенцуков, Омар Этезов, Максим Геттуев, Берт Гуртуев, Салих Хочуев, Адильгерий Соттаев, Ибрагим Маммеев, Халимат Байрамукова, Исса Каракетов, Осман Хубиев, Даут Байкулов, Аскерби Шортанов, Ахмедхан Налоев, Бетал Куашев и др. В тылу врага остались Азрет Будаев, Хабу Кадиев и другие. Грозным оружием в борьбе со смертельным врагом наряду с автоматом служило и художественное слово, способствовавшее духовному сплочению советского народа и армии в единый фронт. В настоящее время, «когда суровые военные годы стали великой историей и по достоинству оценен творческий вклад каждого писателя в общую победу над врагом» (1), с целью сохранения народной памяти для потомков представляется необходимым и важным проследить боевой путь писателей-фронтовиков, защитников и освободителей, очертить «географию подвига» каждого из них.

Молодой талантливый поэт *Кайсын Кулиев* (1917 – 1985), известный читателю своим первым сборником «Здравствуй утро» (1937), встречает войну в Латвии в составе 202-й парашютно-десантной бригады. Жестокий лик войны, погубившей миллионы людей физически, но не сломившей их веру в победу, отражен во фронтовых воспоминаниях поэта. В них отслеживается боевой путь солдата: Даугавпилсе

(Двинск), Латвия, Орел, Брянский фронт, Сиваш, Перекоп, Крым, Донбасс, Мелитополь, Четвертый Украинский фронт...

В первые же дни войны Кайсыну привелось испытать тяжелые потрясения – он видел, как в неравном бою с явным превосходством на стороне фашистов геройски погибали его товарищи от вражеских пуль и снарядов, как, отчаянно сражаясь, отступали советские войска. Однако Кулиев достойно преодолевал тяготы войны. Незыблемым источником твердости духа, непоколебимости веры в победу над врагом, творческого вдохновения служили сборники стихов любимых поэтов, в числе которых были избранные книги Лермонтова, Тютчева, Есенина и других. «Парашютист Кулиев под Москвой читает Лермонтова бойцам и поражается тому, как они слушают – серьезно и с пониманием своей исторической роли» (2). Особенно дорога была Кулиеву поэзия русского лирика Тютчева, преподавшего «большой урок поколениям поэтов... урок верности правде жизни» (3). По воспоминаниям балкарского поэта, второй томик стихов Тютчева с 1941 по 1943 г. оставался при нем, как придающий духовную силу оберег. «Тютчевские шедевры я читал солдатам в окопах, раненым в госпиталях. Читал везде, где мне приходилось бывать в военное время... Я бывал счастлив и в несчастливые дни. В наших бдениях Тютчев занимал одно из первых мест наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Блоком, Есениным», – писал Кулиев» (4).

После кровопролитных боев за Орел, тяжелораненый Кулиев проходит лечение в чебоксарском госпитале. Несмотря на полученные ранения, он продолжает писать, поддерживая связь с Союзом писателей СССР. Военные стихи поэта переводились на русский язык, печатались в газетах «Правда», «Красная звезда», «Литература и искусство», в журналах «Знамя», «Красноармеец», «Огонек», «Дружба народов», «Сын Отечества», часто передавались по радио. Большой удачей для Кайсына в эти годы было сотрудничество с известным литературным критиком Вениамином Цезаревичем Гоффеншефером, который активно переводил его произведения, написанные на родном языке. Поэзия Кулиева в годы войны («Война жестока», «После боя на соломе», «Вглядываясь вдаль», «Песня прощания», «Фронтное лето», «Картины войны» и т.д.) примечательна тяготением поэта «наиболее полно, глубоко отобразить жизнь в тех ее многообразных проявлениях, какие возможны были в военную пору: жизнь в возвышенных, трагических, героических явлениях с ее парадоксально несовместимыми сторонами» (5).

В 1942 году Кулиев тяжело переживает наступление гитлеровских войск на Кавказе и оккупацию родной Кабардино-Балкарии. Выписавшись из госпиталя, он попадает в запасную стрелковую бригаду в качестве заместителя политрука роты, а затем лектора. После очередного

ранения, в ноябре 1942 года, Кулиев приезжает в Москву к А. Фадееву, проявившему большую заботу о молодом поэте-фронтовике. Благодаря его ходатайству перед начальством Политуправления Красной Армии в лице А. С. Щербакова, Кулиев был включен в список писателей, которые должны были быть демобилизованы (6). Оказавшись перед выбором, балкарский поэт категорически отказался от соблазнительной возможности освободиться от службы в армии, что было равно воинскому подвигу в эти суровые годы.

Кулиев в качестве военного корреспондента был направлен в газету 51-й армии «Сын Отечества», где суждено было ему встретиться с земляком, с собратом по перу Алимом Кешоковым. Связанные узами солдатского братства и духовного родства, преодолевая заснеженные волжские и донские степи, освобождая Донбасс, Ростов-на-Дону, сражаясь за Крым, участвуя в кровавых боях за Сиваш, Перекоп, они «делили кусок хлеба и шепотку солдатской махорки, делились своими думами и стихами» (7).

В этот период Кулиев наряду с военными корреспонденциями активно публиковал на страницах газеты свои публицистические статьи, очерки, рассказы («Кисет», «Песня», «Моя земля», «Русские дороги», «Девушка в шинели», «Он не должен уйти», «Труп убийцы», «Перед боем», «Баян», «Хирург»). Короткие по объему, но глубоко поэтические и философские по содержанию, они основывались на документальной достоверности, были пронизаны «трагическим мужеством того времени» (Кулиев), мотивами безграничной любви к Родине и яростной ненавистью к ее врагу.

В 1944 году Кулиев, тяжело раненный в бою под Севастополем, попал в Симферопольский госпиталь, где был лично награжден командующим 51-й армией генералом Крейзером орденом Отечественной войны II степени. Через два месяца был направлен в Кисловодск на реабилитацию. Инвалид третьей группы Кайсын Кулиев вернулся в родной осиротевший Чегем, где и начался очередной суровый этап в драматической судьбе поэта – добровольная ссылка в Среднюю Азию вслед за высланным народом.

Как показывает история, роковую корректировку в судьбы писателей-фронтовиков внесла Великая Отечественная война, «которая для балкарского и других депортированных в 1940-х годах народов, оказалась удвоенной войной – войной, напрямую лишившей их родной земли» (8).

Керим Отаров (1912 – 1974), имея бронь, оказался в числе первых добровольцев, отправленных на фронт. Биография балкарского поэта в годы войны насыщена боевыми делами. Он воевал в пехотной дивизии на Брянском фронте, служил офицером разведки, участвовал в боях в качестве командира стрелкового взвода. Ему, как и многим

другим, суждено было пережить тяжелые отступления в пороховом дыму, пыли и гари, ожесточенные оборонительные бои, испытать горечь поражений и радость побед в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками. Лейтенант Керим Отаров был назначен командиром роты 208-й стрелковой дивизии. В конце июля 1942 года при освобождении занятой врагом деревни Муратовка получил тяжелое ранение. Впоследствии – медсанбат, ампутация ноги в тридцатилетнем возрасте.

Фронтовые стихи К. Отарова изобилуют яркими художественными деталями – чернеющие руины, раненая природа, сожженная земля, опрокинутая колыбель, раненая весна («Ласточка вьет гнездо», «Опрокинутая колыбель», «Утро», «Выжженная земля», «После ночного боя», «Цветы на фронте» и т.д.). Военная лирика поэта тематически разнообразна: она пронизана духом интернационализма и патриотизма («Русские равнины», «Комиссар», «Россия», «Украина»), мотивами любви к Родине, матери («Отчизна», «Верим», «Жить», «Письма матери», «Сон», «Последняя просьба»), потерянного детства («Безногий мальчик», «Опрокинутая колыбель») и т.д.

Стихотворение К. Отарова «Я шел с тобой, народ» (1943), в котором вера поэта в свой народ определялась как «драгоценный талисман» в суровые годы войны, предрекло духовную стойкость и в последующих трагических поворотах судьбы, связанных с депортацией:

В тяжелый час сомненья и невзгод,

На всех путях, в работе и бою,

Я свято верил в разум твой, народ,

И в силу богатырскую твою.

Кериму Отарову, вернувшемуся с фронта в Нальчик инвалидом, как и всем соплеменникам, суждено было испытать горькую участь изгнанника. Несмотря на жесткие изломы жизненного пути, по справедливому заключению исследователя жизни и творчества поэта Н. Смирновой, ему удалось достойно пережить роковые сороковые, которые, «проведя черту между жизнью и смертью, провели ее и между честью и бесчестьем, преданностью и предательством, верой и безверием, мужеством и слабостью. Керим Отаров, став солдатом войны, не перестал быть поэтом жизни...» (9).

За проявленные отвагу и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Керим Отаров был награжден орденом Красной Звезды.

В числе бесстрашных участников войны – один из представителей первой плеяды балкарских писателей **Берт Гуртуев** (1910 – 2001), который, как и многие деятели культуры и искусства, отказавшись от брони, добровольцем ушел на фронт. Старший лейтенант Б. Гуртуев состоял на военной службе в Красной Армии с 1 ноября 1941 г. Всту-

пив в ряды действующей армии, был назначен преподавателем Краснодарского стрелково-минометного военного училища (1942), будучи политруком курсантской стрелковой роты (1943) активно участвовал в боевых сражениях. Как и многие его собратья по перу, он разил врага не только оружием, но и беспощадным художественным словом. Тема Великой Отечественной войны в творчестве писателя художественно преломляется через призму восприятия пахаря, кузнеца или строителя, через идеалы солидарности народов («Две Катюши», «После боя», «В стальной Западне», «Помни, Сирануш», «Подарки» и др.) (10).

Берт Гуртуев Указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Кавказа» (11).

Балкарский поэт **Максим Геттуев** (1916 – 1985) ушёл на фронт в 1942 году. Находясь в рядах 18-й армии, активно участвовал в боях на Северном Кавказе, «Малой земле», под Новороссийском, при освобождении правобережной Украины (12). В очерках о героях Великой Отечественной войны («Боевая слава Кабардино-Балкарии», кн. 1, 1965), повествуется о боевой жизни поэта-фронтовика, очерчивается география военных дорог, по которым он прошел. В числе ярких эпизодов боевой биографии М. Геттуева – участие в наступательной операции в районе Туапсе в ноябре 1942 года. Заместитель командира роты по политической части Максим (Магомет) Геттуев возглавлял группу разведчиков-добровольцев, перед которыми стояла сложная задача – перед штурмом одной из каменистых высот провести разведку боем, выявить огневые точки противника. В одном из сражений Максим получил тяжелое ранение: его нашли почти мертвым и хотели было уже вместе с погибшими зарыть в одной братской могиле, но по счастливой случайности один из солдат уловил слабое биение сердца. Геттуев очнулся лишь через несколько дней в сочинском госпитале (13). Был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Суровые военные годы, подвергнутые художественному осмыслению, отразились в поздних периодах творчества поэта («Пути солдата», Нальчик, 1968; «Человек, которого ждут», Москва, 1975, и т.д.).

Талантливый актер и драматург **Ибрагим Маммеев** (1915 – 2004) был призван в ряды Красной Армии в 1940 году. Неординарно сложившаяся судьба солдата-фронтовика в годы Великой Отечественной войны была насыщена интересными и памятными встречами и событиями, о которых известно из воспоминаний Маммеева (14). По словам писателя, ему посчастливилось встречаться на войне с именитым генералом Армии Н. Ф. Ватутиным, маршалом Советского Союза Г. К.

Жуковым. Большой интерес для современников представляет уникальный рассказ театроведа, журналиста Асият Саракуевой, которая имела возможность лично общаться с Ибрагимом Маммеевым при жизни. В силу скромности талантливого актера и писателя лишь немногие знали о том, что он входил в личную охрану генерала армии, командующего Воронежским фронтом, затем 1-м Украинским фронтом Н. Ф. Вагутина. После его смерти И. Маммеев был переведен в охранную группу маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Он стоял в карауле в пригороде Берлина Карлсхост при подписании акта о капитуляции Германии. Награжденный многими медалями, орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. И. Маммеев демобилизовался лишь в 1946 г. (15). Спустя много лет после окончания войны запечатленные в памяти И. Маммеева заветные слова маршала Г. Жукова «Открывайте окна» в день подписания акта о капитуляции Германии послужили творческим импульсом написания автобиографической драмы-повести «Терезелени ачыгыз» («Откройте окна») (16).

В числе бесстрашных участников Великой Отечественной войны был талантливый писатель, поэт, драматург **Омар Этезов** (1913 – 1964) – автор антивоенных стихов «Вам придет конец», «Мой конь летит на врага», одноактных пьес «Сын Руси», «День горного аула», по мотивам которых были поставлены одноименные спектакли. Этезова призвали в ряды действующей армии 31 декабря 1941 года. В марте 1943 года в результате полученных ранений был демобилизован. Награжден боевыми медалями «За отвагу», «За победу над Германией».

Известный филолог, писатель, педагог, спортсмен **Адилгерий Соттаев** (1910 – 1979) военную службу проходил с июля 1941 года по апрель 1945 года. Будучи призванным в действующую армию, был направлен на учебу во 2-е Орджоникидзево военнопехотное училище. Послужной список солдата-фронтовика заслуживает особого внимания. С марта 1942 года по октябрь 1942 года лейтенант А. Соттаев был командиром эскадрона 316-й кавалерийского полка 115-ой кавалерийской дивизии, состоящей из представителей Северного Кавказа. В звании капитана воевал в составе 4-го кавалерийского корпуса, который был в составе действующей армии с 11-го октября 1942 года по 4 мая 1943 года. Являлся командиром эскадрона ПТР 4-го истребительного противотанкового дивизиона 4-го кавалерийского корпуса, с июня 1943 года по август 1943 года и с декабря 1943 года по октябрь 1944 года – офицер связи корпуса. «География подвига» А. Соттаева широка – он мужественно воевал на Северо-Кавказском, Сталинградском, Воронежском, 1-м Украинском фронтах. «Разносторонняя физическая подготовка, тренированность, способность действовать быстро и решительно, скоростная выносли-

вость при пеших переходах, смекалка, умелое обращение с оружием и военной техникой помогали А. Х. Соттаеву героически сражаться с врагом и наносить ему значительный ущерб» (17).

В своих воспоминаниях А. Соттаев рассказывал о небывалом героизме сынов Кабардино-Балкарии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и особенно в боях за Сталинград: «В июле 1942 года 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия под Ростовом вступила в свой первый бой. В течение 1942 года наша дивизия принимала участие во многих сражениях под Ростовом – в станице Цимлянской, Большой и Малой Мартыновках, в районе станицы Ново-Николаевской, в селах Пробуждение, Ремонтное, Цаган-Нур. Мы остановились слева от 51-й армии, в местечке Цаган-Нур, на границе Сталинградской области с Калмыкией. По приказу командующего 51-й армии мы должны были отрезать все дороги, ведущие к озеру Сарпа, чтобы немцы не смогли по нему переправиться. Остатки нашей дивизии наносили ощутимый удар по врагу. Из офицеров 115-й Кабардино-Балкарской дивизии была сформирована разведгруппа в составе 51-й армии. В нее входили я, Коломиец, М. Гуртуев, И. Чеченов, Полуянов, М. Байрамуков, А. Абазов, Болотов, Карданов, Качаров, Цуциев, Дзугуцев, Попов и другие. Нашей задачей было установить, сколько немецких частей есть на дорогах между Элистой и Сталинградом, узнать их номера, взять в плен живого «языка» и нанести как можно больше урона врагу...

В районе Цаган-Нур наша разведгруппа, не считая живой силы, вооружения и продовольствия, угнала более 500 машин врага...» (18).

За проявленные мужество, исключительное бесстрашие в годы Великой Отечественной войны А. Соттаев был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией». В отличие от других боевых наград, медаль «За отвагу» – высшая медаль в наградной системе СССР в годы войны – представляла большую ценность для фронтовиков. Адильгерий Соттаев был удостоен этой высокой награды трижды. Неоспоримым свидетельством его героизма является наградной лист, в котором описывается один из совершенных им подвигов: «В боевых операциях в октябре-ноябре 1942 года в районах Кетченеры–Шебенеры и Деде-Ламин Калмыцкой АССР, действуя в составе разведгруппы, проявил храбрость, исключительную стойкость, командирскую смекалистость при неблагоприятной обстановке для разведгруппы. 4-5 ноября 1942 г., при выполнении задания по разведке, группа была атакована с фланга втрое превосходящими силами румын... тов. Соттаев истребил до 25 гитлеровцев, этим самым дал возможность разведгруппе оторваться от противника и занять огневые позиции, сам же, продолжая вести наблюдение до ночи, точно установил силы и огневые средства противника» (19).

В результате полученных ранений и тяжелой контузии А. Соттаев в звании гвардии капитана демобилизовался с фронта инвалидом II группы.

Драматично сложились судьбы писателей-фронтовиков после войны – все они, как представители депортированного балкарского народа, были обречены на статус спецпереселенцев. Однако, в отличие от многих, в этот период «неимоверно тяжелые испытания выпали на долю А. Х. Соттаева» (20). Оказавшийся в исключительно сложных и унижительных условиях, не лишенный гражданского мужества, он был вынужден написать письмо на имя Сталина, в котором просил положительно решить вопрос о реабилитации балкарского народа. Однако, обвиненный в нарушении внутренней безопасности страны, в 1949 году был жестоко приговорен к лишению свободы сроком на 25 лет и сослан в северный лагерь ГУЛАГа в Верхоянске. Реабилитирован в 1956 году.

Многие писатели пали смертью храбрых на полях сражений, погибли в концлагерях, не успев реализовать свой творческий потенциал в мирной жизни. В числе таковых – Рамазан Геляев, Салих Хочуев, Али Шогенцуков, Исса Каракетов, Даут Байкулов, Тохтар Борлаков, Магомет Урусов, Курманбий Канаматов и другие.

Основоположник профессиональной балкарской драматургии и сценического искусства **Рамазан Геляев** (1915 – 1942) был призван в армию в начале войны. С июля по ноябрь 1941 года являлся курсантом 2-го пехотного училища в г. Орджоникидзе (Владикавказ). Получив звание лейтенанта в декабре 1941 г., Геляев был направлен в отдел кадров СКВО в г. Армавир, затем – в Нальчик в распоряжение 115-ой орденоносной Кавказской дивизии. С 1-го января служил в минометной батарее 278-го Кавказского полка 115-й Кавказской дивизии в качестве командира минометного взвода. Благодаря поисковой работе была установлена точная дата смерти старшего лейтенанта Рамазана Геляева: он героически погиб в 1942 году в боях за село Большая Мартыновка Мартыновского района Ростовской области. За участие в обороне Сталинграда был представлен к медали «За оборону Сталинграда» (21). Лишь спустя более 77 лет после выхода указа о награждении удостоверение было передано внуку фронтовика Алию Энееву.

Боевая биография одного из основоположников балкарской прозы **Салиха Хочуева** (1910 – 1942) также коротка и трагична. В начале войны им были написаны рассказы «Разведчики», «Капитан Гастелло», «Герои», в которых прославлялся подвиг солдат, героически защищавших Родину от немецких захватчиков. В 1941 году С. Хочуев участвовал в тяжелых боях за Брестскую крепость. Будучи тяжело раненым, в сентябре 1941 года попал в фашистский плен. 26

июля 1942 года погиб в концентрационном лагере в г. Бобруйске. Похоронен в братской могиле в Белой Церкви (22).

Проходит время, неумолимо отдаляя поколения от грозных лет Великой Отечественной войны. Ушли из жизни те, которым суждено было ковать Победу. «Святая верность поэтов... фронтового поколения» осталась запечатленной в незабвенных кулиевских строках:

*Мы были силою великой
В боях, которым равных нет,
И наши лица стали ликом
Жизнь утверждающих Побед....
(Из цикла «Говорю моему поколению»)*

Имена балкарских писателей-фронтовиков вписаны в историю как воины-герои, авторы Великой Победы, прославившиеся не только творческим подвигом, но и непоколебимым мужеством, проявленным в беспощадной кровавой борьбе со злостным врагом во имя мира на Земле.

Примечания

1. *Толгуров З. Х.* Кайсын Кулиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 238.
2. *Огнев В.* «Не исцелиться ранам прежних дней» // Ум, окрыленный свободой: Кайсын Кулиев. Статьи, интервью, выступления. Жизнь и творчество Кайсына Кулиева. Статьи и воспоминания современников. Письма / Составление Э. Э. Кулиевой. Нальчик, 2007. С. 170.
3. *Кулиев К.* Так растет и дерево. М.: «Современник», 1975. С. 95.
4. Там же. С. 93–94.
5. *Толгуров З. Х.* Кайсын Кулиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 246.
6. *Кулиев К. Ш.* Так растет и дерево. М.: «Современник», 1975. С. 445.
7. Там же. С. 305–306.
8. *Смирнова Н. А.* «Чтоб пробудить крылатость в человеке...» Жизнь-творчество: Керим Отаров. Книга-эссе. М., 2014. С. 36.
9. Там же. С. 82-83.
10. *Толгуров З. Х.* О творчестве, испытанном временем // Гуртуев Б. И. Красные маки: Стихотворения. Поэма / Предисл. З. Толгурова. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 11.
11. *Берт Гуртуев.* Жашау ызы, оюмлары, тенглери... Нальчик, 2010. С. 3.
12. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX в.)

- Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 142 .
13. *Геттуев М. И.* [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-49462327_696 (дата обращения: 14.03.23).
  14. *Маммеев И. Ш.* «Колесо судьбы» // Минги Тау. 2000. №1.
  15. *Саракуева А. М.* Победа, победа – сидим без обеда // Газета Юга. 2015. 19 марта.
  16. *Маммеев И. Ш.* Терезелени ачыгыыз (Откройте окна) // Маммеев И. Киши жеринде (На чужбине) Нальчик: Эльбрус, 2003. С.59-102.
  17. *Адилгерий Соттаев.* Жизнь и творчество: Литературные произведения, статьи, письма А. Х. Соттаева. Документы. Статьи, воспоминания, очерки о А. Х. Соттаеве / Сост., предисл. А. Т. Додуевой. Нальчик: Эльбрус, 2019. С. 676.
  18. Цит. по: *Адилгерий Соттаев.* Жизнь и творчество: Литературные произведения, статьи, письма А. Х. Соттаева. Документы. Статьи, воспоминания, очерки о А. Х. Соттаеве / Сост., предисл. А. Т. Додуевой. Нальчик: Эльбрус, 2019. С.673-674.
  19. *Адилгерий Соттаев.* Жизнь и творчество: Литературные произведения, статьи, письма А. Х. Соттаева. Документы. Статьи, воспоминания, очерки о А. Х. Соттаеве / Сост., предисл. А. Т. Додуевой. Нальчик: Эльбрус, 2019. С. 447.
  20. Там же. С. 607.
  21. *Рамазан Геляев:* В жизни и на сцене / Авт.-сост. А. М. Саракуева. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2021. С. 137.
  22. *Биттирова Т. Ш.* Салих Хочуев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 349.

Муталип БЕППАЕВ,
народный поэт Кабардино-Балкарии

В НЕЁ ПО СЕЙ ДЕНЬ ВЕСЬ АУЛ ВЛЮБЛЁН

Она, думается, одна такая, несравненная, восхитительная, всеми почитаемая. Её помнят в старинном балкарском ауле Нижний Чегем. Часто навещают город Ново-Павловск в Ставропольском крае. Повзрослевшие, но живущие памятью о светлых школьных годах, преданные особенными, незабываемыми чувствами благодарности к русской учительнице немецкого языка – Валентине Васильевне Ключиной (Кравченко) бывшие её ученики.

В. В. Ключина

Впервые мне поведала о своей замечательной учительнице моя близкая родственница Фатима Беппаева, а к ней присоединились и её одноклассники, выпускники Валентины Васильевны 1971 года – Алима Габоева, Марзият Аккизова, Халимат Эльмурзаева, Хасан Гамаев, Далхат Гочияев, Мусса Баймурзаев, Аубекир Беппаев, Хамби Аликберов, Далхат Гижгиев, Сагид Малкаров... Они все вместе отметили полувековой юбилей своего выпуска в память о своей учительнице, которой там не было по состоянию здоровья. Это мероприятие проходило 25 мая 2021 года.

***

Мне бы хотелось познакомить вас с отрывком из письма ещё одной выпускницы Валентины Васильевны Зайнаф Хосаевой: «Всем хорошим, что есть у нас, мы обязаны Богу, родителям и Валентине Васильевне. Вот сейчас рядом со мной некоторые мои одноклассники: Нина Габоева, Рая Гочияева, Люба Кумукова, Жагафар Макитов, мой брат – Борис Хосаев, сестра, Фатима Хосаева – доктор наук, преподаватель КБСХА. Все выражаем Валентине Васильевне огромную благодарность за её титанический труд, который она вложила в каждого из нас!»

***

Я, конечно же, очень рад, что у нас в республике были такие самоотверженные, преданные своей чудесной профессии преподаватели. Даже спустя пятьдесят лет бывшие ученики не могут забыть эту понастоящему великую русскую женщину, которая в совершенстве знала и балкарский язык, на котором часто изъяснялась со своими учениками.

***

Валентина Васильевна была зачарована Чегемским ущельем, Кабардино-Балкарией, жителями аула Нижний Чегем. И тогда же написались эти строки о суровости, крутизне, недоступности, леген-

дарности, первозданности горных исполинов, буйстве потоков и величавости красок сказочной природы:

*Горы Кавказские, горы крутые,
Как вы суровы, о, горы седые!
Много вы видели, многое знали,
Много легенд о вас люди слагали.*

*Рушится сверху поток водопада –
Врезана горная в небо громада!
Вьётся тропинка, нас в выси маня,
Смотрит орёл со скалы на меня.*

*Где-то внизу буйно пенится речка,
Рядом сосна, как огромная свечка.
Бабочки, радуясь солнцу, спуют,
Птицы весёлые песни поют.*

А осень! Какая она особенная, неповторимая, завораживающая, как в ней удивительным образом сошлась чудодейственная магия цветов в утончённом обрамлении солнечного света. Они переливаются, играют, как бы создавая, зарождая новые грани искристой, сиюминутной, волшебной красоты. Это всё в стихотворении Валентины Кравченко «Осень в ущелье»:

*Щедрое солнце, высокие горы,
Яркое солнце клёнов, берёз.
Выткала осень лесные узоры,
Осень в ущелье – красиво до слёз!*

*Буйный характер реки говорливой,
Чистого неба чудесная синь.*

*Шёпот берёзки влюблено-стыдливый,
Нежная грусть молчаливых осин.*

Она любит, восхищается природой, боготворит её, находя в ней всё новые, доселе неведомые краски, чтобы передать свои самые за- таённые, сокровенные чувства. Дабы повести за собой читателя и по- дарить ему эту несказанную, постороннему глазу не совсем заметную, земную, одновременно Божественную красоту, которая, непременно, поможет нам всем, в объятиях этих небесных красок, отойти хоть на несколько мгновений от стресса и негатива наших дней:

*Весна – на дворе, половодье – в душе,
Требуют выхода чувств.
Весна – на дворе. Мы готовы уже,
К внятности наших искусств.*

*Разве не чудо – сиянье лучей
С бездонной небесной сини?
Блеск очарованных синих очей –
Символа нашей России.*

*Всё и бурлит, и цветёт, и поёт –
Радует взор небосвод.
Замкнуто кругом движенье идёт –
Звонкий цветной хоровод.*

Поэтесса, просительница добра, уюта, света для других, потому что она живёт идеалами прошлых поколений: если хорошо ближнему, то и тебе самой будет волготней, веселей, надёжней жить на этой многострадальной земле, на земле, которую завещали нам великие предки, полные добрых помыслов и светлых надежд для будущих потомков, грядущего времени:

*Я у судьбы прошу такую малость:
Чтоб доля лучшая моим родным досталась,
И чтоб меня не мучила усталость,
Обида чтобы в сердце не держалась,
Любая боль чтоб болью не казалась,
Чтоб одолеть могла беду, что мне досталась,
Я у судьбы прошу такую малость...*

Или другое произведение «Отпускаю тебя», полное грустных размышлений, раздумий, переживаний... Но всё это ничто по сравнению с тем, что она чувствует свою правоту и праведность перед своей судьбой, перед Творцом, а это, думается, многого стоит. И никакие обвинения, конечно же, относительно его и себя – не уместны сейчас:

*Отпускаю тебя. Я тебя отпустила.
Терпеливо у неба прощенья просила:
За любовь, которую в сердце носила,
За желанья, которые я погасила.*

*Отпускаю тебя. Я тебя отпустила.
Я удары судьбы благосклонно сносила.
Все обиды покорно забыла, простила.
Да простит меня Бог, ведь в прощении – сила!
Отпускаю тебя, отпустила...
А иначе зачем тогда мне моя сила?*

Я с большим удовольствием познакомился с удивительными, правдивыми, праведными произведениями Валентины Васильевны Кравченко, в которых отображаются жизнь и судьба ребёнка страшной войны, а вместе с этим, с её судьбой – правдивая судьба военного и послевоенного времени всей нашей многострадальной Родины. В своих рассказах, новеллах, зарисовках она учит нас терпеливости, чтобы мы всегда были готовы прийти на помощь тем, кто оказался в трудной, безвыходной ситуации. Ибо всё в этом подлунном мире взаимосвязано, и мы, конечно же, должны знать, что за все свои деяния получим сполна.

***

Многоуважаемая Валентина Васильевна! Вы сделали невозможное возможным! В очень трудные годы, когда балкарцы только-только возвращались из политической ссылки, из небытия, из страшной депортации... Вы зажгли лучик света, лучик надежды в сердцах и душах,

который потом, со временем, воссиял, как само солнце. Очень ярко, неповторимо, оживляя, вылечивая все страшные раны, полученные во время пребывания представителей балкарского народа в рукотворном аду Средней Азии и Казахстана. Ещё раз: огромное, сердечное Вам спасибо за всё, что Вы сделали во имя справедливой жизни на земле, и за чудесное творчество!

ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) ¹

Как было сказано выше, и в адыгском языческом празднике «ВакІуэихъэж» («завершение пахотных работ») главным действующим героем выступал «танцующий козел». Он тоже был одет так, чтобы весь его облик был похож на козла. Этот праздник проводился весной. Он начинался в поле, где произошла распашка последнего земельного участка общества. Отсюда «танцующий козел» в сопровождении своих помощников, народа с арбой, на которой установлена перекладина, направлялся в село. На перекладине висели дощатые или бумажные изображения различных животных. За арбой шла группа всадников – лучших стрелков села. Они на ходу стреляли из лука в фигуры животных и сбивали их. За ним следовало жюри, которое определяло победителей. Последние в конце получали призы. Во время всего шествия «Ажэ-къафэ» («танцующий козел») смешил и веселил людей. Так, эта группа во главе с ним заходила в каждый двор села и получала от хозяев различные подарки, начиная от живых овец и козлов до различных кушаний ².

Таким образом, в этих играх древних греков и адыгов наблюдаем аналогию, связанную с «танцующим козлом», и это, на наш взгляд, не случайное совпадение. Здесь следует отметить, что этот праздник возник первоначально у фраков, поскольку Дионис – выходец из Фракии. А греки переняли это божество, и оно стало греческим.

Одним из распространенных языческих богов адыгов является Ахин (Ахын). Он первоначально был богом воды (океана, моря). Это слово происходит от «хы» (в переводе с адыгского – море, океан). К примеру, адыги Черное море называли Ахином. Но впоследствии Ахин стал покровителем крупного рогатого скота. У адыгов был обряд, связанный с этим божеством. В частности, Хан-Гирей указывает на один из таких обрядов. Осенью отбивали одну корову от своего стада и гнали к священной роще или дереву, привязав к её голове сыр и хлеб. Жители окрестных сел сопровождали эту жертвенную корову. Её называли «самошествующая Ахинова корова». При достижении этого священного места её приносили в жертву. Этот праздник проводился через каждые три года. Жертвоприношение сопровождалось специальными ритуальными танцами, песнями ³. Танцевали

¹ Продолжение (начало см. в № 1, 2023).

² Унежев К. Х. История религий Кабардино-Балкарии. Нальчик. 2007. С.124–126.

³ Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 98.

вокруг священного дубового дерева – Ахынтам, взявшись за руки ⁴.

В этой связи мы наблюдаем любопытную аналогию у древних греков. При основании города Трои (Илиона), по легенде, один из предков царя Трои Приама – Ил однажды участвовал в состязаниях, проводимых во Фригии, и там победил всех героев. За это ему дал царь Фригии пеструю корову и сказал, чтобы он шел за коровой и там, где она остановится, основал бы город. Он так поступил и основал Трою ⁵.

Как видно из всего сказанного, и у древних греков, и у адыгов не просто была священная корова, но она приводила людей к священному месту. Определенный интерес представляет в этом плане то, что священная корова была подарена Илу фригийским царем, то есть эта легенда не греческая, а фригийская, перешедшая к грекам. А фригийцы, как известно, – фракийский народ, который является одним из предков адыгов.

Как было сказано выше, немало аналогий между древними греками и адыгами в семейной жизни, свадебных обрядах и т. д. В частности, в главном городе Аттики законным считался брак между свободным гражданином и дочерью другого свободнорожденного. Дети от неравного брака рассматривались как незаконнорожденные и лишались гражданских прав и права наследования. Перед заключением брака оговаривался размер приданого. А при разводе часть приданого возвращалась семье невесты. И у адыгов действовали такие же правила. Например, у них ребенка от неравного брака называли «тумой» и он не мог наследовать статус отца.

Много аналогий между древними греками и адыгами и в свадебных обрядах. Например, по обычаю древних греков, когда выдавали девушку замуж, пиршества и торжественные проводы дочери проводились в доме её отца. На самой свадьбе новобрачная, лицо которое было скрыто под фатой, сидела отдельно от гостей, в кругу своих сверстниц. Когда новобрачные входили в дом, их осыпали финиками, орехами, монетами.

Древние греки очень оберегали беременную женщину. Она не должна была переживать о чем-либо, наблюдать за страдающими людьми и т. д. Словом, она должна была переносить время своей беременности в радостном, безмятежном и кротком настроении ⁶.

Теперь, если сравнить эти моменты с обычаями адыгов, то мы здесь видим много общего.

Во-первых, по адыгскому обычаю, невесту, как и в Греции, похищали (умыкание) или официально ездили за ней в дом её родителей. По-адыгски это «фызышэу къэшэн».

Во-вторых, адыги, как и древние греки, невесту вводили в дом роди-

---

⁴ Нартхэр. Нальчик, 1995. С. 253.

⁵ Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 224.

⁶ Винничук Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 138–154.

телей жениха («унэ ишэ» – ввод невесты в дом жениха), сопровождая невесту осыпанием её монетами, конфетами и другими вещами.

В-третьих, во время беременности невесты, по адыгскому обычаю, она не должна была переживать о чём-либо. В частности, ей запрещалось посещать похоронные и другие мероприятия, где она могла бы увидеть страдания людей. Она должна была за весь период своей беременности питаться рационально, получать умеренную физическую и эмоциональную нагрузку, как это было принято в Древней Греции.

У адыгов и греков были одинаковые условия заключения брака и развода и т. д. У тех и других считалось недопустимым появляться супругам вместе в обществе. По этому поводу Фредерик Дюбуа де Монпере писал: «Как в Лакедемоне (в Спарте – К. У.), женатый мужчина (черкес – К. У.) не решается показываться на людях вместе со своей супругой, он может навещать её только без посторонних; узнавать что-либо или говорить с женщиной о его супружеской жизни – большая бестактность»⁷.

Как отмечено выше, много общего между адыгами и греками во многих сферах жизни общества, в том числе в системе воспитания детей, феодальных отношениях, военной культуре и т. д.

Тот же Фредерик Дюбуа де Монпере приводит примеры параллелей в системе воспитания детей состоятельных слоев населения. В частности, он отмечал, что Пелея отдала Ахиллеса на воспитание кентавра Хирону. Он говорил, что с этим обычаем встречаешься ещё у черкесов, абхазцев и у части грузин. Он имел в виду институт аталычества у горцев⁸.

Некоторые авторы приводят данные о взаимовлиянии языков древних греков и адыгов. В частности, А. К. Шагиров утверждал, что адыгское слово «хьыдан» (дословно – кусок ткани, тряпка – К. У.) произошло от греческого слова «хитон»⁹. Но с этим утверждением можно поспорить. Дело в том, что это слово греки позаимствовали у семитов. Но можно предположить, что, в свою очередь, последние позаимствовали его либо у хаттов или касков, либо у других древних этносов, которые генетически связаны с адыгами. На такую мысль наводит перевод кабардинского слова «хьыдан» Оно двусложное: «хьы» – сеть, вуаль и «дэн», «дын» – шить, прясть. То есть «хьыдан» переводится как «шить, прясть сеть, вуаль». Другими словами, «хьыдан» («хитон») означает «кусок ткани». На самом деле хитон представлял из себя кусок ткани или вид короткой рубашки без рукавов.

---

⁷ Фредерик Дюбуа Де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым. //АБККЕА. Нальчик, 1974. С. 440.

⁸ Там же.

⁹ Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989. С. 8–9.

Далее А. К. Шагиров утверждает, что адыги позаимствовали у греков и слово «пастэ»¹⁰. Оно, мол, происходит от греческого слова «паста». При внимательном рассмотрении этимологии слова «пастэ» станет ясно, кто у кого это перенял. Дело в том, что это слово образуется из двух адыгских слов: «уп1э, уп1эн», («утрамбовывать», «укатывание», «уплотнение руками») и от слова «убзытэн» («нарезать кусками»). На самом деле пасту адыги подают кусками, нарезанными в холодном или в горячем виде – тоже кусками, но накладывают её в тарелку деревянной лопаткой (бэлагъ). Таким образом, слово «пастэ» – это то, что подается в нарезанном виде, и укатанное густо сваренное пшено.

В Италии и других странах макаронные изделия называются «паста». Но они приготовлены из пасты (пастэ).

Следует также отметить, что просо выращивали предки адыго-абхазов с незапамятных времен, и эта культура является их национальной сельскохозяйственной культурой. Из пшена адыги готовили и готовят различные блюда и напитки: (махъсымэ-буза); халву (хьэлыуэ); лепешки (мэжаджэ); первое блюдо типа супа (хьэнтхьупс); пасту (пастэ) и др. Последнюю они едят почти со всеми мясными и молочными блюдами, с солениями и зеленью.

Кроме этого, адыги (черкесы) готовили разнообразную походную пищу из пшена. Например «кьуэгьул» из просяной муки с медом. Это специальная пища, которая употреблялась в экстремальных условиях, когда раненый воин оставался один, без всякой посторонней помощи. Эту еду готовили из смеси мелкоизмельченной, перемолотой сушеной козлятины, прожаренной просяной или кукурузной муки и меда. Этот продукт хранили в газырях черкески каждого воина.

Адыги вывели и выращивали девять сортов проса, и эта культура была известна предкам адыгов с незапамятных времен. Исходя из этих обстоятельств, скорее всего, древние греки переняли у адыгов слово «паста». Такого ассортимента блюд из пшена, как у адыгов, у греков нет.

И если корейцы, китайцы и японцы создали в свое время рисовую цивилизацию, то адыги (черкесы) создали пшеничную цивилизацию. Последние широко используют её не только как продукт питания, но некоторые её сорта так же широко использовали как фураж для корма лошадей, домашней птицы и других домашних животных. Здесь следует отметить, что, по мнению многих авторитетных ученых с мировым именем, древние предки адыгов научили греков садоводству, производству злаковых культур, металлургии и т. д.

Ученые также связывают греческое слово «психе» – «душа» с адыгским словом «псэ» с тем же значением¹¹. Но и здесь нужно иметь в виду,

¹⁰ Там же.

¹¹ *Бетров Р. Ж.* Адыги: Возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. С. 188.

что в основе многих адыгских слов, даже имени одного из главных языческих божеств «Псатхь» – Псатха, лежит слово «псэ» – «душа. Например, : «псальэ» – «слово», – где в основе тоже лежит «псэ» – «душа», состоит из двух слов: «псэ» – «душа» и «лъэ»; «ильып1э» – «вместилище души»; «псынэ» – «родник» и т. д. Так же много слов в греческом языке, связанных с адыгским словом «псы» – вода, река.

Немало слов в греческом языке с основой «Тха». «Тхьэ» – Бог по-адыгски, а по-гречески – Theos. Кстати сказать, названия божеств, в основе которых лежит слово «Тха» – «Тхьэ» имеются во многих языках мира, в том числе в египетском, древнегерманском, древнесемитском и др.

Е. А. Ахохова справедливо отмечает, что истоки слова «Тха» («Тхьэ») уходят в глубь истории, задолго до установления контактов между древними греками и адыгами. И это слово – «изобретение» последних. Время появления теонима «Тха» в адыгских языках гораздо древнее античности. Это всё доказывает, что древние греки переняли это слово у адыгов¹².

Следует здесь также обратить внимание на то, что в основе многих адыгских слов лежит слово «Тхьэ».

Надо полагать, что хеттские слова «ranku» – «собрание» и «ranku» – «род», перешли от хаттов (протохеттов), а затем – к грекам. А слово «ranku» происходит от адыгского слова «пэк1у» «собрание, митинг, совещание». В свою очередь, это слово происходит от слова «к1уэн» – «идти», «пэк1уэн» – «пойти на встречу». Таким образом, слово «пэк1у» стало у греков «rankus» – «собрание». Оно у хаттов и хеттов означало «военный совет».

Надо полагать, что и греческое слово «гарпия» – богиня вихря – заимствовано у древних адыгов от слова «гьуэжькуий». Оно состоит из «гьуэжь» – желтый и «куий». На самом деле вихрь (гьуэжькуий), как правило, имеет окраску желтого цвета.

История этих народов знает немало случаев, когда греки выступали союзниками хеттов в их борьбе с врагом. Например, Хеттское царство еще в XIV–XIII вв. до н. э. поддерживало дружеские связи с предками греков. Дарданцы сражались на стороне хеттов против Египта в битве при Кадеше в 1286/5 г. до н. э. (в других источниках говорится, что битва состоялась в 1274 г. до н. э.)

Хетты и ахейцы находились в таких дружеских отношениях, что родственников царя Аххиявы посылали в страну Хатти, чтобы они там учились управлять колесницами¹³. Они там учились не только военному делу, но и многому другому, в том числе изучали обычаи и традиции, мифологию. Словом, происходил между ними ширококомасштабный диалог

---

¹² Ахохова Э. А. Природа теонима: «Тха» («Бог»): Базовые гипотезы. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 112–117.

¹³ Герни О. Р. Хетты. М., 1987. С. 34, 44–54.

культуры. Некоторые авторы утверждают, что древние адыги и их предки участвовали в Олимпийских играх в Древней Греции¹⁴.

Немало аналогий между древними греками и адыгами в застольном этикете. Например, как у адыгов, в Древней Греции в трапезах, не носящих семейного характера, женщины участия не принимали, самого старшего гостя за стол сажали справа от хозяина. Последний выполнял роль Тхамеды. Самое отдаленное место от старших за столом отводилось младшим. На торжествах верховным распорядителем выступал в Древней Греции симпозиарх (он совмещал на торжествах роль Тхамеды и хагияко адыгов).

Как известно, эти условности четко прописаны в адыгском этикете (Адыгэ хабзэ).

Много подробных аналогий мы находим в этом вопросе между древними греками и адыгами. Например, как у последних, у древних греков, был одинаковый принцип рассаживания гостей и представителей принимающей стороны застолья. В частности, и те, и другие отводили самое почетное место за столом хозяйину дома, а второе место – старшему из гостей и т. д.

А что касается Тхамеды у адыгов и симпозиарха у греков, то их избирали по одним и тем же требованиям и принципам. Вот что сказал Кратон по этому поводу: «...если начальником стражей, согласно Платону, должен быть надежнейший из стражей, то и начальником пьющих должен быть надежнейший из пьющих». Далее Плутарх в «Застольных беседах» подробно перечисляет, какими качествами должен обладать симпозиарх, то есть Тхамеда по-адыгски: «Он должен не быть чуждым ни серьезности, ни шутливости... Симпозиарху необходимо считаться с общими различиями природных свойств и возрастов (гостей – К. У.). Он должен знать особенности характера каждого сидящего за столом, зная их, симпозиарх будет более способен поддерживать доброе согласие и благочиние в застолье»¹⁵.

Таким образом, многие традиции и обычаи адыгов уходят в глубь тысячелетий.

Теперь относительно того, кто из них выступал «восприемницей», а кто – «отдающей» стороной. На этот довольно сложный вопрос пытались ответить отдельные ученые, и они, на наш взгляд, достигли значительных успехов.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что именно между древнейшими греками и адыгами, вернее, их предками, много аналогий в их культуре в целом. Это касается фольклора, в том числе эпоса, мифологии, религии, обычаев, традиций и др. Наличие такого огромного количества параллелей в культуре этих народов – неслучайное явление. Надо полагать, что они появились не в одночасье и имели свои довольно веские причины.

¹⁴ Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1992. С. 14.

¹⁵ Плутарх. Застольные беседы. Л., «Наука». 1990. С. 14–17.

Обращают на себя внимание причины наличия сходных параллелей в национальных вариантах нартского эпоса у разных народов Кавказа. Мы полагаем, что не будет большим заблуждением, если и в нашем случае мы укажем на эти причины.

В частности, В. И. Абаев объяснял общность и близость национальных вариантов нартского эпоса у горцев следующими причинами.

Первое: если данные народы находятся в генетическом родстве между собой, то общее может быть унаследовано от тех времен, когда эти народы жили ещё вместе и составляли один народ. В этом плане относительно Кавказа он имел в виду адыгов и абхазов, у которых их генетическое родство никто не оспаривает.

Второе: когда тот или другой народ формируется на основе субстрата другого народа и очень многое из их языка и фольклора передается формирующемуся народу (в этом плане ученый приводит пример с осетинами и адыгами, где последние выступили в роли субстрата при формировании осетинского этноса).

Третья причина наличия общего в мифологии и фольклорных мотивах и сюжетах разных народов – одинаковые условия материального и общественного существования, при которых порождаются одинаковые формы их, как отмечал Ф. Энгельс, «фантастического отражения в головах людей», то есть когда формируются одинаковые формы общественного, в том числе религиозного и иного, сознания. Одинаковые условия жизни порождают много общего в мифологии, фольклоре, в том числе и эпосе, хотя эти народы генетически ничего общего не имеют друг с другом.

Четвертая причина появления сходных элементов разных народов – это заимствование одним народом у другого в результате их длительного соседства, общения и культурного обмена, когда разные народы жили долгие годы единой культурной жизнью¹⁶.

На наш взгляд, можно учитывать эти факторы при объяснении причин наличия общего в мифологии, фольклоре, в том числе в эпосе, традициях и обычаях у древних греков и адыгов (черкесов).

Прежде всего, необходимо учитывать, что протогреки – ахейцы, данайцы и другие – с незапамятных времен жили бок о бок с хаттами, хеттами и касками и им родственными народами в Малой Азии и в восточном районе Балкан (фраки и др.), а позже те же греки – с синдо-меотами на Северном Кавказе, тоже предками адыгов (черкесов).

Нельзя исключать и то, что некоторые протогреки имеют генетическое родство с хаттами, касками и им родственными племенами. Многие из этих параллелей в их культуре, может быть, выработались в то далекое время. В этом плане я склонен предполагать, что адыги (черкесы)-ахейцы,

---

¹⁶ Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Т. 1. Владикавказ, 1990. С. 292–295.

зихи, гениохи и другие имеют генетическое родство прежде всего с до-рийцами (спартанцами) и другими греческими племенами. Иначе откуда столько подробных параллелей между ними?

Что касается одинаковых материальных и иных условий их жизни, то здесь много общего между этими народами. Далее – момент заимствования многих элементов культуры одним народом у другого тоже мог иметь место, но не в такой степени и не так детально, как наблюдается у древних греков и адыгов. И здесь надо иметь в виду, что греки и их далекие предки жили по соседству и со многими другими народами и при одинаковых условиях жизни, но такого количества параллелей в их культуре мы не наблюдаем. Это тоже неслучайно.

Таким образом, чтобы ответить на довольно интересный вопрос причин параллелей в культуре древних греков и адыгов, о которых сказано выше, мы должны обратиться к этногенезу и этнической истории тех народов, которые проживали на территории, где позже поселились древние предки греков. Проблема требует дальнейшего всестороннего исследования.

И последнее. Необходимо отметить, что какие бы контакты ни устанавливались между различными народами, независимо от уровня их развития, они не проходят односторонне. В любом случае происходит взаимовлияние в экономической, социальной и особенно в культурной жизни. Но вопрос в том, кто больше оказал влияние и на кого. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть временные рамки развития того или иного этноса, то есть кто раньше вышел на историческую арену и каких успехов достиг.

С этой точки зрения, если подойти к древним грекам и предкам адыгов, как было сказано выше, необходимо возвращаться к истории хаттов, касков, синдо-меотов и их родственных народов – далеких предков абхазо-адыгов. К ним прежде всего относятся фраки с их многочисленными ветвями – фригийцы, пеласги и т. д., кельты, лигурцы, киммерийцы, мидяне, касситы, лелеги, ликийцы и многие другие.

Общеизвестно, что эти народы, в том числе хатты и каски Малой Азии и им родственные народы, значительно раньше создали свою цивилизацию. И многие из них проживали во многих районах, где позже появились предки греков.

В Юго-Западной Европе еще в период неолита и энеолита лиго-кельты и рето-этруски, которые относятся к фрако-иллиро-пеласгам и медо-касситским народам, гораздо раньше индоевропейцев, в том числе греков, создали свою великую цивилизацию. Как было сказано выше, последние являются древнейшими предками адыго-абхазов.

Учеными доказано, что первые индоевропейцы, в том числе предки греков, начинают проникать в Европу в эпоху бронзы и уже массово заселяются ими с середины этого периода (1600–1400 гг. до н. э.).

Например, такие древние народы Европы, как лигуро-кельто-пеласго-иллиро-фракийцы, гораздо раньше, чем греки, жили в Фессалии – на севере

Греции, возле Эгейского моря, Аттике – на востоке центра Греции, в Пелопоннесе – на юге Греции, Эгейский мир и т. д. Позже в этих и других частях Греции появились предки греков, вытеснив их или смешавшись с ними.

В этом плане Геродот дает интересные сведения. Например, он отмечал, что «...самые выдающиеся из эллинов – это лакедемоняне и афиняне. Первые – среди дорийского племени, а вторые – среди ионийского. Это были два наиболее значительных тогда эллинских племени. Так, ионяне первоначально были пеласгийского происхождения, а дорийцы – эллинского. Ионийское племя никогда не покидало своей земли, дорийское же – очень долго странствовало. Ибо во времена царя Девкалиона оно обитало в земле Фтиотида, а затем при Доре, сыне Эллина, – у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеотида. После изгнания из Гистиеотиды кадмейцами дорийцы поселились у Пидна и назывались теперь македнами. Отсюда это племя снова переселилось в Дриопиду, а оттуда прежде всего в Пелопоннес, где и приняло имя дорийцев.

На каком языке говорили пеласги, я точно сказать не могу. Если же судить по теперешним пеласгам, что живут севернее тирсенов в городе Крестоне (они некогда были соседями племени, которое ныне называется дорийцами, и обитали тогда в стране, теперь именуемой Фессалиотида), и затем – по тем пеласгам, что основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте и оказались соседями афинян, а также и по тем другим городам, которые некогда были пеласгическими, а позднее изменили свои названия. Итак, если, скажу я, из этого можно вывести заключение, то пеласги говорили на варварском языке. Если, стало быть, и все пеласгическое племя так говорило, тогда и аттический народ, будучи пеласгическим по происхождению, также должен был изменить свой язык, когда стал частью эллинов. Ведь еще и поныне жители Крестона и Плакии говорят на другом языке, не похожем на язык соседей. Это доказывает, что они еще и теперь сохраняют своеобразные черты языка, который они принесли с собой после переселения в эти края»¹⁷.

Он далее отмечал: «...что до эллинского племени, то оно, по-моему, с самого начала всегда говорило на одном и том же языке. До своего объединения с **пеласгами эллины были немногочисленны** (выделено нами – К. У.). Из такого довольно скромного начала они численно возросли и включили в себя множество племен, главным образом оттого, что к ним присоединились пеласги и много других чужеземных племен. Итак, по крайней мере, до соединения с эллинами, как я думаю, племя пеласгов, пока оно было варварским, так никогда и не стало значительной народностью»¹⁸.

Пришельцы, то есть предки греков, частично разрушили очаги древ-

---

¹⁷ Геродот. История. Кн. 1. 56–57.

¹⁸ Там же. Кн. 1. 58.

ней культуры предков адыгов, но переняли многие элементы материальной и духовной их культуры. В том числе мифологии, религии, языка, обычаев, традиций, системы народной педагогики, военной культуры и многое другое.

Кто на кого больше оказал влияние в диалоге культур предков древних греков и адыгов? Черкесы напрямую происходят от первых жителей Европы, о которых мы говорили выше. Греки восприняли их культуру и развили дальше. По-другому нельзя объяснить греческое чудо: мифология, искусство, наука греков своим существованием на три четверти обязаны предшественникам; металлургия, культура зерновых, использование лошади, внедрение боевой колесницы – всё это вклад последних; очень важный миф об огне Прометее также принадлежит *догреческому миру*. (выделено нами – К. У.).

Наука уже доказала, что цивилизация эпохи неолита и энеолита, которая зародилась в Юго-Западной Европе, была создана лигуро-кельтами и рето-этрусками, которые относятся к фрако-иллиро-пеласгам и медо-касситским народам, то есть древнейшим предкам адыго-абхазов.

Общеизвестно, что первые индоевропейцы, в том числе и предки греков, начали проникать в Европу в эпоху бронзы и уже массово заселяют ее в середине этого периода (1600–1400 гг. до н.э.)¹⁹.

Пришельцы, то есть предки греков, разрушили культуру древних народов. А всё, что осталось, было сосредоточено в Трое, население которой состояло из предков адыго-абхазов. Таким образом, культура и её население представляли доэллинический мир, то есть догреческий. Троя стала культурной столицей старого мира.

Анатолий Абросков приводит любопытные факты по этому поводу. В частности, он пишет, что «согласно археологическим и лингвистическим данным, Троя была индоевропейским городом, тесно связанным с культурой Причерноморья, Приазовья и Каспийской степи, народами индоевропейской языковой группы (лувийцы, хетты, народы Майкопской культуры – гаплогруппа R1b – M269 или R1b – L23). Самые древние находки в Трое датируются 3000 годом до н. э., что соответствует периоду расцвета культуры Майкопа (Кавказ). Троя, возможно, была основана выходцами Майкопской культуры, которые основали колонию, для обеспечения торговых путей между Чёрным морем и островами Эгейского моря. Основание Трои в точности совпадает со временем строительства первых галер»²⁰.

На фоне борьбы между старым миром и новым – греческим, даже сами боги не могли оставаться равнодушными, как метко выразился А. Намиток. Они разделились на два противоположных лагеря: Гера, Паллас, Афина, Посейдон, Гермес, Гефест приняли сторону ахейцев. Арес, Феб, Артемида, Афродита, Латона, Ксанф встали на сторону троянцев и их со-

¹⁹ *Айтек Намиток*. Происхождение черкесов. Краснодар, 2019. С. 319.

²⁰ *Анатолий Абросков*. Этруски и пеласги.

юзников. Но можно сказать, что в целом поддерживающие троянцев имели фрако-пеласгское происхождение. К примеру, самое главное божество всех сторонников Трои и её жителей – Арес, был фракийским. Об этом говорит и Гомер. Мы выше говорили о близости фракийцев и троянцев, что подтверждается, наряду с другими факторами, топонимикой, сходством во многом языка, религии, традиций, обычаев и т. д.²¹

По поводу языкового сходства между троянцами, фраками и черкесами А. Намиток приводит убедительные доводы. В частности, он пишет, что многие слова в греческом языке можно объяснить через черкесский язык или соответствия в этом языке. Эти доэллинистские элементы в греческом языке имеют фрако-пеласгское происхождение.

Как известно, черкесы имеют с ними прямую родственную связь. Ученые давно доказали, что греческий и латинский языки заимствовали слова у народов доэллинистского периода, особенно у фраков. Пришельцы, то есть предки греков, никак не могли обойтись без словарного арсенала народов доэллинистского периода, особенно фракийцев с его многочисленными ветвями. Как было отмечено выше, многие слова этих народов, которые заимствованы греками, относятся к черкесскому языку²².

Таким образом, все факты, приведенные выше, свидетельствуют о том, что в культурном диалоге между древнейшими предками греков и адыгов, «отдающей» стороной выступили в большинстве случаев, последние, то есть предки адыгов (черкесов).

Как было отмечено, они достигли значительных успехов в материальной и духовной культуре, что восприняли и развили предки греков после колонизации ими территории.

Хатты, как известно, впервые получили железо. Значительных успехов они довольно рано достигли в земледелии, скотоводстве и культуре. Еще в VI–V тысячелетиях до н. э. хатты уже занимались оседлым земледелием, были знакомы с гончарным производством²³.

В III тысячелетии до н. э. родственные им племена на Северном Кавказе – синдо-меоты – были тесно связаны с ними. Кавказский перешеек в то время в культурном отношении являлся более передовым районом, чем Западная Европа²⁴. Эти связи между хаттами и синдо-меотскими племенами не ограничивались торговлей, ещё в VI–V тысячелетиях до н. э. происходили миграционные процессы. Например, в эти эпохи с Северного Кавказа хатты мигрировали в Малую Азию и обратно.

---

²¹ *Айтек Намиток*. Происхождение черкесов. Краснодар. 2019. С. 30, 192–194.

²² Там же. С. 241–245.

²³ *Ловпаче Н. Г.* Мировоззрение древних атыхов, хаттов. // Мир культуры адыгов. Майкоп. 2002. С. 23–34. *Айтек Намиток*. Происхождение черкесов. Краснодар, 2019. С. 319.

²⁴ *Крупнов И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 47.

Языковеды отмечают, что прасеверо-кавказский язык, к которому относится древнехаттский, с незапамятных времен был распространен не только в Передней Азии, но даже в Восточно-Средиземноморском бассейне²⁵.

Поэтому можно предположить, что совместное обитание атыхов-солнцепоклонников и хаттов – не результат агрессии какого-то чужого народа в лице последних против атыхов, а совместное проживание двух родственных племен²⁶. Об этом пишут многие авторы. Например, Дж. Маккуин писал, что скотоводы Северного Кавказа – «атыхи» и земледельцы – «хатты» – родственные племена, которые с IV-го тысячелетия до н.э. жили на Северном Кавказе²⁷. А В. Г. Ардзинба сравнивал главного бога хаттов Телепину с адыгским божеством Глепшем²⁸.

Огромную роль в укреплении многосторонних связей Малой Азии и Северного Кавказа сыграли киммерийцы, фракийцы, синды, генетическое родство между которыми отмечают многие ученые²⁹.

С учетом этих и других обстоятельств, можно полагать, что ахейцы – предки греков – в первую очередь столкнулись с жителями Малой Азии, затем смешались с ними и начался между ними культурный диалог. Затем греки, продвигаясь на восток, дошли до «Края земли» (Кавказа – К. У.), где встретились с родственными хаттам и каскам племенами – синдо-меотами, после чего и расширился их культурный диалог. Здесь также необходимо учесть, что в мифологии, легендах и поверьях много общего у народов Кавказа. Об этом говорит тот факт, что легенды о титанах, прикованных к горам, есть у армян, грузин, абхазов, адыгов, осетин с разными именами³⁰.

Ученые отмечают, что, например, адыгский титан Насрен-Жаке гораздо старше греческого Прометея. И неслучайно последний был прикован к горам Кавказа. У греков гора «Эльбрус» – скорее всего «Стабилос», или «Стробул». Этот сюжет говорит о том, что греки переняли этого героя – Прометея у адыгов.

По этому поводу, на наш взгляд, удачно высказался еще в 60-е годы двадцатого столетия И. В. Тресков. Он, в частности, отмечал, что явное сходство ряда конкретных художественных черт в образе Прометея и кавказских богоборцев, упорное приурочивание места страданий Прометея к Кавказу, кавказская обстановка всех событий, связанных с этим мифом,

---

²⁵ Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. Древняя Анатолия. М., 1985. С. 60–73.

²⁶ Ловиче Н. Г. Мировоззрение древних атыхов, хаттов. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 25.

²⁷ Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники Малой Азии. М., 1983. С. 30.

²⁸ Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. Л., 1982. С. 135.

²⁹ Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 162–163.

³⁰ Гадагатль А. М.. Героический эпос. Нарты и его генезис. Краснодар, 1967. С. 157–163.

дают основание выдвигать предположение о его кавказском происхождении. Он далее отмечал, что кавказские сказания о прикованных к горам великанах возникли в так называемый «доэллинический период», то есть раньше, чем у греков. Точно так же богоборческие мотивы Со-сруко, Батараз, Насрен и другие являются тоже более древними, чем греческие³¹.

По проблеме Прометея много любопытных и убедительных фактов приводит Ф. А. Щербина. Он пишет, что «прародитель греков Прометей находился на Кавказе у Эльбруса, а его сын Девкалион с женою Пиррою ушли отсюда (с Кавказа – К. У.) к юго-западу, в Грецию, и восстановили здесь после потопа род человеческий»³².

Он справедливо отмечает: «Почему, в самом деле, грекам, имевшим свои священные горы и целый Олимп, обиталище богов и героев, потребовалось переселить величайшего героя и полубога Прометея на Кавказ? Ведь все другие греческие герои – Язон, Улисс и сам Геркулес – имели больше связей и общения с Грецией, чем Прометей. Прометей был не ниже их по своему происхождению и роли в жизни людей. И вот этого-то именно героя и полубога греческая фантазия и отправила куда-то далеко на Кавказ, на скалу Скифии»³³.

Геродот пишет, что Прометей был Царь скифский. Так как он не мог доставить своим подданным, скифам, необходимого пропитания вследствие разлива реки, называвшейся Аэтом, то есть Орлом, скифы надели на своего царя Прометея оковы. Тогда прибыл в Скифию Геркулес. Он отвел реку Аэт в море. После этого скифы освободили Прометея от оков. Здесь необходимо учесть, что античные авторы относили к скифам более 55 народностей, в том числе киммерийцев, меотов и других предков абхазо-адыгов. Они все считались родственными народами³⁴.

Горцы Кавказа, особенно черкесы, так высоко чтили Прометея (Насрен-Жаке), что ставили его выше богов высшего ранга – Зевса и Афины. Им ближе был Прометей, чем греческие боги, которым они не приносили жертв, или, иначе говоря, без которых они обходились, высоко почитая вместе с тем Прометея³⁵.

Далее он пишет, что самое пребывание Прометея на Эльбрусе указывает на то, что здесь, на Кавказе, должны были жить первобытные люди, представители древнего палеолитического периода. То был собственно не греческий Прометей, титан и полубог, а обыкновенный смертный, не зна-

³¹ Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 175–176.

³² Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. История края. Екатеринодар. Т.1. 1910. С. VIII.

³³ Там же. С. 140.

³⁴ Там же. С. 226, 132.

³⁵ Там же. С. 133.

комый еще с богами и религиозным культом, но ознакомившийся уже с использованием огня и ознакомивший с тем же других людей³⁶.

Из этого следует, что способ добывания огня появился именно здесь, на Кавказе. А одними из древнейших автохтонных народов этого региона, как известно, были адыго-абхазы. Другими словами, Кавказ открыл эпоху неолита в истории человечества. Как известно, в этот период совершается настоящая революция во всех сферах жизни человеческого рода, в том числе и в его сознании. Поэтому он называется «Неолитической революцией», в результате которой люди перешли от присваивающего хозяйства к производящему.

Здесь следует отметить, что именно на Кавказе сформировалась арийская раса. Арийцы научились добывать огонь раньше, чем произошло между ними разделение и откололась индийская ветвь³⁷.

Именно в эту эпоху сложился миф о Прометее на Кавказе. Прометей помещали здесь все авторы, которые писали о нем. К ним, в частности, относятся: Геродот, Эсхил, Аполлоний Родосский, Флавий Арриан, Аполлодор, Гесиод, Ферекид и другие.

Необходимо отметить, что, несмотря на доисторический мрак, царивший в представлениях древних греков о Кавказе, Черноморском и Азовском побережьях, греки чувствовали с далеких времен какую-то отдаленную связь с нашими местами. Как известно, здесь претерпевал мучения их прародитель Прометей. От нас ушли в Грецию его сын Девкалион с супругой Пиррой, где возобновили род человеческий после потопа. В представлении греков, здесь находилось царство Аида. Тут жили дети Пеллазга, сюда на берега Понта совершали поход аргонавты за золотым руном во главе с Ясоном. Земля предков адыгов была местом обитания бога ветра Борея (Борэн – по-адыгски). Из этих мест нападали на малоазийских греков воинственные киммерийцы – одни из предков адыгов и т. д. Все эти факты говорят о том, что греки имели давнишние связи с нашими местами и проживавшими здесь народами, в том числе с предками абхазо-адыгов. Следы этих отношений остались и их жизни.

Дионисий Периегет утверждал, что воинственные ахеи, жившие южнее нынешнего Геленджика, осели на Кавказе, сопровождая после Троянской войны своего царя, сына Аретия. Их соседями были гениохи и зиги пеластийского происхождения. По словам Страбона, фтиотские ахеи, приехавшие вместе с Ясоном, населили Ахею, а Гениохию населили лакемоняне под предводительством Зекаса и Амфистрата. Таким образом, произошло смешение греков с адыгскими племенами.

Но здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство по поводу причин наличия у греков представлений о Кавказе задолго до колони-

---

³⁶ Там же. С. 142.

³⁷ Щербина Ф. А. История Кубанского Казачьего войска. История края. Екатеринодар. Т. 1. 1910. С. 140.

зации ими нашего края. Лично я считаю, что это разъединение произошло до этого процесса. И арийская раса впервые сложилась на Кавказе³⁸. Надо полагать, что задолго до колонизации греками районов Малой Азии, Причерноморья и Приазовья они соприкасались между собой, многие из них имели общие корни.

Нужно учитывать и тот факт, что от этих же арийцев Кавказа, то есть европейских, откололась часть из них и образовалась индоарийская ветвь. Другим словами, арийцы образовались на Кавказе, и часть из них мигрировала в сторону Индии и образовалась индоарийская раса. Всё это говорит в пользу того, что расселение людей по всей Евразии началось с Кавказа.

Следы арийцев на Кавказе сохранились в его топонимике, гидронимике, в языке, во многих других названиях. Например, Меотика (Меотида) получила своё название от имени древнеарийского божества Мапа – Великая Матерь, или Питательница. Греки считали Меотийское болото Матерью Понта (Черного моря), питавшего и наполнявшего его своими водами через Босфорский пролив. И само название «Кавказ» – древнеарийского происхождения. Первый его слог «каф», «хox» или «кох» означает гору. Итак, Кавказ это арийская местность. С Кавказа арийцы неоднократно проникали не только на Запад в Европу, от которых образовались индоевропейцы, но они также проникали в Азию³⁹.

Поэтому неслучайно мы наблюдаем много параллелей в культуре, языке и т. д. адыгов и народов Запада, в частности, греков, и Востока, особенно Индустана.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что индо-арийцы вышли из Европы, а не наоборот, как принято говорить. История не знает случая миграции людей из Азии в сторону Кавказа и Европы до начала нашей эры. Именно предки индо-арийцев вышли из Европы в Азию, так как трудно предположить, чтобы от маленькой индо-арийской народности, жившей будто бы в глубине Азии, в Бактриане, отделилось целых шесть мощных народов (греки, итальянцы, кельты, германцы, славяне, литовцы), прошедших Азию и занявших всю Европу⁴⁰. Как было отмечено, именно с Кавказа расселились люди по всей Евразии.

Таким образом, параллели в культуре древних греков и адыгов имеют давнюю историю, и они выработались на протяжении веков, в ходе многосторонних их связей. Они переняли многое друг у друга, но факты свидетельствуют о том, что в основном древние греки выступили стороной-восприемницей, ибо многие мифы и легенды, о которых мы говорили выше, были созданы древними предками абхазо-адыгов и им родственными племенами.

---

³⁸ Там же. С. 265–270.

³⁹ Там же. С. 246–247.

⁴⁰ Там же. С. VIII–IX.

Здесь необходимо иметь в виду, что древние предки абхазо-адыгов-хатты, каски и синдо-меотские племена гораздо раньше, чем греки, вышли на историческую арену и создали свою цивилизацию. Предки греков столкнулись с жителями Малой Азии в лице хаттов, касков и другими им родственными племенами, которые стояли в своем развитии на более высоком уровне как в материальном, так и в духовном отношении. Поэтому с уверенностью можно предположить, что греки в основном выступили в культурном диалоге между ними и древними адыгами стороной-восприимчивой.

В этом вопросе нельзя исключить и то, что в ходе многовековых контактов древних греков и предков адыгов создавались населенные пункты со смешанным населением, где проживали совместно древние греки и предки адыго-абхазов, и проходил процесс создания во многом общей культуры.

Приведем наглядный пример религиозных верований этих народов. Как было отмечено выше, многие греческие божества «поддерживали» троянцев во время их войны с протогреками-данайцами и ахейцами (например – Лето, Арес, Феб, Артемида, Афродита, Аполлон и др.)⁴¹. А мы знаем, что союзниками Трои выступили хатты, хетты и другие им родственные племена. Это наглядно видно у Гомера в его поэмах «Илиада» и «Одиссея».

Здесь необходимо иметь в виду, что греки переняли различные божества у других народов. Например, они переняли у фракийцев таких божеств, как Дионис, Арес и др. У адыгов функции первого выполняет Тхагаледж (бог плодородия и земледелия), а второго – Зекотха (Зеклуэтхъ – бог наездничества). При этом необходимо учесть родственную связь фракийцев и адыгов.

А что касается Аполлона, то он не просто поддерживал троянцев в их борьбе с ахейцами, данайцами и другими протогреческими племенами, но Зевс «приказал» ему и Посейдону нести рабскую службу у троянского царя Лаомедонта» – отца Приама.

Греческая мифология указывает, что местом рождения Аполлона является Хеттия (Хаттия). Аполлон – это не кто другой, как хеттский бог Апулунас (что означает «хранитель города или дома»). Греческого Аполлона также звали Аполлоном Агиея – Уличным (Дорожным). Поэтому среди множества местностей, которым приписывают место рождения Аполлона, предпочтение отдается хеттитам, то есть стране хеттов – (хатов-протохеттов) в Малой Азии⁴².

Из этого следует, что Аполлон (Апулунас) – не греческий бог, а хаттский, как и Дионис, Арес и другие негреческие божества.

Говоря о том, что Аполлон – не греческий бог, А. Ф. Лосев пишет, что он «пришел в Грецию именно со стороны и что он оттеснил многих

⁴¹ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 428.

⁴² Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 270, 365.

старо-греческих богов и героев, но не смог уничтожить их окончательно и создать такого же количества своих собственных праздников.

Совсем другую картину в этом отношении представляет собой как раз Малая Азия, где культ Аполлона очень древен и где с давних пор были его знаменитые оракулы. На Делосе же и в Дельфах, как это усиленно подчеркивают соответствующие мифы, Аполлон всегда мыслился пришельцем со стороны»⁴³.

Что касается многих других персонажей и героев греческого эпоса, то они тоже не греческого происхождения. Арриан утверждал, что Ахиллес был изгнан отсюда и поселился среди греков. А Страбон указывал, например, что Ахиллес был родом с берегов Меотиды (Азовское море), то есть из мест проживания меотов – предков адыго-абхазов, что возле Меотиды в селении Ахиллея есть святилище Ахиллеса⁴⁴.

Имя Ахиллеса можно переводить на адыгский как «Альдджхэ яхэс», или «Альдджхэ я хэхэс» – «Живущий чужой среди греков». От слов: «Альддж» – «эллин, грек», и «хэхэс» – «живущий среди чужих, то есть греков», или «Ахейхэ яхэс»: «ахейхэ» – греки, яхэс» – «живущий среди кого-то», или «живущий чужой среди ахейцев-греков». Адыгское слово «хэхэс» дословно означает «живущий среди чужих».

Некоторые авторы утверждают, что имя Ахиллеса убыхское. Например, Эдуард Богус из Адыгеи дает, на наш взгляд, любопытное объяснение по поводу имени Ахиллеса. В частности, он отмечает следующее: «Ахин» – убыхское слово, означающее «принц» (пшы щ'алэ), «молодой господин». «Ах», «ха» в адыго-убыхско-абхазских языках означает «высокий», «высочество». «Ахея» – княжество. Ахилл – великий воин (дзэпщ). Ахиллес – воин, герой, славный.

С этим можно согласиться. Но сначала следует дать некоторые пояснения. Например, слово «Ахея», можно предполагать, происходит от адыгского слова «Лакхэ» – «Лъапсэ», родина, место жительства. А имя «Ахилл» – это «Ахейхэ я лы хахуэ», то есть великий воин Ахеи. И, наконец, имя Ахиллес можно перевести как «Ахил лъэщ», то есть окончание слова «Ахиллес» – «лес» не что иное, как адыгское слово «лъэщ» (оно превратилось в «лес»). Из всего этого можно сделать вывод, что в любом случае «Ахиллес» является адыго-убыхско-абхазским словом и он наш герой.

У адыгов одним из самых строгих наказаний преступников было изгнание из своего сообщества, и в связи с этим появилось слово «хэхэс», то есть «живущий среди чужих». И действительно, Ахиллес был чужим среди греков. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что Ахиллес был выходцем из меотов, и это имя адыгское.

Как сказано выше, Зевс – тоже не греческий. Он имеет хеттское про-

⁴³ Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1957. С. 267–270.

⁴⁴ Страбон. География. Книга XI. М., 1994. С. 494.

исхождение. А именно, Зевс это не кто иной, как хеттский бог Касиу.

О том, что имена многих греческих богов переняты ими у других народов, в том числе у египтян, хаттов, хеттов, пеласгов, фраков и у других народов, которые имеют непосредственные родственные связи с адыгами, дает интересные данные Геродот.

Из всего этого следует, что имена многих греческих богов греки переняли от хаттов, хеттов, синдо-меотов и им родственных народов: фраков, пеласгов, теракесов, касситов и др.

В дальнейшем хетты выступили посредником в передаче многих элементов культуры хаттов другим народам, в первую очередь протогрекам и им самим. Г. Г. Гютербок отмечает, что хеттская мифология переняла многое у хаттов, проживавших в Анатолии, и они являются самыми древними жителями этого региона⁴⁵. К тому времени, когда язык хатти в середине II тысячелетия до н. э. стал мертвым, культура народа, на нем говорившего, была перевоплощена на хеттском языке. Вся ранняя мифологическая литература Древнехеттского царства, в частности, мифы, связанные с исполнением ежегодных царских праздников, представляет собой переложение образцов хатти⁴⁶.

На самом деле, как было сказано выше, многие греческие мифы были переняты у хаттов и им родственных народов.

Первыми из греков, кто установил контакты с жителями Анатолии, были эвбейцы, а затем жители о. Крит. Это произошло в период так называемых Темных веков в истории Греции (примерно в XI–VIII вв. до н. э.). Здесь тогда уже жили хетты, которые переняли многие элементы культуры хаттов и им родственных народов не только Анатолии, но и Балкан. А когда эвбейцы пришли в Малую Азию, они восприняли культуру (особенно мифологию) древних народов этого региона и адаптировали у себя в Греции. Помимо вышеперечисленных примеров в этом плане есть мифы о тифонах, о борьбе богов – отцов, сыновей и т. д.

Например, чудовищный Змей Тифон в греческой мифологии – с горы Кассиус (или Хаззи, Лысая гора), которая находится в Анатолии, на земле хаттов.

Вяч. Вс. Иванов пишет, что «миф хатти о Боге Грозы и Змее схож с греческой легендой о победе Бога Змееборца над Тифоном. Это не единственное свидетельство возможного воздействия литературы хатти (видимо, через дальнейшее хеттское посредничество) на позднейшую греческую»⁴⁷.

В клинописной табличке «Царствование в небе», найденной в Анатолии, сказано, что у хеттов был еще бог грозы и Тархунта (Тархунт). Он

---

⁴⁵ Гютербок Г. Г. Хеттская мифология. // Мифология Древнего мира. М., 1977. С. 161–162.

⁴⁶ Иванов Вяч. Вс. (сост.). Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977. С. 2.

был супругом богини солнца Арины. У них были дети – боги Телепину, Инара и др. Они были хаттскими богами. А Тархунта звали по-хаттски Тару (Tagu). Это говорит о том, что хетты всё это переняли у хаттов. А от них они перешли к грекам.

Г. Г. Гютербок пишет, что бог «Телипину имеет явно хаттское имя; Инара тоже связана с хаттскими мифологическими представлениями, тогда как «Бог бури» и «Бог солнца» являются общими великими божествами, чьи имена пишутся словесными знаками. Эти божества существовали также в хаттском контексте, где их имена известны соответственно как Тару и Эстан. Нет оснований сомневаться, что и в наших сказках речь идет именно о хаттских божествах Тару и Эстане, хотя язык этих сказок хеттский. Последнее обстоятельство лишь свидетельствует о том, что носители индоевропейского хеттского языка восприняли совместно с божествами своих предшественников также и их мифы»⁴⁸.

М. Г. Джеймсон тоже справедливо указывает, что греки, подобно другим индоевропейским народам, двинувшимся на восток, вступили в районы, где уже утвердились более развитые общества, и многому у них научились⁴⁹.

О культуре древних греков, египтян, шумеров и адыгов, о происхождении названий отдельных мифов, их героев и других аспектов их культуры приводит много интересных и любопытных фактов известный адыгский ученый из Турции Балкар Сельчук. В частности, он пишет, что само слово «Олимп» не греческое. Оно пришло в Грецию из Малой Азии (Андола – К. У.)⁵⁰.

В этой связи напрашивается один вопрос: не в Малой Азии ли у хаттов возникли первые Олимпийские игры и многие божества жили на горе Олимп, которая располагалась там же?

На самом деле, в Турции есть гора под названием Олимп. Относительно названия Олимп (Олимпос), можно предположить, что оно имеет прямое отношение к хаттам, позже – хеттам. Для подтверждения этого мнения необходимо разобрать это слово по слогам, то есть объяснить, из каких слов оно образуется. На языке луви-этрусском, который имеет родственную связь с хаттским языком, «Олимп» – это «Алуампа». «Олу» означает «солнце», «свет», «ама» на хаттском и луви – «мать», «па» (псы – «река»). Таким образом, «Алуампа» – «Олимп» переводится как «Священный источник небесной матери огня».

Одиссей – тоже негреческого происхождения, он выходец из пеласгов,

⁴⁷ Там же. С. 3.

⁴⁸ Гютербок Г. Г. Хеттская мифология. // Мифологии Древнего мира. М., 1977. С. 170.

⁴⁹ Джеймсон М. Г. Мифология Древней Греции. // Мифологии Древнего мира. М., 1977. С. 235.

⁵⁰ Балькър Сельчук. Нартхэр Натэрхэр Ануннакхэр. Налщыч, 2017. С. 26.

которые, как фракийцы, теракесы, касситы, ликийцы, карийцы и другие племена являются родственными с хаттами, синдо-меотами – древними предками абхазо-адыгов.

Как было отмечено выше, многих из них можно отождествлять с синдо-меотскими племенами. Например, пеласгов с псессами, теракесов с тореатами, торетами, фраков с фатейми, касситов с керкетами, синтов с синдами, дарданов с дандарами и др. Кроме всего этого необходимо учитывать, что одними из предков греков были ахейцы, о которых упоминает Гомер в своих поэмах, и одними из предков адыгов были тоже ахейцы.

Также интересную параллель проводит Балкар Сельчук между многими героями и сюжетами нартского эпоса и эпосом Гомера. Из поэмы «Илиада» мы видим, что во время Троянской войны одними из союзников троянцев выступили фракийцы. А их войско возглавил, как сказано у Гомера, «Пейрос герой с Акамантом вели за собою фракийцев»⁵¹.

А Балкар Сельчук довольно убедительно утверждает, что Акамант – это Ашамаз из адыгского нартского эпоса. Поскольку у греков нету буквы «Ш», её заменили на «К», и имя «Ашамаз» превратилось в «Акамант»⁵².

Примечательно и то, что самым главным советником Приама – предводителя троянцев во время Троянской войны – был Антенор. Он был из венетов (антов). Одним из десяти его сыновей был Акамас (Ашамаз). Венеты (Анты) в эту эпоху жили в Пафлагонии, то есть на тогдашней территории хаттов, касков и других им родственных народов. Это было по соседству, к востоку от Трои. Другие сыновья Антенора во время Троянской войны руководили войсками других союзников троянцев. Акамас и его брат Архелоп вместе с легендарным Энеем, сыном Афродиты (братом Эроса) предводительствовали над дарданцами, то есть троянцами. Как известно, сам Приам был из дарданцев по своему происхождению.

Таким образом, в состав троянцев тогда входили не только дарданцы, которые относятся к фракийцам, но и хатты, хетты и другие им родственные народы. Многие авторы утверждают, что троянцы находились под мощным воздействием хаттов и их проживало много в Трое. Хатты, фраки, дарданцы (троянцы), венеты (анты), пеласги и другие – все они были родственные народы. Во время Троянской войны армией Трои руководили венеты (анты). А что касается им родственных фраков, которые проживали в Трое, об этом свидетельствуют многочисленные фракийские топонимические, гидронимические и другие названия, которые имелись в самой Трое⁵³.

Из всего этого можно с уверенностью утверждать, что основным населением Трои во время Троянской войны были хатты и им родственные народы.

Таким образом, путь культурного диалога между древними греками

⁵¹ Гомер. Илиада. М-Л., 1949. С. 62.

⁵² Балкър Сельчук. Нартхэр Натэрхэр Ануннакхэр. Налшыч, 2017, С. 48.

и предками абхазо-адыгов – хаттами, касками, фракийцами, пеласгами и другими им родственными племенами и протогреками, начался с периода бронзы на Юго-Западе Европы, в Малой Азии и на Ближнем Востоке, где проживали последние еще с периода Каменного века.

Из всего сказанного выше уверенно следует, что в культурном диалоге, который проходил между древними предками греков и адыгов (черкесов) на протяжении тысячелетий, «отдающей стороной» в основном выступили предки последних, то есть адыгов – хатты, каски, фраки, фригийцы, пеласги, касситы, теракесы, синты, дандарии и другие, которые гораздо раньше протогреков вышли на историческую арену и создали свою цивилизацию не только в Малой Азии, во многих регионах Ближнего Востока и Северном Кавказе, но и во многих местах современной Греции, где поселились позже протогреки и смешались с ними.

Естественно, предки греков восприняли многое в материальной и духовной культуре предков адыгов (черкесов), в том числе в их мифологии, традициях и обычаях. Греки, в частности Гомер, перенесли их на язык письма, подогнав под греческий лад. Поэтому мировая общественность узнала о них и восприняла их как греческие.

На самом деле, как мы указали выше, многие мифы, герои и боги греков своими корнями уходят к древним предкам адыгов (черкесов).

Затем этот процесс культурного диалога продолжился на Северном Кавказе, когда греки начали колонизировать этот регион. Они здесь в первую очередь столкнулись с синдо-меотскими племенами (керкеты, тореты, псессы, досхи, дандарии, ахейцы, гениохи, зихи, фатеи и т. д.) – одними из предков абхазо-адыгов, наряду с хаттами, касками и другими им родственными племенами.

Диалог культур между ними продолжился фактически до разрушения Византийской империи турками-сельджуками. Эти параллели в их культурах проникли почти во все сферы жизни.

Словом, создается такое впечатление, что в глубокой древности многие греческие племена и абхазо-адыги как будто составляли единый этнос. Из всех народов дальнего зарубежья больше всего параллелей в культуре с адыгами имеют именно древние греки. И это неслучайно.

Как было отмечено выше, причины таких параллелей между древними греками и адыгами надо искать и в тех далеких временах, когда арийцы, которые образовались на Кавказе, еще не разделились и расселились по всей Еразии, то есть до образования индоевропейцев и индоарийцев.

Таким образом, у специалистов есть немало объектов дальнейшего и более глубокого исследования данной проблемы истории и культуры наших народов.

---

⁵³ Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. М. 1993. С.21–30. Абрашкин А. А. Мы – арии. Истоки Руси (сборник). М., 2012. С.18.

В номере:

<i>Лариса Маремкулова.</i> Диалог с поэтом. <i>Интервью</i>	3
<i>Хабас Бештоков.</i> <i>Стихи</i>	9
<i>Светлана Моттаева.</i> Песня, мечта и любовь. <i>Очерк</i>	19
<i>Хайшат Кунижева.</i> <i>Стихи</i>	21
<i>Адильгерий Соттаев.</i> Приданое. Левша. Женщин не обманешь. <i>Рассказы</i>	27
<i>Людмила Загаштокова.</i> <i>Стихи</i>	45
<i>Азиза Махиева.</i> Грибы. Пыль. Водить собак на водопой. <i>Рассказы</i>	53
<i>Петр Хату.</i> <i>Стихи</i>	58
<i>Марианна Люева.</i> Сад Унат, или Чаша нашего детства. <i>Рассказ</i>	69
<i>Мурадин Ольмезов.</i> <i>Стихи</i>	75
<i>Мухамед Хафицэ.</i> Глашатай адыгов. <i>Очерк</i>	85
<i>Алина Данилкина.</i> Лед одинокой пустыни. <i>Глава из романа</i>	97
<i>Увжук Тхагапсов.</i> Сердечные дела. Нейтральная полоса. <i>Рассказы</i>	114
<i>Аскер Додуев.</i> Огонь в кузнице. <i>Статья</i>	119
<i>Зейтун Толгуров.</i> Свет над отрогами. <i>Статья</i>	121
<i>Салих Гуртуев.</i> <i>Стихи</i>	127
<i>Валерий Латынин.</i> Хранитель жизни на земле. <i>Статья</i>	132
<i>Бати Балкизов.</i> Явь. <i>Поэма</i>	141
<i>Хангери Баков.</i> Герой не только лирический. <i>Статья</i>	150
<i>Алена Сарбашева.</i> Балкарские писатели-фронтовики... <i>Статья</i>	155
<i>Муталип Беппаев.</i> В нее по сей день весь аул влюблен. <i>Очерк</i>	165
<i>Кашиф Унежев.</i> Параллели в культуре древних греков и адыгов (черкесов). <i>Статья</i>	170

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 28.04.2023. Подписано к печати 05.04.2023.
Выход в свет 23.06.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 1060 экз. Заказ № 1138. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 41,77 руб., за 6 мес. – 125,31 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-28-49,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

---

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электрон-
ной версией.*

*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензи-
руются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей
может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут
ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не
принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке.
При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-
Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превыша-
ющем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных
(ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер
контактного телефона).*

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ

ПИСЬМО

Напиши мне потом, как живому, письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том, что ты видишь в окно
бесконечное синее море,

что по морю по синему лодка плывет,
серебристым уловом богата,
что над ним распростерся космический флот –
снежно-белая русская вата.

Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в черные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.

Напиши – я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре.
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.

9 мая 2023 г. КБР, г. Нальчик. Торжественное возложение цветов к мемориалу «ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ СЛАВЫ»

